

Министерство образования Республика Беларусь

Учреждение образования
«Полоцкий государственный университет»

Историко-филологический факультет

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЪЕКТ И ФФ

Литературный альманах

Основан в 2014 году

Выпуск 3

Новополоцк
ПГУ
2015

УДК [821.161.1(476)+821.161.3]–822

Редколлегия:

А.И. Мозго (отв. редактор), *Д.А. Лабовкин*, *С.В. Гочаков*

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор,
член Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь» *А.А. Гугнин*;
кандидат филологических наук, доцент *Н.Б. Лысова*

В альманахе представлены художественные литературные произведения, переводы и публицистика. Целью издания является развитие и продвижение литературного творчества студентов и преподавателей Полоцкого государственного университета, а также привлечение внимания к текущему литературному процессу.

ЭССЕИСТИКА

АНАСТАСИЯ МОЗГО, аспирантка

ОГНЕННАЯ ЛИЛИЯ

Филология? Загадочное слово, едва ли поддающееся точному определению. Любовь к слову. Какими терминами можно описать сущность любви? Здесь кроется нечто большее, чем сухие законы науки: вечные муки познания, но муки сладкие, погружение в мир чувств, вымышленный, но все же полный дыхания жизни, прикосновение к мудрости столетий на хрупких страницах книг и вечное путешествие в лабиринтах языка. Филология – путь к самопознанию через познание мира. И порой дорога эта может привести нас в самые неожиданные места, стать сказкой из новых времён, отворить врата в Атлантиду, где в любви и гармонии расцветёт огненная лилия.

Забавно, но и мои поиски золотого горшка начались именно в Дрездене. Мне удалось избежать злоключений несчастного Ансельма: я добралась до берега Эльбы, не опрокинув корзины яблок и не вызвав проклятий старухи. Куст бузины с тремя резвящимися золотыми змейками я тоже не нашла, но вид старого города поразил воображение настолько, что я была готова слушать музыку в камне часами. Исторический центр города, весь в черном цвете, окрашивается в золото лучами заходящего солнца. А над городом царственно парят облака, пышные, сизые облака, они ведут немой диалог с могущественной, но ныне тихой и спокойной рекой. Здесь царит волшебная атмосфера. Побывав в столице Саксонии, спустившись к каменистому берегу Эльбы, начинаешь заново верить в сказки.

Несмотря на то, что мне не удалось прикоснуться к старинным рукописям о Саламандре у архивариуса Линдгорста, всё же мне посчастливилось заново открыть дверь в волшебный сад филологии. Основной целью пребывания в Дрездене оставались интенсивные четырёхнедельные курсы немецкого языка, которые проходили в Гёте-Институте. Традиционные упражнения на развитие различных навыков и умений составляли лишь малую долю занятий. Время летело незаметно. Занятия могли начинаться с цитаты Ницше, а закончиться стихотворением Г. Гейне или И.В. Гёте или музыкой Р. Вагнера. Прогулка по Галерее старых мастеров и перформанс в Галерее новых мастеров, презентации в Музее гигиены или беседы с традиционной выпечкой на траве в парке – все наши уроки выходили за рамки традиционных уроков, творческий подход преподавателей становился нитью Ариадны в постижении загадок лабиринта языка. Философия, музыка, живопись, наука и просто жизнь – магические манускрипты, непонятные завитки которых раскрываются в совершенно ином свете под хрустальный звон филологии. Мир наполняется тысячами тёплых оттенков, которые окрашивают серые будни тысячами едва заметных деталей, определяют наши жизни и о которых мы часто забываем. Так полупрозрачные прошлогодние золотистые листки гинкго билоба, бережно собранные, засушенные и подаренные нам преподавателем немецкого языка, и строки одноименного стихотворения Гёте на последнем занятии завершили пребывание в Дрездене, став последним штрихом на картине впечатлений. Простое на первый взгляд стихотворение заставило переосмыслить многое.

«Сам я двойственно един» – принцип полярности у Гёте, первый шаг к самопознанию, за которым последуют нарастание и полнота. Отвергая выбор между двумя альтернативами, мы начинаем познавать все стороны жизни. Балансируя между противоположностями, осознавая их глубинную суть, мы начинаем осознавать мир иначе. К чему стремиться только к одной стороне? К чему вместо тысячи граней реальности выбирать одну? Разве корабль, плывущий от одного берега к другому, определяет суть путешествия, если мы смотрим только на берега? А как же волнующие синие дали? А как же свежий морской воздух и далёкие горизонты под звёздным небом? Да и само море... Сотни потоков из самых отдаленных уголков Земли сливаются в единое целое, в постоянном движении, умирая и рождаясь вновь. Гармония жизни заключена в её многопоточности, многогранности.

Филология может стать маленькой речушкой, берущей начало на страницах любимых книг, но пройдя долгий путь по долине бессонных ночей, проведённых за изучением очередной дисциплины, она приведёт нас к морю возможностей: не только стать хорошим специалистом, но и увидеть мир иначе, почувствовать себя иначе. Стоит только поверить в магию слова, впустить волшебство искусства в сердце, и огненная лилия расцветёт, озаряя золотыми лучами будни и открывая всё новые тайны природы.

ПОЭЗИЯ

ТАТЬЯНА КОСЕНКО, студентка гр. 14 РГФ-1

Отражаются ивы в реке,
Ветки-руки свои обнажив,
Виден птиц караван вдалеке,
Слышен ветра коварный порыв.

Лист кленовый плывет не спеша,
Позолочен и смыт октябрем, –
Наполняется грустью душа,
Мы по осени тихо бредем.

Все готовится к зимнему сну,
Не нарушен природы закон,
Расстилает туман пелену,
Заглушая синиц перезвон.

Лучик солнца пробил облака,
Прокатился по кроне сосны,
Ничего, что наступит зима...
Все равно мы дождемся весны.

За печкой тихо дремлет гном,
Луна распята за окном.
Отложим ссоры на потом...
Пусть полной чашей будет дом.

И мы в ночной ладье плывем,
Над суетой, рожденной днем,
Мотив ноктюрна жадно пьем,
Тоски и неги много в нем.

Под майским трепетным дождем
Река покрылась серебром.
Вздохнуло эхо за холмом,
Родился в ночь весенний гром.

...Отложим ссоры на потом –
За печкой тихо дремлет гном.

АНАСТАСИЯ МИШЕЧКИНА, студентка гр. 14 РГФ-1

И снова я стою на берегу,
И в синеву твою смотрю который раз,
Но я не силою удержана в плену,
Меня притягивает твой немой рассказ.
Ты то спокойно, то набирая силу
Из глубины вытягиваешь грязь,
Я вся окутана уже столетней тиной,
Но окунаюсь с головой за разом раз.
Ты так уверенно несешь меня течением,
Я доверяюсь каждому волнению.
И сердце не тревожится сомнением,
Что мне понадобится от тебя спасение.
Но ты, к несчастью, вдруг становишься холодным,
И волны, окружая, тянут вниз.
Ты не желаешь больше быть мной покоренным:
Закончился твой небольшой каприз.
Среди холодных волн и пустоты
Пытаюсь отыскать я камень преткновения.
Но все, что вижу я вокруг, лишь ты.
И я корю себя за то, что отекла сомнения.
Нельзя бороться вечно с твоей силой,
И бездыханная почти иду ко дну.
Твоя покорность оказалась мнимой,
Моя свобода навсегда теперь в плену.

АНАСТАСИЯ МОЗГО, аспирантка

Звездной пылью судьбой одаренная
Невеста ветра, в горах рожденная,
Заводит песнь эльфийскую, томную
О любви веками проклятой.

Волнуется сердце, Эльбой окутана,
Душа невинная, трепета полная,
Нежностью солнышка упоенная,
Под шепот часовни поет она:

«Где же душа летает ворона,
Сон мой укравшего?
В горах жду его!
Золотом день освещает хоромы,
Только из печи веет холодом...

Дыхание женщины смрадное чувствуется,
Из леса голос ее доносится,
Зовет к берегам изумрудным она,
Манит музыкой ране неведомой.
Где же ты, жизнь моя?
Где же ты?»

Колыбельная

Очередная шлифовка души,
Стеллажи книг, кофе, дожди,
Типажи, нелепость фраз. Прости!
Чертежи глупы. Время уйти!

Осень, дым сигарет, джаз,
Спросишь ответ. Нет! Метастаз.
Ад, хрипота и дрожь,
Холод и боль. Ждешь?

Брось! Прощай! Я прощаю! Иди...
Дверь. Звонок. Хохот. Входи.
Судороги встреч.
Опять больна.
Лечь!

ЮЛИЯ ФИЛИППОВА, выпускница

Я не жду от тебя ничего.
Ты лишь порождение скуки и лени
В апреле.
Твоя роль – наполнение сомнением.
Опять мое сердце пусто.
Говоришь мне «люблю», и я верю
А как же? Иначе – рутина.
А знаешь – постыло влюбляться в свои же слова.
Беда... это промах моего самомнения.
Трясина из выжатых склок туманит
И манит одновременно.
Фантазия снова а доле. На волю...
Зачем? Не синоним к боли, но все же.
И снова все тоже.
Я вру и себе и тебе, лицемерка.
А клетка у каждого будет своя.
Ну, пока. До новой бессмысленной встречи.
Напомню, что вечность бескрайне мала
В покинутой страстью речи.

ЕЛЕНА ЧУЛОВА, заведующая кабинетом кафедры
мировой литературы и иностранных языков

ЕЛЕНА БАЛТРУКОВА, выпускница

Vixi

Вроде зелено, но все же
моросит сентябрьский дождик.
Им на красках летних тонкий
бело-серый блик положен.

Осень, старая японка,
водит кисточкой по шелку,
между каплями на стеклах
я подглядываю в шелку.

Те же линии и краски,
вот прохожий: зонтик, сумка, –
между каплями неясно,
что осталось от рисунка.

Мяу – ура.

Когти по полу цокают,
как на параде копыта,
и плоский мир регулярно
повернут бывает на бок.
Что не было на пол сброшено
и чудом еще не разбито,
так это ... бейсбольная бита
и старый лохматый тапок.

Зачем собак дрессируют
бегать с хозяином в ногу?
Кошки это умеют
и так, не много науки!
Когда их чешут, балуют,
они замирают и млеют.
И маршировать умеют, –
возьми только мясо в руки.

Есть много методов кошку
заставить ходить с вами в ногу:
Она послушна сметане,
неравнодушна к хот-догу,
Она по рукам будет виться
мурчащим шелковым шарфом
Дай ей лишь сливок напиток,
слизать языком шершавым.

Задней лапой причешет
мягкие серые ушки,
А за окном мальчишки
весь день играют в войнушку .
На занавеске чуть слышно
жужжит беззаботная муха.
Прыгает муха гораздо выше.
Вот невезуха!

Мир приливает к кончикам пальцев,
И они, напившись кровью,
Ощущают осколки мечты, что впиваются,
Сожаленье неся за собою.
Растянувшись в древесном запахе,
Зелен мой лик, ибо он весь в тени,
Что отбрасывает
Новая, чуждая жизнь.
И в ее блаженной сени –
Могила свершений моих:
Прошлого предала я земле.
А сколько еще предстоит мне
Предать?
Себя пред собою мне не оправдать
Во веки веков.
Аминь.

Я б хотела убить
Всех кукушек в лесу,
Впредь не мерить жизнь смехом стихающим,
Позабыть,
Что прервать я не могу
Бег песчинок из рук ускользающих.
Я б хвататься не стала
За тонкую нить
Мгновений, что рвутся в холодную вечность.
Разорить бы их гнезда,
Детей поглотить,
Нерожденную их безупречность.
Словно Кронос пожрать свет тех звезд
Посреди
Оглушительно тихих пространств.
Но кукушки, увы,
Никогда не вьют гнезд,
И потомство их скрыто от глаз.

ДМИТРИЙ ЛАБОВКИН, аспирант

ПОЭМА ОБ ОДНОМ ЧУВСТВЕ

Поцелуй

Как чиркнуть спичкой,
Чтоб загорелось пламя
Преисподней наших душ.
Тех душ, что в муках
Долгой вечности страдали.
А теперь сожгут себя все муки сами!

Зима

Когда опять придёт зима,
пусть нас согреет
обжигающий лицо мороз,
наш плач, надрывистый и громкий,
на смех так сильно ведь похож...

Глаза

Я смотрю в её глаза.
Вижу, будто наяву,
Вне материй и субстанций,
Всё ведь знают те глаза,
Я им ночью рассказал.
И слов тебе не говоря,
Под талыми лучами фонаря
Смотрю, смотрю, смотрю...
Ничего не говорю.

Внутри –
Неоновый, всепоглощающий,
дрожащий и кричащий,
изнуряющий, пьянящий
огонёк,
Он горит в моих глазах,
Поникших, тусклых,
«Полных жизни»,
Отразившись сотни раз
В её зрачках, потом – в моих,
ещё в её, опять в моих...

Те глаза в ночи
смотрят сквозь глаза мои,
и жгут
Неоновым, всепоглощающим,
дрожащим и кричащим,
изнуряющим, пьянящим
огоньком, –
Внутри.
(я всё поведал им)
Мои глаза прозрачны.
Ты живёшь во мне.
Оттуда смотришь на себя
Под талыми лучами фонаря...

Ожидание

Вперёд смотреть огромными глазами,
может, мы когда-нибудь узнаем
ту, что нас так долго ждёт,
а может, не дождётся и умрёт,
но если так, то хоть бы ей уйти зимой,
когда вокруг белым-бело,
и вьюга белоснежной чистоты крупицу
унесёт на небеса – мы всё равно
среди снежинок не заметим –
но она
за нами сверху будет наблюдать,
а летом ей захочется вернуться,
и тогда
в июле выпадут снега.

Беззаветно

Красиво плакать – так легко,
Слезамы мысли смыть – ничто.
Поверить, страхи побороть – так сложно,
И кажется порой, что невозможно

Остаться здесь, с тобой, не уходить
И в нежный сон не окупиться –
Тебя судьбой своей опередить
И, всех простив, к тебе вернуться.

СЕРГЕЙ ГОЧАКОВ, магистрант

Она лежала полугола,
А он сидел, потупив взор.
Он – неизбежный Казанова,
Она – красотка на подбор.

В тени она, полунагая,
В волнах батистовых кудрей,
Глядела, глазками сверкая
Из-под заточенных бровей.

Табачным дымом окруженный,
Он колких, резких фраз искал,
В расчеты, думы погруженный,
Курил и кольца запускал.

Она в молчании решила,
С ним поиграть в который раз.
Его вдруг мысль осенила:
«Не буду ревновать сейчас».

Его терзали подозрения,
Она сгорала от тоски.
Им пользы нет от примиренья,
Они играют в поддавки.

На сердце руку положив,
Я Вам клянусь перед иконой:
Своею жизнью сумасбродной
Кидался я то вкось, то вкривь.

И вот я снова Вам пишу.
Обида злая грудь мою терзает,
Зараза заживо сжирает,
И я порой едва ль дышу.

Проклятьем свыше память мне дана,
Ведь помнить Вас невыносимо.
Хоть боль растет так нестерпимо,
Мне Вас забыть никак нельзя.

Лежу один в своей я спальне,
И говорит здесь все о Вас.
Когда же тот нелепый сглаз
Умылся в горьких слез купальне?

Когда, зачем я спесью гадкой
Пресытился? Как пустозвон
Бьет в бубен, так и я вдогон
Все сквернословил за спиной укладкой.

Ведь небо, что у нас над головой, одно.
И вся суть в том, что и сейчас мы вместе,
Сидим с тобой на этом самом месте
И, сговорившись заодно...

Друг друга любим. Да, я Вас люблю.
Всю Вас... Всю, без остатка.
Люблю так терпко и так сладко,
Как день закат, а ночь зарю.

ТАЦЦЯНА БАГАРАДАВА, выкладчык кафедры
сусветнай літаратуры і замежных моў

На белым снежным жупане
Сляды ад сотні брудных ног.
Каліны гронка ў акне
Ля скрыжавання ўсіх дарог...

Стаіць каліна ля вакна
Сярод снягоў і завірух,
На ўсіх буйных вятрах – адна,
Зямны змыкаючы ланцуг.

Палае велічны пажар
І раздае агонь жыцця,
Ашчадна захаваў дар –
Кавалак вечнага быцця.

І асцярожна хадой,
Каб чысты не стаптаць дыван,
Сваіх пякучых думак рой,
Сумненняў доўгі караван

Я да каліны прынясу.
І горкія патокі слёз
Затопаць кідкую красу,
А велічнасць скуе мароз.

Павольна пацерку зары
Да вуснаў смяглых паднясу
І са знявечанай кары
Сатру спагадную слязу.

А ў адказ каліна мне
Падорыць спелых гронак смак:
Пад ногі ягады сыпне
Не як падзяку – проста так.

Халодная кропля маёй датыкнецца далоні,
Гаючай слязою прал'ецца яна на зямлю.
І ветрык ласкавы знарок пацалуе ў скроню,
Бо хоча пачуць у адказ веснавое: «Люблю!»

Я вусны раскрыю і шчыра яго пацалую,
Пяшчоту душы і кахання свайго падару.
Надзеяй яго атулю, зашапчу, замілую
І побач з адзіным у шчасці сустрэну зару!

Кажуць: вельмі складана праз вернасць прайсці,
Не згубіцца ў безлічы словаў і фраз
І да сэрца людскога сцяжынку знайсці,
Не развезаць душэўнай пяшчоты запас.
Вельмі лёгка загінуць у жыццёвым віры,
Закруціцца, закідацца – й моўчкі сысці.
Час адлічвае тэрмін на календары,
Цяжка простым смяротным да веры дайсці.
Некаторыя хочуць быць верным сабе,
Вельмі многія – Богу і роднай зямлі.
Ды на схіле жыцця застаюцца ў журбе,
Што гады, як маланкі, імкліва прайшлі.
Зноў слязінка ўпадзе на пацёрты альбом,
Будуць вочы старэчыя ў суме тануць.
Валасінку сіваю між скроняй і лбом,
Як сцяжынку бялюткую, рукі змахнуць.
Усе мы грэшныя, праведных у свеце няма –
Існаваў па законах маралі Хрыстос.
Трэба жыць, каб праз вернасць прайсці не дарма,
І ўласнымі сіламі вызначыць лёс.

А на вокнах – шыбы ў карунках лёду,
І сутонне ночы кліча цішыню.
Наракаць дарэмна на сваю свабоду
І шукаць на снезе водбліскаў агню.
Шэранню пакрыта сэрца трапяткое,
Незаўважна б'ецца ў абцугах грудзей.
Марыць пра былое, вечнае, зямное,
Каб не заблукацца ў бездані падзей.
Непазбежна хутка час ляціць крылаты,
Ды не пакідае ўсеабдымны сон.
Хочацца вярнуцца пад сузор'яў шаты
І растаць маўкліва ў нябыце дзён.
Ціха і бяздумна спяць старыя хвоі,
Гойдаюць вавёрак між сваіх галін.
Ноччу наваколле абуяюць мроі
Пад таемны шэпат велічных ялін.
А на белым снезе – шмат слядоў і броду,
І завейны кужаль не схавалі іх.
Хутка снег растане, толькі не забуду
Доўгі шэраг крыўдаў і абраз людскіх.
...Зноў на вокнах шыбы ў карунках лёду
І сутонне ночы кліча цішыню.
Наракаць дарэмна на сваю свабоду,
Бо на брудным снезе не знайсці агню!

АЛЕКСАНДРА ВЛАСЕНКО, выпускница

Sickly

Dread, pain, don't you run, all in vain,
 Stalk yourself, is there something for you left to gain?
 Sleepless weeks, time dissolves,
 Hounding mind, haunting souls,
 Anguish clangs, shows it's fangs:
 Wounded prey's dragging legs.
 Sharp and bright, painful light,
 Cuts your eyes, fills with fright,
 Dream of long, endless night,
 Pray, someday you'll be alright.
 Painkilling drugs, Angels of Silence,
 Muffle your shrieks, thicken all shadows.
 What torment shall I give you?
 All and all, it enlightens:
 Break an arm – learn to write,
 Wish to see? – Just go blind.
 Cut your wings, leave behind.
 Would you master a flight?

So little money, such big ambitions,
 Silver smoke dresses fantasies, oh, so vicious.
 Silence and obscurity turn me inside out,
 Really nothing for mommy to boast about.
 Couldn't bring myself to become your copy-cat,
 Better be a creative stray dog at that.
 I'm a huge fuck-up, not one of a kind,
 Shameless sickness keeps flourishing in my mind.
 Still there's always a glimpse of hope
 That keeps me safe, away from the rope,
 If there's still something I'm destined to write,
 Each new day I shall welcome at the end of night.
 Please, my muse, make haste, don't be long,
 I don't know how I would live on my own.
 Set my stale thoughts on fire, in one heartbeat,
 At my deathbed, be sure I will never regret it.

Motherly Love

You found me, one quiet day in November.
 Which one? Oh, why should I ever remember?
 Resourceful, like predator, looking for prey,
 You've claimed me, not much there's really to say.
 Eternally grateful, my love knew no bounds,
 A hideous fetus, as bad as it sounds,
 You've grown in my heart, giving no chance to mind.
 My common sense lived, ever silent, beside.
 Warm and protective, my love was your womb
 Soft as my smile, that erased all your gloom.
 I lived day after day, tended to your every need,
 Some would say, I could make a good mother, indeed.
 All my dreams, gleaming wishes, of which I was deprived,
 Do you know, how they screamed, being buried alive?
 And then your time was up and you wanted to leave,
 To roam, see the world, see what you could achieve.
 A short glance in your eyes, I felt something arise
 In my heart, as if waiting for my own demise:
 A painful contraction – our love was stillborn,
 I knew we wouldn't miss it when it'd be gone.
 And I quietly answered, out of the blue:
 "So be it. Let me cut the cord for you"...
 My overgrown child, I left you alone.
 But why are you screaming? Why would you moan?
 I can hear your lament: "the world is so cold!"
 Oh, why would you do this? There's no hand to hold!
 How could you take all the love and the comfort away?
 What monster a you are! I thought I'd always keep you at bay!
 The dying mother – I hear it all muffled and distant, I say:
 "I only gave you the life you so wanted, I did it your way..."
 And without you I am not empty, yet I feel relieved,
 I can now get the love I have never perceived.
 Farewell, my overgrown baby, my never-a-man,
 I disown you, and tell myself quietly: "Never again."

LARS JENDREIZIK, *Lehrer für Deutsch*

(Angeregt nach Ch. Morgenstern)

Klug-Scheißerei

Nur weil Fliegen fliegen, muß ein Kriecher kriechen?
Geld stinkt nicht, es riecht gut.
Sollten Wagen auf Waagen sich wagen?
In einem Zug in einem Zug ein Buch zu lesen, ist unmöglich.

Panzer-Hund

Der Hund, durch Dichters List und Tücken,
hat einen Panzer auf dem Rücken
um die Flöhe, die da drunter, zu zerdrücken.
Doch die Biester, welch ein Graus,
macht das gar nichts aus.
Vielmehr, statt dessen,
um es nicht zu vergessen,
schützt der Panzer sie vor Regen.
Eben.

Brillen-Weisheiten

Die Brille 1

Eine Brille sieht die Welt immer mit den Augen des Menschen.

Die Brille 2

Die Brille hat eine schlechte Eigenschaft: Sie ist hochnäsig.

Die Brille 3

Eine Brille verliert nie die Fassung,
nur manchmal (in der Sauna) den Durchblick.

Nasenstüber 1

Auch eine tropfende Nase kann man in Dingen finden, die sie nichts angeht.

Nasenstüber 2

Die Nase ist das zweite, das bei einem Mann hervorsteht.

Nasenstüber 3

Politisch gesehen befindet sich die Nase in der Mitte.

Nasenstüber 4

Nicht nur Sportler wollen die Nase vorn haben.

Nasenstüber 5

Wenn man die Nase voll hat, heißt das noch lange nicht, dass man sie durch Putzen wieder leer bekommt.

Auswahl von Alexander Gugin

ПРОЗА

ТАТЬЯНА КОСЕНКО, студентка гр. 14 РГФ-1

ЗОЛОТЫЕ ОТТЕНКИ ПЕЧАЛИ

Осень в этом году выдалась тёплая. Утром, посмотрев в окно, на солнышко, глубокое прозрачное небо, не сразу сообразишь, что это: конец апреля, или, всё-таки, начало ноября. И только золотисто-багряная листва подсказывает: увы, на дворе осень... С небес слышится печальный плач улетающих к югу журавлей, которые тоскливо прощаются с родными местами. Живыми крикливыми тучками перемещается разная птичья мелочь. Цепляясь за жухлую траву и ветки, серебрится на солнце паутина – средство передвижения маленьких паучков. Чудесным, волшебным контрастом смотрится золотой кленовый лист на фоне глубокого, сине-бирюзового неба. От таких картинок душу охватывает светлая, тихая печаль...

«Очей очарованье», – как сказал поэт. Наверное у весны и осени есть только одно большое сходство – хрустальная прозрачность воздуха, его бездонная синева. Различия у этих пор года явные. Каждый день весны мы видим бурное пробуждение природы, снятие зимних сонных очков. В осенних днях заложена какая-то тягучая безнадежность. Еще острее воспринимается цветовая палитра из листьев – как прощальный осенний фейерверк. Уже скоро небеса нальются свинцовыми тучами, которые будут мрачно отражаться на глади озер и рек. Величаво на фоне темного неба смотрятся старинные храмы, их золотые купола как будто уходят в вечность. А на земле ничего постоянного нет... Это весной хочется куда-то бежать, что-то вершить, а осень располагает больше к философскому осмыслению. Подведению итогов, так сказать. На дворе мерзкий холодный дождь, колющий пронизывающий ветер, а ты сидишь в теплой комнате, никуда не торопишься – есть время размышлять. Прелестно и немного грустно. Все познается в сравнении. Так и людям, чтобы оценить весну – дана осень, а в полной оценке лета поможет зима. Ничего лучше не оттенит добро, чем зло. Грохот поможет больше ценить тишину, любовь контрастирует с ненавистью. А всё это вместе и есть чудеса мироздания. И надо попытаться ценить каждый миг, отведенный нам вечностью.

АНАСТАСИЯ МОЗГО, аспирантка

РОЖДЕСТВО ПОД ШЕЛЕСТ СЕНТЯБРЯ

Тёплый плед, и чашка чёрного горячего чая с корицей и гвоздикой, и мандарины на журнальном столике рядышком. Тихо бормочет телевизор, а за окном ночь. На чёрном небе сияют звезды, укутанные серой дымкой облаков. Рождество. Она одна в квартире. Она ждет его возвращения. Он вышел на пять минут в магазин за ее любимым горьким шоколадом, а ей казалось, что его нет целую вечность. «Себя можно понять, лишь увидев собственное отражение в глазах другого человека» – прошептала героиня индийского фильма. Его глаза... Странное чувство не покидало ее. Вот-вот раздастся звонок в дверь, и он войдет с тихой улыбкой на лице, и она заглянет ему в глаза в тысячной попытке понять себя. Он стоит рядышком. В холодных руках – алая роза и чёрный шоколад, на его губах – соленый поцелуй. Он заваривает себе чай, и они сидят рядышком под огромным махровым пледом. Они укрылись от холодного мира, от двоемыслия судьбы, от лицемерия богов. Они – одно целое, вселенная без начала и конца. Свет их души озаряет темную комнату. «Я так тебя люблю...» – прошептал он ей на ушко. Это был самый лучший подарок – полное умиротворение от осознания счастья в лучах его любви. Она заглянула ему в глаза. Они – её воздух, отражаясь в них, она верила, что жива, но не в этот раз... Она словно канула в бесконечно чёрную пучину хаоса. Непроглядная мгла поглощала её. Все пропало: и чай, и шоколад, и плед, и розово-алые стены комнаты, и его нежная рука. Кругом лишь необъятные просторы пустоты, вакуум одинокого странствия по жизни. Она падала, стремительно и бесповоротно. Отчаяние усиливалось с порывами вырваться из цепи безнадёжности. Она проснулась. Всего лишь сон... А за окном под музыку холодных капель пел колыбельную колкий сентябрь...

ВИТАЛИЙ КОЛОЩИЦ, студент
финансово-экономического факультета

ОЧАРОВАТЕЛЬНЫЕ ПРОПАСТИ

*«There's a flame that leads all souls astray.
No one's safe from its tender touch of pain».*

Ville Valo [HIM]

I

Ер. 1

«...Я себя ни черта не понимаю! – казалось, что плитка трещит под его ногами, – настолько он был взбешён глупостью своих поступков. – Какая сила заставила меня выбежать из дому как проклятого? Кажется, её прихоть для меня – неписанный закон, не иначе». Так он кидался мыслями в стороны, словно случайными предметами, перемежая их язвительным самобичеванием с привкусом сарказма. «Нет, в самом деле! Ведь я ей ничем не обязан, скорее, наоборот! Это ни в какие ворота...»

Едва завидев крыльцо «Богемы», он спохватился: «Стой. Не теряй самообладания». Дав себе минуту отдышаться, он принял вид «Я забрёл сюда невзначай», довольный своим талантом лицемерить, и, неспешно закулив в десяти шагах от клуба и дав возможность всем себя заметить, добрёл до входа в заведение.

– Фи-и-ил! – позвал откуда-то из темноты такой знакомый, ни с чем не сравнимый голос. – Эй! Ну, Фи-и-ил! – он просто обожал своё имя, выпускаемое из её уст, и, возможно, чтобы растянуть это чувство как можно дольше, а, возможно, с целью не выдать действительную цель своего визита, немного помедлил оборачиваться в её сторону.

– Рита, рад тебя видеть, – он сказал эти слова нарочно неспешно, только приблизившись к ней максимально близко, позволив расслышать всю глубину матового тембра своего голоса. – Не надеялся тебя застать здесь – кажется, скоро закрытие, – соврал он, притворившись, что не прочитал её сообщение в «Вк». – Ты в порядке, Рита? – Каждый раз, называя её по имени, он ощущал её как будто ближе, чем есть на самом деле. Только в эту секунду Феликс обратил внимание, в первую очередь, на необычный, слегка неестественный блеск её глаз, обличающий степень нетрезвости девушки, а, заодно, причину её прекрасной непрекращающейся улыбки. Только отведя взгляд от её глаз, он усмотрел нечто неладное с коленкой, которую она старательно, но безыскусно прикрывала ладошками. – Покажи, что тут у тебя, – сказал он мягким тоном, будто обращался к обиженному ребенку и, присев почти на корточки перед ней, снял её руки с раны. – Рита, тебе стоило быть аккуратнее, милая. Сильно ушиблась? – уже без сомнения, сама она чувствовала себя будто дитя, опекаемое сильным защитником. – Пошли, приведём тебя в порядок, я тут буквально за углом живу. – Не принуждая девушку и в без того непрестом положении к ответу, он помог ей подняться и, приобняв за талию, повёл в сторону дома из красного, уже почти почерневшего кирпича, который стоял элегантной белой вороной среди бесцветных панельных построек советской эпохи.

По дороге, неуклюже спотыкаясь, Рита всё совершала тщетные попытки доказать, что она в полном порядке, но Фил, казалось, абсолютно не воспринимал её слова всерьёз, лишь умиляясь таким неумелым, но решительным эпизодам лицедейства. В конце концов, осознав свою несостоятельность как актрисы, Рита сделала вид простодушного покорного существа, довольного такой опекой, чего не мог не заметить и не поставить себе в заслугу Феликс. Ведь, как-никак, ему доставляло несравнимое удовольствие чувствовать её привязанность к себе, пусть и наигранную.

Контраст ночной прохлады и жара её кожи только усиливал притягательность девушки, будто обличая внутреннюю откровенность. Отличаясь некоторой небрежностью, образ Риты неизбежно превращался в соблазнительный коктейль. Нелёгкий путь на четвёртый этаж дома, не имевшего даже намёка на наличие лифта, только разогрел атмосферу между ними. Щёки Риты горели то ли от трудного подъёма по лестнице, то ли от стыда (ещё бы, первая их встреча имела очень неприличный исход, да и эта обещала соответствовать прошлой).

Открыв одной рукой старую массивную дверь в свою обитель, Феликс завёл девушку внутрь и оставил ждать, посадив её на причудливый, высокий и довольно старомодный, как и вся квартира, стул. Полумрак

поначалу несколько насторожил её, но вскоре глаза привыкли к бедному свету из окон, прорезанных в мансардном потолке, и Рита ощутила тепло и уют обширной комнаты.

Спустя минуту Феликс вернулся и с таким решительным видом повёл её в ванную, что девушке стало слегка неловко: может от двусмысленности происходящего, а, может, от количества оказанного ей внимания. Ванная комната оказалась практически полностью чёрного цвета, с редкими вкраплениями белого под потолком. Фил посадил её на край ванны, подвернул джинсы на её левой ноге и, достав необходимые медицинские принадлежности из аптечки, принялся за обработку её раны с крайне серьёзным видом.

Наблюдая за процессом, Рита бессознательно запустила руку в его волосы, будто из благодарности поглаживая их. Этому бессловесному «спасибо» вторил и её заинтересованный взгляд. Когда он встретился с отрешённым взглядом Фила, закончившего процедуры с её раной, рука Риты упала на его запястье, неожиданно остановившееся на её бедре. В две секунды это разожгло огонь в его глазах. Поднимаясь с колена, он провёл свободной ладонью по её бедру и талии и навис над ней, словно скала. Её лицо стало серьёзным, её широко раскрытые глаза вцепились в Фила восторженным взглядом. Отогнав, даже с некоторым презрением, секундное чувство неправильности происходящего и заменив его твёрдым чувством собственной власти, Фил широкой ладонью мягко, но уверенно притянул её за шею и, будто пробуя яд её губ, стал целовать её с отчаянным желанием самоубийцы, нарастающим с каждой секундой.

Прежде чем они оба забыли обо всех обстоятельствах, Фил успел отметить для себя, что как бы то ни было, завтра ему предстоит неоднозначное свидание с Милой – он просто не имел права упустить столь глобальный для него шанс. Рита же была в тысячах световых лет от любых внятных мыслей – её полностью поглотила глубина происходящего.

КСЕНИЯ ЗАБОЛОТНЕВА, студентка гр. 10 РГФ-1

МУЗОЛОГ

«Никто вас не предупредит, что любовь живёт три года»

Frédéric Beigbeder «L'amour dure trois ans»

«Любовь вообще нисколько не живёт.

Она, скорее всего, ещё не родилась вообще.

Нет такого понятия как «любовь».

Это либо страсть, либо неизлечимая зависимость.

А что у вас?»

От Автора

– Так вы говорите, писать вам помогает ваша муза?

– Да, всё верно.

– И эта муза – ваша спутница, не так ли?

– Да-да, вы опять правы.

– Но позвольте, ведь это всё разные женщины!

– Ну и что из этого? Одна – для тела, другая – для души. Хотя нет, обе – для тела, но вторая – обязательно для души.

– А что, вдруг, если вашей музыки не станет?

– Не будет и меня.

– Но как же? А она знает о другой женщине?

– Едва ли.

– Так, что если она узнает? Она же, скорее всего, уйдёт?

– Главное, чтобы не раньше, чем кончится её волшебная квинтэссенция.

– А потом?

– Потом я найду новую.

– А что будет с той, которая только для тела?

– Ничего. Она никуда не денется. Она ведь и так обо всём знает. Ну, или, по крайней мере, догадывается, и ничего не может сделать. А вот со второй сложнее. Она чувствует свою власть и прекрасно понимает, что я от неё завишу. И она играет. Но, почему-то, ни одна из них не осознаёт, что их время не вечно.

– У вас с первой всё серьёзно?

– Конечно.

– А со второй?

– Временами.

– А они считают, что у них с вами это серьёзно?

– Хотелось бы. Но всё это ложь. У таких людей, как мы, не может быть ничего серьёзного. Мы просто делаем вид, а на самом деле просто пользуемся друг другом. Мы – потребители, не больше. Мне нужны их тела и магия, а им – моё признание.

– Звучит цинично!

– А как же. Мы прекрасно знаем цену всему. А главное, мы знаем цену времени. Мы – люди искусства, нам дороги чувства и переживания, так станем ли мы тратить время на какую-то там любовь? Что за ерунда?!

– Считаете?

– Любовь – не что иное, как иллюзия счастья. Сегодня вам с вашей музой хорошо, а завтра вы её просто ненавидите. Ещё вчера она стояла на кухне в прозрачном белье и готовила для вас как никогда бодрящий напиток, а сегодня вы жаждите, как бы она поскорее исчезла, ну, или нашла себе кого-нибудь другого и бросила вас.

– И вы действительно так думаете?

– Ну да. Посудите сами. Если я спрошу вас, что такое любовь, что вы мне ответите?

– Любовь... эм... ну... понятие растяжимое...

– О Боже! Меньше тривиальности, больше конкретики. Я вас умоляю...

– Ну... Я не знаю, как это описать.

– Никак. Никто и никогда ещё не дал миру точного определения данному объекту. Его никто не видел, не трогал, не нюхал, не использовал... Это словно невидимая материя. Ну, или, если хотите, можете называть это мифом.

– Хм. Вполне логично.

– А теперь скажите мне честно. Вы когда-нибудь кого-нибудь любили?

– Ну, я не знаю... наверное.

– Так вы сомневаетесь?

– Я этого не говорил.

– Так любили или нет?

– Скорее нет, чем да.

– Вы ещё больший циник, чем я. Я сразу говорю, что любви нет. А вы себя ещё и обманываете.

– Ладно, предположим, любви нет...

– Никаких «предположим», её НЕТ!

– Так вот. Что же вы тогда говорите вашим музам? Ведь «Я тебя люблю» для женщины – выше любых слов.

– Есть много разных фраз, в которых есть три слова вместо жалких «я-тебя-люблю». Ну, например, «Ты нужна мне», «Я хочу тебя», «С тобой навсегда», «Внутри меня океан», ну, или «Не кури, дура», «Где мой кофе?».

– И верно, три слова.

– Это могут быть любые три слова. Да хоть «Я люблю джаз». Просто произнесите это страстно, но изысканно, и она услышит то, что нужно. Не забудьте при этом обнять её и нежно поцеловать. И... дело в шляпе.

– Это вы им и говорите?

– Иногда.

– И вашей музе тоже?

– Она тоже женщина.

– А когда она уходит... что вы говорите ей тогда?

– Ничего, пусть идёт, если она иссякла.

– А если нет?

– Тогда я говорю ей три слова.

– И какие же?

– «Ты – Моя Муза».

ЖЕНЩИНЫ

В комнате пахло старостью. Это была типичная стерильная комната в маленькой двушке. Старые розовые обои, когда-то клееные наспех, знали лучшие времена, а раскинувшийся на них орнамент маленьких цветов и вовсе не подавал радостных надежд. Комната была обставлена скупой: диван и пара кресел, обтянутых персиковым бархатом (дань восьмидесятым). Около стены стояла массивная секция, в которой пылились всевозможные сервизы и томились подарочные бутылки и конфеты, тихо ожидая своего часа. В углу на маленьком комоде расположился большой советских времён телевизор, который прятала под собой большая вязаная салфетка. А посреди комнаты красовался маленький раскладной столик. Она ждала гостей.

Хозяйка, старая тучная женщина за семьдесят, не очень-то любила готовить. Да и не умела она. Да и не хотела вовсе. На стол она поставила лишь сделанный наспех салат из красного перца, помидора и каких-то листьев, селедку, купленную в ближайшем супермаркете, и какую-то мясную нарезку. По краям стояло шесть приборов: серебряные вилки и ножи уже давно не полировались и доставались только, когда приезжали из-за границы родственники. Через полчаса за столом сидели пять женщин и старик.

– Ну что... Помянем... За Танечку, – чуть шёпотом произнесла Валентина.

Все выпили не чокаясь. Женщины пили вино, а Иван водку.

Они не виделись уже много лет, встречались лишь изредка, когда все по каким-либо причинам появлялись в городе в одно время. «Семья», «семейные посиделки», «соберёмся по-семейному», «давно не виделись» – примерно такими словами начинались все их разговоры. После каждой такой встречи они разъезжались ещё на несколько лет, наивно считая, что уже больше никогда не встретятся. Но периодически у одной из них возникали приступы сентиментальности, и она начинала обзывать остальных в надежде на «долгожданную встречу».

По правую руку от хозяйки сидела Валина двоюродная сестра Маша – старая добрая женщина, с мягким лицом, от которой всегда пахло выпечкой и кремом для рук.

– Да, обидно, что такая молодая и погибла, ой-ой... – сказала Маша, покачала головой, и все сидящие за столом повторили за ней этот жест. Даже Иван, который никогда так не делал, невольно дёргал головой, только вот как-то иначе, чем все.

– И не говори Машенька, Бог забирает лучших из нас, – посетовала баба Валя.

– Да-да, я же ещё недавно её видела, такая помолодевшая: ни на шее, ни на лице, ни морщинки, загорелая, грудь подтянута, губки пухлые. Ну никто бы не сказал, что ей скоро шестьдесят, – ответила Маша.

В голове хозяйки невольно нарисовался образ прекрасной женщины, никогда не знавшей печалей и не заботившейся ни о чём. Какой-то уже слишком идеальный.

– Да-да. Вся в отца. Вон ему скоро за восемьдесят перевалит, а он как мальчик, – произнесла хозяйка, указывая вилок на Ивана. – Ты чего смотришь, чего хочешь? – спросила она мужа.

Прожив бок о бок с Иваном больше пятидесяти лет, она знала его лучше всех и без слов поняла, чего хочет её муж. Но сейчас взгляд её не выражал ничего кроме отвращения.

После ряда инсультов Ивану стала отказывать память, он уже плохо говорил, всё время проводил в постели, давно уже ни с кем не разговаривал. Ему было сложно связать и два слова, но жена поняла его без проблем.

– На тебе водки, божечки, одни проблемы от тебя! – хозяйка повернулась к женщинам. – Ей богу, столько забот, только с утра переодевала, и перед вашим приходом он весь уделался, ей богу уделался...

Помолчав с полминуты, баба Валя продолжила:

– Бедная Танечка, ой-ой-ой, самое ужасное – это родителям пережить своих детей.

Люба, Валина вторая дочка, поперхнулась, но ничего не сказала.

Смерть сестры изрядно подкосила Любино здоровье. За два месяца она похудела почти на сорок кило. Когда-то пухлые щёки обвисли, под глазами появились огромные синяки, а сами глаза как будто провалились. Да и сама женщина словно усохла и в свои пятьдесят три казалась меньше сидящей напротив троюродной сестры Жени. Та в это время сидела молча и наблюдала за всем происходящим. Когда принесли горячее, она потеряла желание что-либо есть. Курица воняла рыбой и была безвкусной, картошка недоваренной, а салат был перелит лимонным соком. «Хуже еды я не пробовала», – подумала она.

– Жень, а у тебя жених-то есть? А? Как ты там замуж ещё не собралась-то? – спросила Люба.

– Есть, – вздыхая ответила девушка.

– Что? Говори громче, баба Валя не слышит.

– Е-С-Т-Ь!

– Хорошо...

В комнате на секунду повисло неловкое молчание.

– Постарше хоть тебя-то?

– На полгода!

– Понятно-понятно. Что ж это ты не ешь совсем. Баба Валя старалась, знала, что гости придут, готовила, – запричитала хозяйка.

– Спасибо, чего-то не хочется.

– Ну вон салатикую положи, рыбки...

От этих слов девушку передёрнуло. Ей даже думать не хотелось о том, как вообще готовилась эта еда и как остальные делают вид, что всё в порядке.

– Да-да, попозже, – с натянутой улыбкой ответила Женя.

– Ну что, за встречу тогда? – символично подняла бокал тётя Раиса. Все опять выпили.

– Тётъ Валь, какое у вас вино вкусное... – со смешком произнесла Раиса

– Это невесточка, Алиночка-солнышко мне подарила. Она, когда ко мне в гости приходит, постоянно что-нибудь в подарок приносит. Это она мне посоветовала сумку на пол не ставить, говорит, деньги водиться не будут. Так вот... я перестала ставить сумку на пол и заметила, что денежек-то побольше стало. «Баба Валя, вы мне как мамочка», говорит.

– Конечно, когда матери нету... – произнесла Мария грустным голосом, пытаясь не встречаться взглядом с хозяйкой.

– Какая хорошая девочка, ей богу хорошая. Родители-то у неё владеют сетью зубных клиник в Израиле, и в нашем городе тоже есть несколько. Такие деньги зарабатывают, мам дорогая. Сама же она детям зубы лечит. Хорошая, хорошая девочка, – всё не успокаивалась баба Валя.

– Сама, наверное, у неё зубы делаешь?

– Да какие зубы, Машенька. Нам-то с тобой не знать. Какие зубы-то, нет их уже давно.

– Ну у тебя один-то есть.

– Да... Один. На нём то всё и держится... Ну что? За любовь?

Все выпили, кроме Ивана, о котором уже все позабыли. Он грустно посмотрел на жену. Ему хотелось только водки.

– Ой, да, опять про тебя забыла, Ваня. Только это последняя, больше не проси! – Валентина налила ему последнюю рюмку и отставила бутылку. Он выпил.

– Да, Танечка моя... Всего пятьдесят семь-то было... – лицо женщины не выражало ничего.

– Да мы все ещё не отошли, мам. Помню, как она перед всем случившимся к нам приехала. Догуливала последние дни отпуска. Мы ездили в Юрмалу, ходили по магазинам, обедали... Так хорошо было... Потом она уехала и на тебе... – женщина остановилась на полуслове. – Эм... Разбилась. Поехала в лес за грибами и разбилась насмерть. – Люба начала потихоньку уходить куда-то мыслями.

– А Валера?

– Мы о нём даже не говорим. Не можем простить ему, – сделав небольшую паузу, она продолжила: – Он был за рулём.

– ОПЯТЬ ДРАЛСЬ! УБИЙЦ! – выдавил из себя Иван, и уже через секунду понял, что зря. Ответ жены не заставил себя ждать:

– Молчи сиди, вякает он. Доедай давай и иди отсюда – Любе сидеть тесно!

Она пихнула его в бок – Иван начал кашлять.

– Да отвернись ты, не при людях же, думаешь всем приятно на тебя смотреть? Давай, вставай!

– Мам, ну пусть сидит, чего ты? – вступилась за отца дочь.

– Да, хочет сидеть – пусть сидит, – тихо сказала какая-то из женщин.

– Нет, пусть идёт, он нам мешает, – Валя начала пихать Ивана сильнее и орать: – Д-А-В-А-Й!

– НУ, ЧТ ТЫ... НУ, ЧТ ТЫ... ПЕРСТНЬ... – пытался защищаться Иван.

– И-Д-И

– НУ, ХВТИТ...

Тут Люба не выдержала и закричала на всю квартиру:

– Да оставь ты его в покое уже!

Женя пересела на один из диванов, поджав ноги под себя, наблюдая за всем происходящим.

– ВСТАВАЙ! – всё не унималась женщина. Иван тихо вздохнул и начал неспешно вставать со стула.

– БЫСТРЕЕ! – завопила Валя. Муж двигался медленно, опираясь на стул. Он двигался не спеша и, наконец, сел напротив дивана, где расположилась девушка.

– Садись дальше!

Он отсел.

– Ещё дальше!

Он отсел ещё дальше.

– Ещё, я сказала! – казалось, старуха уже никогда не уймётся.

Ему ничего не оставалось, как повиноваться жене. Валентина отступила.

Иван молча сел почти в углу и стал с интересом разглядывать Женю, лишь краем уха слушая, о чём говорят женщины. Они не виделись больше пятнадцати лет, многое за это время изменилось. Он изменился. Не было больше цвета в его глазах, да и казалось, что он как будто смотрит в пустоту. Когда-то шикарная шевелюра поредела, а кожа на лице сморщилась, как на сухофрукте, ему было трудно говорить, дышать, жить... А его любимая когда-то жена превратилась в ведьму.

– А что там с их квартирами, сколько их там осталось? Четыре или пять? – кокетливо спросила Раиса.

– Ну, вот мы недавно ездили к нотариусу. Писали отказ от наследства, – проговорила женщина, тяжело вздохнув, – чтобы всё досталось внукам. Юра всё-таки решил оставить себе квартиру, которая поближе к метро. А вот были и те, кто претендовал на ВСЕ квартиры.

– Кто? – подскочила Маша

– Валеркины эти... – откликнулась Валя дочь. Её мать тут же подхватила:

– Да, они такие хитрые! Только смотри! В итоге всё решили по-честному. Ведь квартиры куплены на Танечкины деньги. Мы собрали все документы, все книжки, все чеки, чтобы, если что, в суде доказать, что Таня и мы все на них собирали. А не эти... Валеркины. Чтобы никому ничего лишнего не досталось. Танечка, Танечка, девочка моя. Ну что, чайник ставить?

Через пять минут на столе уже стояли чашки, тарелки для торта и ложки. Хозяйка принесла чай и торт.

– Жееееень, иди к нам, чего сидишь одна? – послышались ехидные хозяйкины слова.

– Нет, спасибо. Я здесь посижу.

Девушке больше не хотелось пробовать стряпню старой женщины.

– Включи хоть телевизор, что ты нас старух-то слушаешь?

– Ну, потом, я пока так посижу.

– Ой, совсем про конфеты забыла.

Баба Валя достала из секции открытую коробку «Raffaello».

– Это мне Алиночка принесла, девочка. Ей богу милочка. Как моему Юрочке повезло. А свадьба-то какая шикарная была! Только вот родители её очень расстроились, что она фамилию мужа взяла. Вот они теперь опять отдыхать поехали, во второй раз. Её отец им специально свою новую машину дал. Они на ней в медовый месяц всю Европу объездили. А теперь опять отдыхать отправились, и она мне каждый день звонит. Секретничаем.

Женщина гордо вскинула голову, а девушка закатила глаза, но этого никто не заметил. Иван тихо встал и поплёлся в свою комнату. Вдруг остановился, опираясь на стену.

Он давно ждал этого момента. Ему было уже всё равно, где и когда это произойдёт. Старик не мог больше выносить происходящего. Иван услышал голос жены и тихо произнёс: «Умереть бы сегодня, не мучиться».

В гостиной женщины пили чай.

ДМИТРИЙ ЛАБОВКИН, аспирант

ШРАМЫ

«В последние годы экзаменуемым стало очевидным, что кандидатам все труднее видеть разницу между Искусством и Жизнью».

Джулиан Барнс, «Попугай Флобера»

Принадлежать¹

– Может, попробуем что-нибудь ещё? – спросил Вова.

– Нет, – ответила Лена. – Продолжай.

Совершая аккуратные поступательные движения бедрами, Вова смотрел на Ленино лицо. Казалось, оно не выражало никаких эмоций. Лишь её широко открытые глаза выдавали то, что происходило у неё в душе. Впервые он заметил, что, кроме безумного желания принадлежать ему и невероятного удовольствия от происходящего, в её глазах присутствовал какой-то едва уловимый оттенок страха. Он чувствовал: его оргазм уже на подходе. Чтобы избавиться от мыслей и не перебивать это ощущение, Вова поспешил перевести взгляд на Ленины губы. Именно её приоткрытые губы не раз спасали его, когда вид её тела, всё время находящегося в одной и той же классической позе, переставал способствовать достижению им логического завершения. Он сделал ещё несколько толчков, быстро вышел из неё и кончил, отвернувшись в сторону. Затем он лёг рядом с ней и нежно обнял её.

– Я люблю тебя, – произнесла Лена слегка дрожащим голосом.

– И я тебя люблю, – ответил Вова.

Ещё долго они лежали, обнявшись, в полной тишине и не спешили засыпать.

Проснувшись, Лена обнаружила, что лежит в постели одна. На её лице появилась лёгкая тревога, но запах жареных яиц с беконом, доносящийся с кухни, тут же успокоил её. Она встала, набросила на себя халат и поспешила на кухню.

– Доброе утро, солнце. Как спалось? – сказал Вова, подошёл к ней и нежно поцеловал её в щёку.

– Доброе утро, любимый, замечательно, – ответила она немного робко.

– Садись за стол, завтрак готов.

Она ела молча, а он сидел и смотрел на неё, не отводя глаз. Всё это время улыбка не сходила с Вовиного лица. Лена изредка поглядывала на него, но, несмело улыбнувшись, тут же опускала глаза. Покончив с яичницей, она быстро встала из-за стола, захватив с собой пустую тарелку, и быстрыми мелкими шагами подошла к раковине. Она пустила воду и начала мыть посуду. Минуту спустя, Вова подошёл к ней сзади, обнял её за талию и осторожно поцеловал в шею. За первым поцелуем последовал второй, более долгий и страстный, потом третий, четвёртый. Его руки скользнули вниз по её телу, укрытому лёгкой фланелью, и остановились на Лениных бёдрах. Затем он стал медленно сжимать и разжимать кисть правой руки, собирая в складки подол её халата. Через несколько мгновений она ощутила его тёплую ладонь на внутренней стороне своего бедра. Теперь Вовина рука скользнула вверх. От удовольствия Лена закрыла глаза и почувствовала, как он невольно провёл пальцами по её шраму. Ладонь снова устремилась вниз по её бедру, задержалась на месте дефекта, и шероховатые подушечки пальцев аккуратно оцупали его. Через секунду Вова стал ласкать её клитор, но она не намокала. Лена пыталась расслабиться и полностью отдаться ему, но время от времени её пронимала холодная дрожь, которая не давала страсти завладеть ею. Когда Вова дотронулся до шрама, дрожь с новой силой прокатилась по её телу, и страсть совсем отступила.

– Ты же знаешь, я не люблю заниматься этим при свете, – проговорила Лена извиняющимся тоном.

– Знаю-знаю, – прошептал Вова, ещё раз поцеловал её в шею и сел на стоящую рядом табуретку. Шум воды и звон тарелок нарушали тишину на кухне, а Вова сидел и молча наблюдал за тем, как Лена мыла посуду.

Вечером того же дня они лежали в постели и смотрели фильм. Лена лежала на краю дивана, спиной к Вове, а он, прижавшись к ней, обнимал её и гладил ей живот. Свет был выключен. Мерцание телевизора отражалось от стен, а голоса героев пронзали тишину. Вовины движения становились всё более пылкими и настойчивыми. Вдруг

¹ Рассказ, написанный Александром Владимировым, восстановленный мной из черновика.

его рука скользнула под Ленину майку и коснулась ничем не защищённой женской кожи. Лена закрыла глаза, а её дыхание стало прерывисто тяжёлым. Вова продолжил ласкать её. С каждым движением он всё ближе подбирался к её груди. Наконец он почти добрался до цели, но за полсантиметра до неё ощутил какую-то неровность на казавшейся ему до этого идеально гладкой коже и сразу же отдернул руку. Он снова стал гладить Ленин живот, однако эти ласки утратили ту страсть, которая присутствовала в движениях Вовы ещё секунду назад. Он опять несмело дотронулся до шрама, который находился у Лены прямо под левой грудью, и заметил, как кожа на поджатых ногах девушки тут же стала «гусиной». Быстро оцупав шрам, мужская рука снова скользнула вниз и принялась вяло поглаживать Ленин живот. Через несколько минут Вова заметил, что Лена заснула. Он встал с дивана, выключил телевизор и лёг обратно в постель, отвернувшись к стене. Но Лена не спала. Как только он улёгся, по её щеке покатилась слеза. Лена вытерла лицо о подушку, перевернулась на другой бок и, прижавшись к Вове, крепко обняла его.

Вова проснулся оттого, что Лена убрала с него свою руку и встала с дивана. Она подошла к окну, которое летом постоянно оставалось открытым, и стала смотреть в простирающуюся за ним темноту. Вова протёр глаза, сел в постели и закурил.

– Дай мне одну, – сказала Лена.

– Ты ж не куришь, – попытался возразить Вова, но Лена подошла к нему, схватила сигареты и спички, закурила и снова отошла к окну.

Они молчали около пяти минут. Вова лежал на диване и смотрел в потолок, а Лена всё также вглядывалась в темноту за окном. Вдруг низкий голос Вовы сотряс тишину в комнате:

– Лена, что случилось?

Ответа не последовало. Вова выдержал паузу и опять строго спросил:

– Лен, ты ничего не хочешь мне рассказать?

В ответ раздалось звонкое хлопанье. Она плакала. Вова медленно встал с дивана, подошёл к Лене и приобнял её за плечи.

– Эй, не вздумай плакать, слышишь? – тон его голоса заметно снизился. – Ты что? Чего реветь-то? Посмотри на меня! Ну! Посмотри на меня, успокойся и скажи, что произошло!

Лена повернулась к нему и, не поднимая глаз, уткнулась в Вовино плечо. В комнате раздавался её громкий, надрывистый плач.

– Нет, нет, не скажу... Не могу... Ни за что не скажу... – твердила она сквозь слёзы.

Через час Лена перестала плакать. Она сидела на подоконнике, прислонившись спиной к широкой стенке оконного пролёта и смотрела в темноту за окном. Вова сидел на диване и курил. Собачий лай разорвал ночную тишину. Через несколько секунд Лена произнесла:

– Это случилось год назад.

Вова докурил очередную сигарету. Лена тихо и неторопливо продолжила:

– Когда я училась в колледже, мы с подругой пошли в гости к её друзьям – тогда они казались нам совершенно нормальными – и сначала всё было хорошо, мы просто сидели, пили чай, разговаривали... А потом пришли эти трое... – Лена снова начала плакать, но быстро успокоилась. – Они сразу начали вести себя как отморозки: говорили гадости всякие, ржали как кони... А Катькины «друзья» их только подначивали. Когда они стали руки распускать, мы с Катей поняли, что пора уходить, но эти уроды загородили собой дверь и не выпускали нас. Я хотела вызвать милицию, но меня схватили и бросили на кровать. Катьку тоже схватили – «друзья» её – и потащили в другую комнату. Меня раздели, начали издеваться, тушили об меня сигареты... А потом... Потом меня изнасиловали.

Лена замолчала и снова стала отрешённо смотреть в окно.

Через несколько секунд Вова встал с дивана, подошёл к Лене и обнял её. Около минуты никто из них ничего не говорил.

– Это с тех пор у тебя шрамы? – спросил Вова.

– Да, – ответила Лена.

Ещё некоторое время они молчали. Затем девушка снова заговорила:

– Понимаешь... Я бы очень хотела отдать тебе. Полностью. Так, как ты хотел бы. Но каждый раз для меня, как испытание... Всё это последствия того, я знаю... Но ничего не могу с собой поделать...

Лена снова заплакала. Ничего не говоря, Вова прижал её к себе и стал поглаживать её голову. Через несколько минут слёзы перестали течь из Лениных глаз, и она, всё ещё давясь рыданиями, проговорила:

– Если из-за того, что ты услышал... Если это как-то повлияет... Я просто хочу, чтоб ты знал... Я тебя очень люблю... Я хочу быть с тобой... Хочу быть твоей...

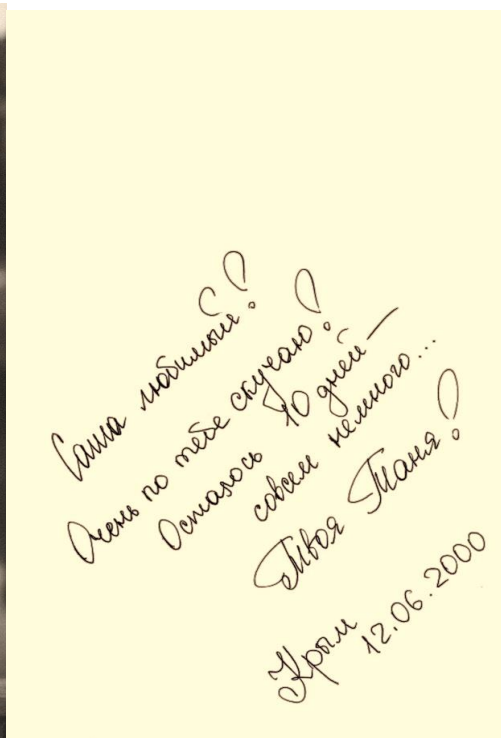
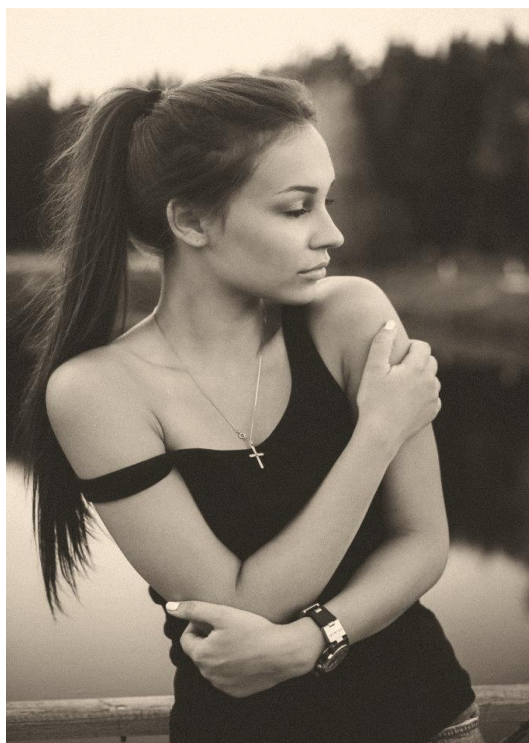
Вдруг Лена запнулась, повернула голову и посмотрела Вове в глаза. Тот, ненадолго задержав взгляд на заплаканном лице своей девушки, произнёс:

– Боюсь, моей тебе не быть уже никогда.

Вова убрал руки с Лениных плеч, забрал, лежащую на диване пачку сигарет и вышел из комнаты.

Через полчаса Вова снова зашёл в комнату и остановился в дверном проёме. По щекам парня текли слёзы. Лена всё так же сидела на подоконнике и глядела в открытое окно. С минуту Вова стоял и смотрел на Лену, которая даже не догадывалась об этом и не обращала на своего молодого человека никакого внимания. Гробовая тишина, воцарившаяся в комнате, на секунду прервалась, когда Вова бросился к Лене и с разбегу толкнул её в законную темноту: раздался протяжный женский крик и последовавший за ним глухой хлопок.

26 июля 2001

Она была такой красивой, что её внешность казалась мне чем-то неприличным¹. Будто я обладал какой-то роскошью, владел тем, чего нет у других. Каждый раз я смотрел на неё... и не верил своим глазам. Просто дух захватывало от её красоты. Да что говорить-то? Ты ж видел фотографию. Но главное, она любила меня, любила так, как только способен любить человек. Всем сердцем и беззаветно. А мне не хватило ума, чтобы ценить это. Не хватило не только ума, но ещё благородства, снисходительности, умения сочувствовать и много чего ещё. На самом деле мне просто не хватило сил быть мужчиной, за что и поплатился.

¹ Эту историю мне рассказал Александр Владимиров, узнав о том, что я начинающий писатель. Произошло это в поезде по дороге в Могилёв в 201* году. Тогда Александр только что вышел из тюрьмы и хотел начать новую жизнь подальше от родного города. Также он отдал мне черновик своего рассказа и фотографию девушки, объяснив это тем, что ему необходимо избавиться от всего, что напоминает о прошлом.

Тогда мне было двадцать три, но я, как подросток, с нетерпением ждал ночей, когда её мать уходила в ночную смену, – я жил в общежитии, и ночные смены Валентины Николаевны были нашим единственным спасеньем. Мы пили вино, слушали музыку и занимались любовью... Понимаешь, мы так подходили друг другу, что это сложно передать словами... О чём бы мы с ней ни говорили – мы могли беседовать часами напролёт – у меня всегда было чувство, что она понимает меня настолько, насколько я сам могу себя понять. А чего мы только ни пробовали в постели! Исполняли любые прихоти друг друга. Потому что оба желали одного: доставить удовольствие любимому человеку, – и это было верхом наслаждения... Это было настоящим раем... Который обернулся сущим адом.

Однажды я нашёл у неё на спине три шрама, которых раньше почему-то не замечал. Три круглых шрама над левой лопаткой. Будто кто-то тушил сигареты о её спину. Я спросил, откуда взялись эти шрамы. Думал, может, по детству ерундой занималась, знаешь, от несчастной любви... Но почему на спине?

То, что я услышал, стало для меня ударом, который я не смог вынести...

Сначала она вскочила с постели, быстро оделась и села на подоконник, уставившись в окно. Я тут же бросился к ней, обнял её, стал спрашивать: «Малыш, ты чего? Что случилось? Зайка, ты чего молчишь?» Но она не отвечала. Я усыпал её лицо поцелуями и, ощутив, что её щёки были мокрыми от слёз, совсем одурел. Я попытался успокоить её, но, казалось, от этого становилось только хуже. Она плакала навзрыд, а я ничего не мог поделать. Я просто прижал её к себе и ждал минут двадцать, пока она сама не пришла в себя. Это было как пытка. Когда она успокоилась, я присел на кровать и закурил. Мы оба молчали, а в комнате тихо играла музыка. Это была песня «Дорз» – как сейчас помню. Мне казалось, я схожу с ума. Помню, песня уже почти доиграла, и тут она заговорила... Рассказала, что, когда училась в десятом классе, они с подружкой пошли в гости к двум друзьям. И сначала те нормальными казались, вроде. А потом пришли какие-то трое отмороzków и стали приставать. «Друзья» тоже им под стать оказались. Девчонки поняли, что пора валить оттуда, так эти их не пустили. Таня ментов хотела вызвать. Тогда её схватили и кинули на кровать. Потом раздели и сказали: «Хочешь уйти живой – поработай пепельницей». Прикинь, она сама попросила их об лопатку тушить, чтобы шрамы не так заметны были! Короче, ублюдки поиздевались над ней и отпустили.

Самое интересное в том, что, когда я услышал это от неё, я не проникся ненавистью к этим нелюдям, но наоборот, сразу почувствовал какое-то отчуждение по отношению к ней. Я стоял посреди комнаты как вкопанный, а она всё так же сидела на подоконнике. Моя жизнь перевернулась. Понимаешь, я всё время считал Таню всецело своей, как духовно, так и физически, потому что и сам полностью был в её власти. А теперь это равенство было нарушено. У меня в голове не укладывалось, что её тело никогда не принадлежало *только* мне. Кто-то оставил на нём свои отметины, и они всегда будут напоминать мне о том, что я делю её красоту с каким-то подонком. Эта мысль не оставляла меня в покое. Я не знаю, сколько я так простоял, но чем дольше я там оставался, тем сильнее было моё отвращение к Тане. Видимо, в какой-то момент мой рассудок помутился. Потому что единственное, чего я желал, это подбежать к ней и вытолкнуть её в открытое окно. Мол, если не моя, так пусть будет ничья. Сейчас мне кажется, что тогда, в той комнате, был не я, а кто-то другой. Я уже готов был броситься на неё, но тут из моих глаз хлынули слёзы. Часть разума вернулась ко мне. Я понял, что никогда не смог бы убить её. Ведь я до беспамьятства её любил...

Когда я пришёл в себя, я снова услышал Танин голос. Сквозь слёзы она кричала: «Саша, я люблю тебя... Ты что, не понимаешь? Я хочу быть с тобой... Хочу быть твоей...» Но я ответил: «Моей ты никогда уже не будешь. Прощай». Я развернулся и ушёл.

Мне сложно описать то, что происходило со мной по дороге в общежитие... Но мне нужно было как-то освободиться от пережитого в ту ночь. Тогда я тоже немного писал, как и ты. И как только я зашёл в комнату, я, не разуваясь, сел за стол и стал писать тот рассказ. Пока я писал, из моих глаз не переставая текли слёзы...

Я закончил к утру. Как ни странно, по окончании работы, я действительно почувствовал себя намного лучше. Около семи утра, полностью вымотанный, но, можно сказать, абсолютно умиротворённый, я пошёл спать. А через два часа меня разбудил сосед по комнате и сказал, что Таня покончила с собой – выбросилась из окна.

Дня через три ко мне явились с обыском – ведь я был у Тани за час до её смерти. Они нашли чистовик рассказа. Та рукопись стала главной уликой по этому делу. Она и «превратила» меня в убийцу.

ЕЛЕНА БАЛТРУКОВА, выпускница

ПИСАТЕЛЬ

Он шел по городским переулкам, уткнувшись в книгу, отрываясь лишь для того, чтобы оглядеться, приметить то старую табличку с названием улицы, потемневшую, заляпанную уличной грязью, то аллею, вторгающуюся под острым углом в прямую улицы и теряющуюся где-то за поворотом. Он долго стоял у скамейки на остановке, приглядываясь к кляксам брызг, не садясь ни в один автобус. Он ждал, пока тень соседнего дома, медленно сползая по косой, достигнет дальнего угла скамьи. Вот она приближается, словно хищник, касается своим острым краем ножки.

Он посмотрел вправо: темно-синяя тень, отбрасываемая домом напротив, уже отрезала ножку скамейки от солнечных лучей. Он вздохнул. Куда теперь? Мужчина снова уткнулся в книгу.

«Он вздохнул. Куда теперь?» – прочел он на странице и продолжил свой путь.

Он должен был найти Писателя. Он знал, что книга приведет его, ведь там была описана вся его жизнь, каждый шаг, каждая мысль.

– Каждый шаг, каждая мысль... – пересохшими губами прошептал Читатель и снова огляделся. Впереди, вклинившись в развилку двух улиц, высилось старое здание заброшенного кинотеатра. В некоторых больших прямоугольных окнах сохранились осколки стекол, которые отражали грязно-розовый свет заходящего солнца, с колонн осыпалась штукатурка, вход был заколочен шероховатыми досками. Он перевернул страницу:

«Впереди, вклинившись в развилку двух улиц, высилось старое здание заброшенного кинотеатра. В некоторых больших прямоугольных окнах сохранились осколки стекол, которые отражали грязно-розовый свет заходящего солнца, с колонн осыпалась штукатурка, вход был заколочен шероховатыми досками. Он был на верном пути».

Читатель знал, что это о нем, знал с самых первых строчек, он почувствовал это, как чувствуют люди взгляд, обращенный им в спину. Каждая деталь была подмечена до мельчайших подробностей. Он сразу понял, что делать.

«Он сразу понял, что делать» – прочел он и закрыл глаза. Он знал, какая строчка будет следующей: «прочел он и закрыл глаза». Это было неизбежно. Но так ли неизбежно все остальное? Именно это он хотел знать, это он хотел спросить у Писателя. Не просто знать, что будет дальше, но и понять зачем.

Он хотел понять зачем. Пока он шел, не глядя под ноги, обувь его промокла. Недавно прошел дождь, воздух был чист и свеж, краски дня угасали, постепенно уступая лиловому сумраку. Читатель ничего не замечал.

Откинувшись на спинку стула, мужчина рассматривал облака, синие снизу и тронутые розовым и оранжевым сверху. В небе полыхал пожар, в котором сгорал уходящий день, а внизу было серо и сыро. Писатель размял уставшие пальцы. Ему было тяжело не только физически: слова роятся в голове, маленькие золотые пчелки, жемчужины, которые надо нанизать на нить сюжета, подцепить на стержень, извлечь из россыпи одну, подходящую. Если художник попытается зарисовать описанное, то у него получится полупустой мир отблесков, пылинок, латунных ручек и темных углов. Но в этом и смысл: выбирать лишь то, что важно, не разбрасывая слова попусту. Слово бесценно, да...

...бесценно. Он дает знак, пишет и о себе. Каждая мелочь – подсказка, разгадывать эту головоломку – становиться ближе к Писателю. Знает ли он о Читателе? Делает ли он это сознательно или это совпадение? Читатель снова повернул налево, прошел под кирпичной аркой, по диагонали пересек детскую площадку, песок хрустит у него под ногами, он спотыкается обо что-то...

Мужчина спотыкается обо что-то, падает, роняет книгу и озирается по сторонам: дома со всех сторон обступили его, лишь впереди еще одна арка, выходящая на очередную улицу. Читатель встал, поднял книгу и начал отряхиваться, потом направился напрямик к арке.

Читатель оторвал взгляд от страниц, на которых уже налипли сырые песчинки, и пошел в указанном направлении.

«В указанном направлении» – глупая строчка. Писатель снял очки и снова размял пальцы. Сумрак менял комнату до неузнаваемости, все силуэты казались незнакомыми. Щелчок – свет настольной лампы добавил контрастности, прочертив резкую, желтую границу света и тьмы, защищая стол от черных теней. Из темноты выплыли корешки книг, засохший кактус на подоконнике, сломанный стул у стены. Все грани размывались, лишь напрягая воображение и память можно было воссоздать обстановку комнаты. Писатель надел очки, и мир стал четче, лишь в лаковой поверхности стола он остался таким же призрачным.

Он нашел эту книгу сегодня, разбирая старый хлам. Потрепанную, с помятым верхним уголком, с надорванным корешком. Первые же строки заставили Читателя окаменеть в изумлении. Он читал это. Именно это, слово в слово. Он попытался вспомнить, что же было с ним вплоть до этой минуты, но не мог. То же было написано на пожелтевших страницах. Он не помнил даже своего имени и назвал себя Читателем. Так было написано в книге.

Писатель пробежал глазами весь абзац, решив, что вернется к нему чуть позже. Писать от руки тяжело, а с годами это все труднее. Мужчина взглянул на старую печатную машинку. Ею не пользовались долгие годы – буква «Г» куда-то пропала. Такая мелочь, но вся машинка вдруг стала непригодной. Как представить себе роман с пропущенной буквой? Олод, рохот, убы, осподь...

– лупо, – усмехнулся Писатель.

Он снова перечитал написанное: «Олод, рохот, убы, осподь...

– лупо, – усмехнулся Писатель». Вот так: был дефект, а стал – литературный прием.

За окном зажглись фонари, человек, стоявший под одним из них, удивленно вздрогнул и оторвал взгляд от книги.

Он удивленно вздрогнул и стал оглядываться. Он был уже близко к Писателю, а может, это было просто совпадение. Но есть ли совпадения в этой книге? Найдет ли он то, что ищет или он на ложном пути? Читатель мог бы заглянуть в конец книги. Мог бы? Не будет ли это жульничеством? Ведь там написано, чем все кончится, получит ли он ответ, каким этот ответ будет. Так? Нет. Писатель знает все, что делает Читатель, он знает, что книгу будут читать от строчки к строчке. Или нет? Или Читатель делает все, что написано, потому что другого выбора нет? Вдруг заглянув в конец, он прочтет, что заглянул в конец? Вдруг он не существует вне страниц книги? Вдруг он не Читатель, а лишь персонаж? Что будет с ним, когда книга закончится?

Читатель хотел это знать и боялся.

Поставив точку, Писатель почувствовал дрожь, мысли вдруг стали ясными, голова – легкой. Восхитительное чувство, когда он понимал, что писать дальше, когда невозможно было остановиться, поток мыслей изливался на бумагу, словно без его участия.

Он чувствовал себя псом, напавшим на след. В два прыжка он пересек проезжую часть, забежал в подъезд, спотыкаясь, поднялся по лестнице, нашел дверь без номера и постучал.

Писатель обернулся на стук.

Вдруг в его собственную дверь действительно постучали. Он удивленно обернулся и посмотрел на нее так, словно пытался увидеть, что за ней.

Читатель в предвкушении облизнул губы: он там, он за дверью, он смотрит на нее. В невероятном волнении он начал искать нужную строчку, но буквы прыгали перед глазами.

«Читатель в предвкушении облизнул губы: он там, он за дверью, он смотрит на нее» – нашел.

Ручка на мгновенье замерла над листом, писатель перевел дыхание и продолжил: «он снова постучал».

Не отрываясь от книги, он начал бить кулаком в дверь.

Писатель подскочил на месте, услышав настойчивый стук. Он колебался, потом нехотя пошел открывать.

– Это вы? – спросил Читатель.

Он оторвался от книги и взглянул на седого мужчину, удивленно разглядывавшего его сквозь очки.

– Это вы?

– Что вы имеете в виду?

– Да! Я нашел вас.

Он уверенно прошел в комнату и начал оглядываться.

– Молодой человек, потрудитесь объяснить, что все это значит.

– Взгляните сами.

«– Молодой человек, потрудитесь объяснить, что все это значит.

– Взгляните сами» – прочел Писатель внизу страницы и выронил книгу.

– Я хотел спросить у вас...

– Я не закончил.

– Простите?

– Ее. Я еще пишу ее, там, за столом... на столе... Она на столе.

Писатель перевел взгляд на книгу. Она была старая, потрепанная, с помятым верхним уголком и надорванным корешком. Именно так он описывал ее, когда писал. Ему не нужно было поднимать книгу с пола, чтобы узнать, что в ней.

– Оглянитесь. Назовите первое, что бросится вам в глаза.

– Стол, печатная машинка, окно, настольная лампа, книги, засохший кактус на подоконнике, сломанный стул у стены.

– Вы понимаете?

– Мы оба Читатели. Где-то есть еще один Писатель, который написал эту книгу.

– Нет. Не написал – пишет.

– Почему вы так думаете?

– Мне только что пришло это в голову, и я готов поклясться, что то же самое написано в книге.

– И?

– Если бы это было не так, то я бы этого не сказал и этого бы не было на страницах. Но мы делаем то, что написано, думаем то, что написано...

– А если мы попытаемся сделать что-то по-своему?

– Взгляните сами.

«– А если мы попытаемся сделать что-то по-своему?» – прошептал Читатель и вернул книгу Писателю.

– Найдем ли мы Писателя?

– Какая разница? Все, что с нами происходило или произойдет, уже написано, если мы найдем его – это будет очередная тень, которую он создаст для нас. Лишь его образ. Мы спросим у него то, что он напишет, и он ответит нам то, что уже будет записано, и мы снова пойдем искать.

– Так что же, этому не будет конца?

– Вы писатель?

– Нет.

– Значит, вы – последнее звено этой цепочки, следовательно, где-то есть и первое.

– А вдруг все заканчивается Читателем, и им окажусь я? Вдруг это замкнутый круг?

– Вы видите книгу? Она написана, издана, она в обложке. А значит, у этой истории есть

Конец...

ВИТРАЖИ

Погребальный звон разливался в воздухе, задевая солнечные лучи, которые стремились скрыться от него за облаками. Дело было вовсе не в их эгоизме, просто лучи не умели печалиться, а нарушать скорбную минуту своим беззаботным весельем они не хотели.

Однако для печали не было особых причин: мужчина лет шестидесяти при жизни нажил куда больше врагов и завистников, чем друзей – покойный обладал тяжелым нравом и непомерной скупостью. Он лежал в гробу, который явно был маловат для его брюха, даже смертная бледность не стерла красноту с его обрюзгшего лица, мясистые губы были искривлены, застыв в презрительной усмешке. Именно из-за этой жуткой ухмылки люди, явившиеся на похороны, старались смотреть не в лицо толстосуму, а на его короткие пальцы, крепко сцепленные на огромном животе. На пальцах тускло поблескивали массивные золотые перстни, которые совершенно невозможно было стянуть, сколько усилий ни прикладывай. Видимо, даже после смерти этот скупердй продолжал цепляться за свое богатство.

В часовне яблоку негде было упасть, но никто из присутствующих не скорбел и не ощущал утраты: родных покойный открыто презирал и втайне стыдился, изредка высылая им небольшие суммы в качестве подачки; жену он ненавидел, друзей у него не было, а все, кто его окружал, ползали перед ним на коленях, надеясь, что им перепадет хоть что-то от его богатств. Но ради соблюдения приличий все явившиеся на похороны изображали безутешность, некоторые изредка всхлипывали и крестились, молясь, скорее всего, о том, чтобы слухи вокруг наследства усопшего оказались ложными. А слухи были самыми неутешительными: поговаривали, что банкир Корчаг завещал все состояние своей любовнице, чтобы последний раз посмеяться над родней. Судя по тому, как все старались не смотреть в сторону женщины, стоящей особняком у входа в часовню, именно она и была той самой счастливой наследницей. По безвкусоному платью, слишком пестрому для такого события, а также по

толстому слою пудры, румян, обесцвеченным волосам и вызывающему виду без труда можно было определить род занятий этой женщины. Атмосфера была на грани скандала.

Единственной искренней душой среди фальшивой скорби была девочка лет пяти. Она, сама того не замечая, жевала ярко-рыжую прядку своих непослушных волос. Обычно за эту привычку ей доставалось от матери, но сегодня она, холодная и отчужденная с самого утра, сухо принимала соболезнования с выражением бессильной злобы на бледном лице. Все забыли о девочке, и она скучала. Развеселить ее не могли даже солнечные лучи, которые явно вступили в сговор с ее веснушками. Малышка смотрела на облака сквозь окна часовни, украшенные витражами. Облака напоминали ей торговые корабли из восточных сказок, а из-за разноцветных стеклышек витражей, они были раскрашены в глубокие синие, красные и зеленые цвета. Сами витражи девочке не нравились: на них были худые, страдающие мученики, принявшие смерть за веру, ангелы со строгими, почти злыми лицами и изображения смерти – словом, облака за окном были куда интереснее.

Тем временем усопшего отпели, и траурная процессия начала покидать часовню. Девочка, не замечая ничего вокруг, разглядывала своды, позолоту, завитушки лепнины, наблюдала за танцем пылинок в цветных лучах, лившихся из витражных окон. Во всем была какая-то тайна, все было вовсе не тем, чем казалось на первый взгляд: за всей суровостью, строгостью, мрачностью холодного камня и ликов, наблюдавших за ней со всех сторон, было нечто иное, словно это место, от которого по спине пробегали мурашки, скрывало потайную дверцу. Но где она и что за ней?

Медленно, крадучись, боясь спугнуть что-то неуловимое, девочка вышла на самую середину разноцветного пятна на полу, повторяющего контуры витража. Все было цветным, теплым, невыносимо ярким, и яркость усиливалась с каждым вдохом. Сначала цвет приобрели только солнечные лучи, но вдруг все звуки, запахи, движения – все необъяснимым образом стало окрашиваться. Все вдруг замерло, словно натянутая струна, и стало наливаться цветом и светом. Белая скорлупа мира треснула, и из нее полилось волшебство, витражи давно лопнули и их осколки носились в воздухе разноцветной пылью, а из окон хлынул мир сказочных фей и эльфов, зовущих к себе маленькую девочку. Она стояла и боялась пошевелиться, вдыхая в себя чудо все глубже и глубже, с каждым вдохом наполняясь счастьем. Волшебство было так близко, его золотые пылинки щекотали в носу, в этом чуде можно было захлебнуться. Но тут щекотка стала невыносимой и девочка чихнула. Все пропало.

Жена банкира Корчага, Анна Алексеевна, нервно шагала домой, походка у нее была резкая: она то почти бежала, то внезапно замедляла шаг, гордо вскидывая голову. Одежда ее уже успела запылиться, прическа растрепалась, но она не обращала на это никакого внимания, как и на то, что ее маленькая дочь не успевает за ней. Единственное, что волновало вдову – жгучий стыд от того, что денег ее теперь не хватало даже на то, чтобы устроить поминки. Положение ее было отчаянным: она пешком шла к дому, который больше ей не принадлежал, чтобы успеть забрать оттуда хотя бы одежду и драгоценности: ее адвокат посоветовал продать все, что дарил ей муж еще до его смерти, но она не послушала, не допуская даже мысли о том, что он может оставить ее без гроша.

Ей надо было подумать еще и о работе, но она гнала от себя эту мысль: Анна Алексеевна не проработала ни дня в своей жизни, труд был для нее унижением. С самого детства она не знала ни в чем отказа, а как только подвернулась возможность – вышла замуж за богача, который был вдвое старше ее. Выбирала мужа юная Аня с цинизмом уличной проститутки: главное для нее была финансовая стабильность. Детей женщина не хотела, но спустя несколько лет поняла, что теряет мужа, отношения с которым и без того были натянутыми, тогда она прибегла к старой доброй женской хитрости: попыталась привязать мужчину ребенком. Расчеты ее не оправдались, и теперь она торопилась домой, боясь, что ее увидит кто-то из знакомых.

– Долго ты там? Счастье ждать не будет.

– Будет, – ответила женщина, нанося на лицо очередной слой пудры. – Этот подождет.

– И чего он в тебе нашел? Ни сисек у тебя, ни рожи.

– А просто такие как он несчастненькие очень: не любит их никто, а всяк хочет, чтоб его любили, даже этот боров.

– А ты его любишь, значит?

– Еще чего, просто симулирую хорошо. – Женщина, чей вызывающий вид и пожатые химией волосы не оставляли сомнений в роде ее занятий, захлопнула пудреницу и лениво направилась к грузному, дорого одетому клиенту.

Спустя час она опять разглядывала себя в зеркало, снова маскируя что-то под слоем пудры и приглядываясь к грязно-рыжим отросшим корням, украдкой поглядывая на одевавшегося мужчину. При каждом взгляде на него холодок пробежал по ее спине, но не от отвращения к складкам на его огромном брюхе и подрагивающим, словно желе, бокам: она чувствовала деньги, от этого старого борова так и разлило богатством.

– Она травит меня.

– Кто?

– Жена. Ненавижу ее, у нее взгляд как у дохлой рыбы.

– Могу поспорить, что и в постели она такая же.

– Она за меня только из-за денег вышла, ее ничто больше не волнует.

Женщина криво усмехнулась своему отражению.

– Но ты же оставишь ее с носом?

– Еще бы. Всех их, лживых тварей. Завтра с нотариусом приду. Как думаешь, твой поросенок заслужил еще один разок? – Толстяк с похотливой улыбкой подошел к любовнице и попытался залезть к ней под юбку.

– Нет. Твое время закончилось. В конце концов, я с тобой тоже только из-за денег, мой поросенок.

Когда мужчина ушел, проститутка вздохнула с облегчением: ее план работал – стареющий банкир уже начинал чувствовать недомогание, а значит, ему осталось жить не больше недели. При его образе жизни никто и не заподозрит, что все это время ему подмешивали яд. Она подмешивала. Да никто и не станет в этом разбираться – все только обрадуются его смерти, а она получит все. Женщина на секунду зажмурилась в предвкушении. Она не помнила, что первый и последний раз была по-настоящему счастлива много лет назад, в детстве, в старой часовне с витражными окнами, когда хоронили ее отца.

СЕРГЕЙ ГОЧАКОВ, магистрант

ПЛАТЯНАЯ ВОШЬ

*«То, что называется причиной жизни, оказывается одновременно и превосходной причиной смерти»
А. Камю*

Тяжело бороться с паразитами. Паразит тем и знаменит, что приспосабливается к любой среде. Этим он ставит своих противников в тупик. И вроде бы ты загнал его в угол, поставил в самые жесткие рамки и вот-вот раздавишь, а он уже настолько крепко обосновался на новом неудобном месте, что не только успешно защищается, но и вдобавок ко всему заново нападает, высасывая из тебя то, что ему, паразиту, нужно. Кто-то сосет кровь, кто-то просто заживо тебя ест, а кто-то лакомится веществом более тонкого плана, субстанцией мысли – эфиром души.

Арсений склонил голову к лежавшим на столе рукам. Вокруг было тихо. Все возможные отверстия и дыры в его жилище были закупорены тщательнейшим образом. Окна, двери, каждая щель – все в белой клейкой ленте. Звуку с улиц не суждено было проникнуть в его квартиру, да и зачем ему проникать туда, где его все равно скоро никто не услышит. Ведь, как считал Арсений, это был его конец. Газ медленно, но верно делает свое дело. Тихое шипение конфорок, – вот звук, который Арсений должен был слышать в последние часы своей жизни.

– И поделом мне, – шептал он, прижавшись ртом к рукаву, – и поделом. И что плохого? Чего все так боятся? Хотя, наверное, если сам, то не так страшно, как если бы кто-то нож к горлу. Ну а что? Сам виноват. Усну без мучений, усну вечным сном. А если и проснусь где-нибудь, то и там себя убью. Найду там газу и снова усну. Никто мне не помешает. А если газа там нет, застрелюсь. Не будет пистолета, перережу вены. Не будет лезвия, разбегусь и шмякнусь об стену. Стены-то должны там быть. Как же без стен. Нет! Там ничего нет! И меня больше не будет! Не хочу, чтобы я был. Насколько же я беспомощен, если не могу не быть?

Он поднял голову кверху и начал кривляться. Потом застучал по столу, затопал ногами.

– А что если я буду кричать? Почему бы мне не покричать? – начал орать он, протягивая каждое слово. – А можно и станцевать. Ведь можно? – он ударил по столу еще раз и бросился в дикий пляс. Потом сел, измученный, и снова приткнулся к гладкой поверхности.

– Поговорить бы сейчас с ней. Услышать ее голос, – думал он уже про себя. – Я бы сказал ей, как люблю ее, сказал бы, что был неправ. Конечно, разве можно упрекать, следить, подозревать в чем-то, если любишь? Можно? Нет, нельзя! – он привстал, обхватив свои редкие тонкие волосы с обеих сторон. – И совсем я не гожусь на эту

роль. Дорогому бриллианту нужна дорогая оправка. А я, что в прошлом, что в будущем, полнейший ноль. Да и впрямь полнейший ноль. Хотя я и люблю ее!

Глаза его загорелись, он еще крепче сжал голову в своих руках. Подбородок вдруг забегал, задержался, мышцы лица попытались изобразить улыбку. Тонкие растрескавшиеся губы растянулись и показались кривые клыки. Казалось, на Арсения снизошло озарение. И это действительно было так.

– Для любви же нет преград! Никаких преград. Любовь вечна. Кто же с этим будет спорить? Ни один нормальный человек с этим спорить не будет. А коль я ее люблю, значит и наша любовь вечна. Кто же это сказал? Кто же это сказал? – он опустил руки и начал мотать головой из стороны в сторону, силясь что-то вспомнить. – Ах, не важно. Не важно, кто это сказал. Мысль! Идея-то какая! – он вскочил с места и снова затанцевал. – Что-то вроде того, что прошлого и будущего не существует. Точно! Нету прошлого и будущего! Нету! Мы живем сейчас. А как же иначе? Я-то сейчас живу. Живу прям вот сейчас, и только это сейчас и существует. А если существует только это сейчас, значит, мы с ней вместе. Ведь, ей-богу, раз время это сейчас, значит, прошлого и нет вовсе, и мы с ней естественно вместе. Мы вместе!

Арсений горделиво засмеялся. Потом вдруг покачнулся и тут же понял, что он забыл про открытый газ. А газа в маленькой однокомнатной квартире за несколько часов набралось уже предостаточно. Арсений упал на пол и ползком отправился к плите. Таращил свои глаза на стены, касался носом пола и смеялся, если смеяться было тяжело, кривил лицо. Когда все было кончено, он из последних сил сорвал белую липкую ленту с окна и отварил его нараспашку. Потом, обессилев, свалился прямо на том же месте и, распластавшись на полу, выдавливая из себя дьявольскую улыбку, повторял: «Никчемный, никчемный, не догадался». После этого Арсений уснул.

Когда солнце вырвалось из-за горизонта и сквозь распахнутое окно наполнило пространство крохотной кухоньки тусклым розовато-красным светом, Арсений открыл глаза. Пролежав бездвижно несколько минут, он затем поднялся и с каменным лицом побрел в ванную комнату. С особой строгостью и точностью он принялся за соблюдение всех существующих правил гигиены. Сильный напор воды, настолько горячей, что едва ли можно было стерпеть ее без крика, бил по его худому раскрасневшемуся телу. Он методично скоблил его твердой шершавой мочалкой, раз за разом натирая ее большим куском хозяйственного мыла. После, взяв с полки грубую обувную щетку, он с особым усердием принялся за подмышки, зад и промежность. Голову он помыл три раза подряд, при этом, казалось, тело его окончательно сварится в этой адской парилке. Затем, закончив работу над туловищем, он вышел из ванны, достал из пластмассового ящичка новое полотенце и насухо себя вытер. Небрежно сложив его, он кинул мокрое полотенце себе под ноги и включил воду в умывальнике. Зубы он чистил минут десять, затем столько же заняла у него чистка ушей и бритве. Ополоснувшись, он вышел из ванной комнаты, захватив с собой использованные им принадлежности. После Арсений вынул из кухонного шкафчика черный пакет и с неприятием выкинул все предметы чистки: полотенце, мочалку, зубную щетку, бритву, ушные палочки. Он завязал пакет на узелок и положил его к входной двери.

Между тем улица ожила и люди размежевавшимися группками бежали в разные стороны по своим делам, создавая обычный для большого города утренний хаос будничного дня. Арсений окинул взглядом зеленеющий проспект, обдал свое распаренное тело прохладным дуновением ветра, затем закрыл окно и, фыркнув себе что-то под нос, отправился в свою единственную комнату. Из шкафа он достал полиэтиленовый чехол, из которого потом вытащил серый льняной костюм. Точно загипнотизированный, он стал внимательно исследовать каждую складку пиджака и брюк. Затем приступил к осмотру белой рубашки. Аккуратно и медленно он вертел в руках свою одежду, не пропуская ни одного малейшего местечка. Наконец, явно в чем-то удостоверившись, он с серьезным лицом, насупив лоб и брови, принялся быстро одеваться. Когда все было готово, он нашел в шкафчике новую пару носок, одел их и угрюмом видом пошел к холодильнику. Внутри холодильника, за исключением нескольких жестяных банок, на которых виднелись названия круп, стояла накрытая крышкой маленькая кастрюля и пачка поваренной соли. Собственно, это был весь рацион Арсения, которым ему, ввиду жесточайшей экономии, приходилось обходиться. Он достал кастрюльку и начал быстро поглощать замерзшую перловую кашу. После он надел вычищенные до блеска туфли, взял в прихожей свой рабочий бейджик, ключи, старый потертый кошелек и вышел во двор.

На улице, прямо перед парадной, на скамейке сидела одинокая, деловитая бабушка. Рыжая копна начесанных волос клочьями развивалась на ветру. Она держала в руках какие-то бумаги и что-то считала. Арсений, повернув голову в сторону, попытался незаметно исчезнуть в дворовой арке, чтобы беспрепятственно отправиться на работу, но бабушка отвлеклась от дела и увидела его.

– Арсений Романович! Арсений Романович? Пойдите же. Пойдите на минутку, – старушка неожиданно быстро вскочила с места и догнала беглеца. – Вам необходимо расписаться и сдать деньги.

Она мягко взяла Арсения за рукав пиджака, а он в свою очередь, скорчив гримасу, вырвался из ее нежного ухвата и отпрыгнул на полметра.

– Что вы хотели? – промолвил он, пытаясь на нее не смотреть.

– Арсений Романович, я понимаю, что вы спешите, но я не могу достучаться до вас уже неделю. Все! Все жильцы дома уже давно сдали деньги на новый домофон. Остались только вы.

– Я, Зинаида Васильевна, ни о каком новом домофоне не просил, меня и старый устраивает.

– Это понятно, – будто бы с издевкой произнесла Зинаида Васильевна, – но большинство жильцов все же проголосовали за установку нового домофона, потому что старый работает неисправно. К нам днем и ночью заглядывают незваные гости, Арсений Романович.

– Какие такие гости?

– Да много кто. То молодежь спиртное распивает, то, что еще хуже, наркоманы наведываются, а позавчера на пятом этаже спал бомж.

– Бомж?! – с паникой в голосе произнес Арсений. Голова у него закружилась, он посмотрел на старушку, увидел, как неопрятно она одета, вдохнул запах ее старости и покосился с жутким страхом на лице.

– Бомж, – подумал он. – Это не к добру, что же теперь делать? Разносчик гадости и грязи. Он спал на два этажа ниже. Я был рядом, я был так близко. Что же делать? – он опять отвел взгляд в сторону, с омерзением отдалился от бабушки и уже вслух спросил: – Вы полагаете, новый домофон будет работать исправно?

– Конечно, Арсений Романович, конечно! Уверю вас. Фирма прекрасная, все соседние подъезды давно уже поменяли свои домофоны.

– В таком случае это совершенно необходимо сделать. Сколько я вам должен?

– Триста рублей.

– Триста рублей?! – удивленно спросил Арсений и вновь бросил взгляд на старушку, но увидев ее немые волосы тотчас отвернулся. – Триста рублей? Но простите, почему так дорого? Это же грабеж, вне всякого сомнения!

– Арсений Романович, полностью с вами согласна. Но что ж я могу поделать? Тут необходимо выбирать между чистотой нашего дома и такими вот расходами.

– Чистотой дома, чистотой дома, – повторял Арсений про себя, а потом сказал: – Да, тут действительно ничего не поделаешь.

Он достал из кармана свой исхудавший кошелек, и, открыв его, обнаружил там одну купюру в пятьсот рублей. Он вдруг понял, что остается без денег, а ему столько всего еще нужно купить. Ведь до зарплаты осталось семь или восемь дней, а дома у него только две чистые мочалки. И самое главное полотенца. Тоже только два. Даже если использовать их по три раза – мысль, от которой Арсения бросало в дрожь – их все равно не хватит. Денег взять неоткуда, но нельзя же спать под одной крышей с бомжами и наркоманами, хватает того, что он порой вынужден ездить с ними в общественном транспорте. Нет, нужно определенно платить и потом уже что-то незамедлительно предпринимать.

– У вас будет сдача с пятисот рублей?

– Будет, – бабушка полезла за пазуху и вытащила оттуда две засаленные бумажки. – Вот Арсений Романович, вот ваши двести рублей.

– А когда все будет готово? – требовательно спросил Арсений.

– Распишитесь здесь, пожалуйста. Сейчас же я иду к ним в контору, и, как они мне сказали, рабочие установят домофон на днях.

– Очень хорошо, очень хорошо, – пробормотал Арсений и резко кинулся к арке.

Теперь голова Арсения была забита проблемами, решение которых найти для него не представлялось возможным. Лишая себя всего, что только можно представить, он тратил все свои небольшие деньги на покупку предметов гигиены. Стиральные порошки, мыло, зубные пасты, шампуни, средства для мытья полов его бюджет еще выдерживал, их не нужно было покупать так часто, но вот приобретение новых полотенец на каждый день подвергало его жизнь пыткам. Он даже начал использовать одно и то же полотенце по два раза, хотя этот факт, конечно, безумно его огорчал. К тому же он каждый месяц отдавал два своих костюма в химчистку, плюс к этому, он покупал целую кучу новых носок и трусов, что делало его жизнь еще несносней. Именно поэтому он потреблял в пищу только каши и макароны, без масла и чего бы то еще ни было. Простая каша на воде с солью. Вот, что он мог себе позволить, чтобы при этом оставаться кристально чистым и защищенным.

Арсений работал продавцом в магазине бытовой техники. Особенно хорошо он разбирался в стиральных, посудомоечных машинах и утюгах. За это начальство относилось к нему более или менее приемлемо, а он делал неплохие продажи и иногда удостоивался небольшой премии. Дружил он там только с одним человеком, если, конечно, пятиминутные разговоры ни о чем можно назвать дружбой. Человек этот был сторожем. Очень опрятный мужчина средних лет, бывший биолог, он хорошо разбирался в животном мире, и Арсений всегда задавал ему уйму разных вопросов по этому поводу. С остальными продавцами он держался холодно, но приветливо. Всегда был готов помочь, но в действительно трудные моменты оказывался где-то в стороне. Одно время персонал во главе со старшим продавцом пытался его извести, всячески подтрунивая над ним, но Арсений пропускал все мимо ушей и постепенно привык к их шуткам, а через некоторое время стал отвечать и огрызаться, что вскоре начало получаться у него довольно успешно. Он даже смог пару раз выставить старшего продавца полным дураком перед начальством, из-за чего другие продавцы перестали совершать свои нападки.

Весь взмыленный от жары и спешки, Арсений все же успел на работу, устав которой он никогда не нарушал. Растревоженный и угнетенный своим безденежьем, он сновался по магазину, нехотя продавая свои любимые стиральные машины, сторонясь грязных, небрежных клиентов. К концу рабочего дня приехал начальник и сообщил всем, что зарплату в этом месяце придется задержать на пару дней. Услышав это, Арсений решил сначала, что кто-то что-то перепутал, ведь нельзя же вот так вот бросать людей, которые честно выполняют свои обязанности. Но, как оказалось, так делать можно. Ошарашенный Арсений вначале подался к старшему продавцу, потом посланный тем в мягкой форме куда подальше, отправился к начальнику, который объяснил, что задержка неизбежна, что все это произошло по вине кого-то сверху и что он, начальник, сделать по этому поводу ровным счетом ничего не может. Он также заверил Арсения, что зарплату задержат не более чем на три дня и что волноваться, по сути, не из-за чего.

Но для Арсения вся ситуация являлась, конечно, полным крахом. Еды ему безусловно хватит. О еде он и не волновался, но вот его незыблемые правила личной гигиены ставились под жестокий удар. Теперь уже точно он не сможет продержаться до получки, оставшись, как он это называл, кристально чистым. Трагедия, которая вскружила Арсению голову, людям, окружавшим его, была совершенно непонятна. Он ходил, осунувшись, до самого конца рабочего дня и чуть ли не плакал от горя. Когда можно было идти домой, он выскочил на улицу и второпях пошел прочь от магазина, будучи не в силах находиться рядом с людьми, которые, как он считал, сломали ему, честному работнику, жизнь.

Домой в этот день Арсений решил подняться пешком. Ему было совсем худо, но жалеть себя он не собирался. Он все только думал о том, как выйти из тяжелого положения, как растянуть оставшиеся полотенца и мочалки.

На просторной площадке своего этажа, близ приоткрытого окна стоял молодой и приятный, как казалось Арсению, мужчина. Приятным он был потому, что в отличие от многих других был крайне опрятен. Пожалуй, единственный сосед, с которым Арсений порой заговаривал при встрече и которого он не так уж сильно сторонился. Молодой человек курил, держался прямо и с улыбкой встретил Арсения.

– Здравствуйте Арсений Романович! А вы только с работы?

– Добрый вечер, да совсем недавно отпустили, – запыхавшийся Арсений был не в настроении разговаривать, но как обычно просто уйти, не мог. – Вы, Вадим, не знаете, когда они все-таки поставят новый домофон?

– Не имею ни малейшего понятия. Да вы не беспокойтесь, я часто выхожу на перекур, так что прогоню всех наглецов если что. А с вами что такое? На вас лица нет!

– Да нет, нет, все в порядке, просто устал, – Арсений отвернулся и собирался уже открывать дверь, как сосед вдруг неожиданно предложил:

– Может, хотите перекурить? Расслабитесь. А то мне здесь еще долго стоять, домой идти не хочу, поругался с женой.

Арсений остановился, потупив голову. Глаза забегали из стороны в сторону, он схватился за ключи в кармане, потом резко разжал их и повернулся. Он держал за правило не общаться с посторонними, но весь его сегодняшний день пошел наперекосяк, поэтому, когда Вадим предложил расслабиться, Арсению вдруг жутко захотелось это сделать. Да и тем более, что может случиться? Это был самый чистоплотный молодой человек из всех кого он знал, с ним то и проблем не должно быть. А расслабиться ему и впрямь было необходимо. Может, после этого, думал он, решение придет само собой. Неказистыми шажками он подобрался к соседу и встал прямо перед ним.

– Вы будете? – молодой человек протянул Арсению сигарету. – Берите, берите, не стесняйтесь.

Арсений взял сигарету, сосед протянул ему зажигалку, и они вдвоем закурили.

– Слышали, позавчера у нас здесь в подъезде ночевал бомж. Вот новость так новость, – все так же мило улыбаясь, начал сосед.

– Это просто ужас! Непозволительно. Подумать только, сколько всякой заразы мог сюда принести этот человек? А если в следующий раз он придет не один. Полная антисанитария!

– Согласен с вами, но можно и их чудаков пожалеть, все-таки негде ночевать. Не позавидуешь.

– Скажу вам откровенно, – Арсений глубоко затаился, – по большей части это бездумные лодыри и пьяницы. Они сами виноваты в своих бедах. А вот, сколько проблем они с собой приносят, и не сосчитать! Одни только платяные вши чего стоят. Они ярые их разносчики. Самые ярые! А ведь платяная вошь самый, по моему мнению, гадкий паразит. Это создание заживо ест человека, – глаза Арсения загорелись, он мотал руками из стороны в сторону, неравномерно повышая голос. – Совершенно дьявольское создание! Достаточно только взглянуть в ее злобную пасть. Вся в колющих иглах, с острым хоботом посередине, который она вонзает в человека, протыкает им кожу и высасывает кровь. Мерзость, маленькая мерзость!

– Вы, я вижу, много знаете об этих созданиях. Приходилось сталкиваться?

– Да вы что! Боже упаси! Просто меня всегда интересуют поведение и привычки моих врагов, – сосед усмехнулся, подумав, что Арсений шутит, а тот в свою очередь воспринял его вопрос как просьбу рассказать о вшах подробнее. – Но самое главное, что в месте укуса человек ощущает нестерпимый, ужасный зуд. При обилии насекомых на теле, что, кстати, происходит весьма скоро, ведь размножаются эти чудища в геометрической прогрессии, тело покрывается сплошными струпьями от укусов и расчесов. Они откладывают свои гниды в складках одежды, а могут и на мелком пушку на коже, никогда не угадаешь, где они осядут. Я клянусь вам, хуже и быть не может. Платяная вошь – переносчик таких страшных, губительных заболеваний как сыпной и возвратный тиф, волынская лихорадка и многих других! Вы представляете теперь, что эти бомжи приносят с собой в наш подъезд?

– Никогда об этом не задумывался, если честно.

– Но вам меньше всех нужно об этом волноваться. Вы опрятный, а это самое главное в таких делах, – Арсений скинул пепел в окно и, встревоженный, продолжил: – Но больше всего меня пугает хитрость этих насекомых. Ведь они избирают жертву по запаху, и вот недавно выяснилось, что платяная вошь равнодушна к приятным ароматам, например, к хорошему, дорогому парфюму. А также, как утверждают некоторые источники, абсолютно не выносит запахов пижмы, молочая и папоротника. Их маленькие убогие гниды наглым образом липнут и приклеиваются к складкам и волокнам практически любой ткани. Но самое страшное, самое ужасное во всем этом то, что даже человек, который соблюдает все правила гигиены, который регулярно меняет и чистит свою одежду, может быть легко застан врасплох!

Сосед смотрел на Арсения с любопытством, широко разинув рот. Не ожидавший такого поворота событий, он, наверное, и не знал, как дальше продолжить беседу. Арсений вдруг сник, посмотрел испуганно на собеседника, и, поняв, что немного увлекся, решил больше не говорить на излюбленную тему. Сбросив пепел, он сконфуженно переступил с ноги на ногу, опустил голову и, затаившись, продолжил:

– Вы, – пытаясь быть теперь крайне вежливым, начал Арсений, – упомянули, что поругались с женой?

– О да! На этот раз довольно-таки серьезно. Видите ли, у нас с ней разные интересы. Признаться честно, мы давно с ней никакие не муж и жена. Так, только картина, видимость. Я уже давно встречаюсь с другой женщиной и, конечно, не говорил бы вам об этом так флиртливо, если бы моя жена не знала. Но она узнала об этом сегодня утром. Вещественные доказательства, так сказать. Как говорил Сократ, брак – это зло, но необходимое зло, – молодой человек улыбнулся во весь рот и продолжил: – Очень к нам подходит, потому что нам с ней ну никак нельзя сейчас развестись. Печально, но это так. У нас общее дело, которое на данный момент сильно зависит от нашего семейного статуса, и, если начнем всю эту бумажную волокиту, много проиграем. А я теперь стою и думаю, как бы так все устроить, чтобы вытерпеть оставшееся время.

– Как? – воскликнул Арсений. – Разве вы ее не любите? Трагедия! Она наверняка очень переживает. Я думаю, вы просто сами пока еще не понимаете, что делаете. У меня с моей любимой случалось много всего такого, но сейчас мы снова вместе.

– Ох, надо же, у вас есть женщина? – удивленно спросил сосед.

– Конечно, конечно.

– Странно, никогда ее не видел, она живет с вами?

– Да, она часто бывает здесь, очень часто. Просто она скромница, хотя и очень бойкая, если узнать ее поближе. Но будем говорить начистоту. Любовь живет в наших сердцах. Необязательно находиться рядом, чтобы любить и быть вместе. Мы давно уже слились с ней в единое целое. Не представляю своей жизни без нее.

– Было бы очень интересно познакомиться с дамой вашего сердца.

Арсений выпучил глаза от услышанного. Внезапно все мышцы его тела напряглись, он выпрямился в полный рост, отвел голову назад и в таком вот ступоре смотрел на соседа. Фраза ввела его в шоковое состояние, будто грабитель пытался ворваться в его дом, а он не знал, что делать. Сосед не разглядел неожиданного изменения и продолжал:

– Признаться честно, я никогда не чувствовал того, о чем вы рассказываете. Может, я слишком тривиален и тёмный или же просто недостаточно чувствителен, но меня почему-то всегда привлекала простая, открытая сексуальность. Я вообще считаю, что человек одинок. Точнее, человек всегда одинок. Нам порой кажется, что мы сливаемся с кем-то в одно целое, но это лишь мираж, проекция самого заветного желания. И как бы хорошо ты не знал другого человека, сколько бы ни прожил с ним, твоя темная сторона всегда будет сокрыта от него. Этот человек может чувствовать тебя, ты можешь чувствовать его. Ощущать его сущность каждой частичкой своего тела, читать все его микродвижения, знать, как он поведет себя в той или иной ситуации, но открыть для себя его суть в полной мере, понять и принять ее до конца ты не сможешь, как и он не сможет открыться тебе сам.

– Я с вами совершенно не согласен, – с ноткой злости в голосе, четко проговорил Арсений. – Никакой логики, абсолютно никакой.

– Ну, это ваше право...

– Нет. Вы просто обязаны ценить вашу жену! Молодая, прелестная девушка! Вы на веки, слышите, на веки связаны с ней. Задача двух влюбленных в том и состоит, чтобы понять и принять друг друга. Запомните, мы живем сейчас, вот, что действительно важно. Это сейчас вечно. Соответственно и любовь ее к вам вечно.

– С чего же вы взяли, что она меня любит? – усмехнувшись, спросил молодой человек.

– Конечно она вас любит. Иначе и быть не может, – казалось, Арсений не на шутку разозлился и начал уже даже выходить из себя, но потом мгновенно собрался, остепенился и заговорил спокойным, режущим голосом: – Чтобы не случилось сдаваться непозволительно, любая ситуация разрешима, нужно только немного привыкнуть к ее условиям, а потом действовать. Жизнь становится бессмысленной, только когда в ней нет любви.

– Вы очень красиво говорите, но мне кажется, что вы немного переоцениваете мое положение и наши с ней чувства. Правда, не будем больше об этом, мне становится грустно.

Арсений стоял все в той же окаменевшей позе, держа в руках истлевший окуроч. Он окинул соседа с ног до головы острым взглядом, потом выкинул окуроч в банку и, ехидно растянув губы, сказал:

– Мне нужно идти.

– О, конечно, конечно Арсений Романович. Я тоже пойду. Обратно на баррикады. Надеюсь, останусь жив, – отшучивался молодой человек. Он не заметил того, что произошло с его собеседником, и, попрощавшись, они разошлись.

Будучи дома, Арсений почувствовал, что от волнения плохо держится на ногах. Все нутро его ходило ходуном, и телу от этого не было никакого покоя. Он вдруг испытал такую неприязнь к своему соседу, что не мог даже собрать все мысли в кучу.

– Было бы интересно с ней познакомиться, – повторял он с отвращением слова молодого человека. – Каков наглец! Своими грязными мыслишками только извращает всем известные, непоколебимые истины. Вот так вот, живешь на одной лестничной клетке с полнейшим негодяем и даже этого не знаешь.

Он снял с себя одежду и, закинув ее в стиральную машину, отправился на кухню, где принялся готовить себе обед. Машинка привычно зажужжала, и знакомый, приятный для ушей звук немного успокоил разбушевавшегося Арсения. Недавний разговор не выходил у него из головы, он раз за разом прогонял сказанное с начала до конца, и вскоре его вдруг осенило. Он перестал мешать варившуюся кашу, бросил ложку и отскочил от плиты, с остолбеневшим выражением лица.

– Как же я сразу не догадался. Эта его опрятность, вот же в чем подвох! Да он в тысячи раз аккуратней и опрятней меня. Одни только волосы чего стоят. А ногти, а зубы! Да и моложе. Гораздо моложе, чище и богаче, наверняка богаче. А если денег тьма, значит, покупать может хоть по сотне полотенец в день. Ох, что же это такое творится, как мог я так опростоволоситься...

Арсений задом добрал до стоявшего позади стула, плюхнулся на него со всего размаху и склонил набок страдальческое лицо. Его мысли закружились в нервном вихре, он явно представил угрозу, исходящую от соседа. Ведь по соображениям Арсения получалось, что доберись платяная вошь до их лестничной площадки, безусловно в качестве жертвы выберет его, Арсения. Выберет и станет безжалостно жрать.

– Вошь-то не дура, совсем не дура. Знает, чувствует грязь. И если уж придется ей выбирать, понятно, что выберет она меня. Нужно что-то делать. Как же я сразу не разглядел в нем подлеца? Нужно что-то предпринять, срочно! Еще посмел позариться на единственную. Посмел обратить свое внимание на создание, которому в подметки не годится, на создание, о котором даже не смеет говорить его поганый, вульгарный рот! Негодай, однозначно негодай! Вот так вот, был добр и общителен с тем, кто, оказывается, является злейшим, скрытым врагом. Никому нельзя верить, ведь знал же, что никому нельзя доверять, а сам пригрозил змею. Да еще какую!

Поедая горячую кашу, Арсений вдруг решил, что раз ему не хватает денег на новые полотенца, нужно просто разрезать оставшиеся два пополам и пользоваться уже четырьмя до самой зарплаты. Про грязные мочалки он и думать не хотел, настолько ему была отвратна идея того, что придется все-таки пользоваться ими столько раз подряд.

Когда он совершил задуманное с полотенцами, стиральная машина уже закончила свою работу, и Арсений, прилежно развесив костюм на балконе, принялся за повторение утренней процедуры – за очищение. Но на этот раз мылся он гораздо жестче и дольше, чуть ли не сдирая заживо кожу с размокшего, набухшего тела. Ему было больно, порой он даже вскрикивал, но все же терпел, стискивая свои мелкие, острые зубы.

Арсений наказывал себя за все оплошности, совершенные им в последнее время. Казнил себя за то, что истратился и остался без гроша, подвергая себя гигиеническому провалу, за то, что не заметил, что живет рядом с вычищенным, вылизанным негодаем, который не уважает святость понятных, всем известных истин, который вот-вот наведет на него злейшего, страшного и хитрого врага, а самое главное казнил себя за то, что чуть не предал свою любимую, любовь в целом, любовь вечную, любовь, ради которой, как он считал, и стоит собственно жить, терзал себя за то, что чуть не сдался, подвергнувшись влиянию страха и слабости.

Стемнело. Арсений лег на свежестеленную кровать и одним движением достал из шкафчика рядом свой старый мобильный. Укутавшись получше, он включил его и зашел в приложение смс. Серые глаза загорелись, а на лице, неведомо откуда, вылезла улыбка. Он принялся открывать входящие сообщения одно за другим. Некоторые из них были крохотные, например: «Зайка, я скоро приду. Целую!», другие довольно большие – целые письма о любви, обожании и счастье. Он читал все по очереди, ничего не пропуская. Мускулы лица то и дело напрягались и как-то странно подергивались. Перевернувшись набок, он продолжил чтение. Неожиданно, глаза наполнились слезами. Арсений перечитал одно и то же сообщение несколько раз, потом вдруг вышел из входящих и зашел в исходящие. Здесь он тоже не пропускал ни единого сообщения, все они были адресованы абоненту под названием «Любимая».

Арсений заплакал. Слезы разбежались по мелким беспорядочным морщинам в стороны, он небрежно стер их, но читать не перестал. Прошлое мощными залпами взрывало его сознание. Бурным потоком неслись светлые и темные моменты. Перед глазами вставали события, которые он не мог забыть. Всплывали события, которые он стал забывать. Он вспоминал дни и ситуации, когда было написано каждое из сообщений, он заново чувствовал то, что чувствовал тогда. Слезы лились из измученных глаз, а он, уже не обращая на это внимание, все листал и листал вперед. Прошло довольно много времени к тому моменту, как он закончил. Разбитый и опустошенный, он положил телефон обратно и, накрывшись поильнее, закрыл глаза.

Мысли в голове затрепетали и заелозили, как это обычно бывает перед сном. Арсению было тяжело заснуть, он сильно встревожился, ведь за полчаса прожил часть своей жизни заново. Он вертелся, укладывая голову то так, то сяк. И вдруг произошло самое ужасное. Он представил себе вшей. Он сам не понял, как это случилось, образ вырвался из неоткуда, и избежать встречи с ним было уже невозможно. Воображение разыгралось не на шутку. Сначала он представил сам их вид, потом вспомнились картинки больных педикулезом, потом ему неожиданно стало чудиться, что по нему кто-то бежит. Он бешено переворачивался из стороны в сторону, вспотел, бил себя по телу, там, где казалось, кто-то есть. Потом он почувствовал, как все тело вдруг зачесалось, и уже не отдавая себе отчет в том, что он делает, принялся докрасна карябать ногтями свое взмокшее тело. Наконец, выбившись из сил, Арсений схватил себя за лицо, сжал его, что есть мочи, и постарался сделать несколько глубоких вдохов. Приступ постепенно отпустил, Арсений убрал руки с лица, раскрылся и, раскинувшись, настолько, насколько позволяла его неудобная крохотная кровать, забылся во сне.

Прошло несколько месяцев. Долгожданную зарплату Арсений получил, а вместе с зарплатой пришло спокойствие и знание того, что все последующие дни он останется кристально чистым. Все больше он стал избегать встреч с внешним миром. Жить старался еще экономней, чем прежде. Особенно внимательно он начал относиться к своему соседу и делал все возможное, чтобы не встретиться с ним на одной лестничной площадке.

Однажды, поздним летним вечером, когда Арсений ужинал, готовясь после этого отправиться спать, через открытое окно, снаружи, послышались дикие крики. Он остановил трапезу, положил ложку обратно в

варево слипшейся каши и подошел к окну. В темной арке он различил фигуру женщины, вырывавшейся из лап двух проходимцев, желающих заполучить ее сумочку. Действовали они чересчур нерасторопно, ведь обычно преступления такого плана происходят очень быстро. Можно было сделать два вывода: или это были совсем неопытные, юные грабители, или же эти субъекты попросту были пьяны.

Арсений задержался на секунду, взгляделся повнимательнее в происходящее, затем вылез из окна и громко с присвистом крикнул:

– А ну!

Но кутерьма не унималась и дерущиеся, явно не услышавшие предупреждения, продолжали свое грязное дело. Арсений резко изменился в лице, осмотрелся вокруг и побежал в свою комнату. Там он наспех оделся, со скрипом вырвал деревянный подлокотник со старого кресла и, кое-как надев свои единственные туфли, с грохотом пустился бежать вниз.

Вылетев на улицу подобно смерчу, он побежал к арке. Бандиты продолжали мучить бедную растрепанную женщину, вцепившуюся в свою сумочку намертво. Она трепыхалась, вырывалась, а мужчины хватались за сумку, толкали ее и били наотмашь. Арсений приблизился на короткое расстояние и крикнул:

– А ну отошли от нее! – он спрятал свою новую дубинку за спиной. – Я сказал, отошли от женщины! – голос был настойчив и ни капельки не дрожал, грабители развернулись и в темноте пытались разглядеть защитника. Увидев, что Арсений никто иной, как щуплый, сутулый, невысокий мужчина средних лет, их легкий испуг сразу же сошел на нет. Один из них сильно ударил женщину по голове, та с криком упала, и теперь оба бандита нацелили свои усилия на Арсения.

– Я вас не боюсь! Уходите добру-здорову! – кричал запыхавшийся Арсений, но хулиганы молча шли в атаку.

Когда расстояние было минимальным, один из них, что побольше, резко кинулся на Арсения, но тот вытащил из-за спины дубинку и несколько раз ударил нападающего по голове. Бандит отринул, но за ним в атаку пошел второй. Он ударил Арсения по носу, кровь мелкой струйкой потекла по губам, но Арсений, изловчившись, умудрился уйти от второго малоприятного тычка и снова нанес несколько поражающих ударов по голове. Когда противники были сломлены и даже ошеломлены, он стал подбегать к каждому из них и наносить все новые резкие удары. Потом приложился по их выставленным набок задам, и в довершении всего ударил здорового сзади ногой прямо в пах. Грабители вскоре ретировались с хрипами и проклятиями.

Арсений пошатнулся от усталости, но через миг принялся помогать пострадавшей:

– Вы целы?

– Я, я...

– Все в порядке. Где вы живете, вам срочно нужно домой. Вы можете идти?

– Да, думаю, могу. Я живу здесь рядом вот в том подъезде, – женщина наконец раскрыла глаза и промолвила с большим удивлением: – Вы? Вы же живете в этом дворе!

– Да, живу.

– Спасибо вам большое. Спасибо, – она выпучила на него свои глаза, а он, подхватив ее, медленно повел к подъезду.

– Вас довести до квартиры?

– Спасибо, не надо, я сейчас позвоню сыну, он спустится.

Она позвонила в домофон и позвала сына. Арсений стоял молча, не зная, что сказать. Он стоял, переминаясь, поддерживал ее одной рукой, а в другой держал старый подлокотник. Кровь не унималась и лилась уже по шее.

– Вам нужна помощь, зайдите к нам, – говорила женщина с беспокойством, но Арсений только отрицательно помотал головой.

Когда сын открыл дверь и перенял мать, Арсений запрокинул голову вверх и поковылял к дому.

– Спасибо вам большое! – крикнула женщина еще раз, а Арсений в ответ как-то неестественно кивнул головой и сквозь зажатый нос сказал:

– До свидания, все в порядке.

В лифте Арсений продолжал смотреть в потолок, и когда железные двери раскрылись на нужном этаже, он вышел и направился напрямик в свою квартиру. Запах сигаретного дыма ударил по окровавленным ноздрям, а в ушах зазвенел ужасающий звук – голос ненавистного соседа.

– Господи, что с вами?! – вскрикнул молодой человек. Он подбежал к Арсению, а тот неестественно развернулся и отскочил в сторону.

– Все в порядке! Все в порядке, – залепетал испугавшийся не на шутку Арсений.

– Да какой же в порядке, вы посмотрите, у вас кровь!

– Это хулиганы, все нормально, сейчас успокоится.

– Я все устрою, – сосед перекрыл Арсению проход, открыл дверь своей квартиры и позвал жену: – Люда, иди скорей сюда, принеси бумажных салфеток и льда. Давай быстрее.

– Ну что вы! У меня есть все необходимое. Правда, мне лучше поскорей оказаться дома.

В дверях показалась пригожая темноволосая девушка. Краем глаза Арсений увидел большую свежую ссадину на ее щеке. Она живо передала все, что просил молодой муж, застенчиво потупила взор и второпях скрылась за прикрытой дверью.

– Вот, возьмите. Что с вами случилось? – впихивая салфетки в руки Арсению, спросил молодой человек.

– Там на улице в арке, знаете, женщина попала в беду, – оттираясь, говорил Арсений.

– И вы спасли ее? Неужто я живу под одной крышей с настоящим героем. А ну-ка поднимайтесь сюда, у меня здесь табурет, садитесь.

Они поднялись наверх к окну, и сосед усадил Арсения на пошарканный табурет. Когда тот закончил оттирать лицо от крови и вставил себе в нос сделанные из салфеток тампоны, парень всунул ему в руку подкуренную сигарету, зажег себе другую и, уставившись на собеседника с интересом, спросил:

– Как же так получилось, что вы один заметили, что происходит на улице? А что это у вас в руке, палка? Я стоял здесь и ровным счетом ничего не слышал. Рассказывайте, прошу вас.

– Здесь окна выходят на другую сторону, я говорю, дело было в арке.

– Так и сколько их было?

– Двое, да здесь-то и говорить не о чем. Просто пьяницы какие-то или наркоманы. Разогнал их и все, – Арсений с отвращением смотрел на соседа и старался скурить всученную сигарету, как можно быстрее.

– Удивительно! Не ожидал от вас такого геройства!

– Я еще раз повторяю, нет здесь никакого геройства! – крикнул Арсений, глаза загорелись, он вытянул шею и бросил злобный взгляд на обомлевшего парня.

– Ну ладно, как скажете.

– Я не хочу больше об этом разговаривать. Мне, если вы не против, нужно домой.

– Арсений Романович, конечно! Извините, если задел вас, – ответил молодой человек, а Арсений встал с табурета, выкинул окурки в банку и без слов удалился в свою квартиру.

Мрак окутал город. Свежий запах ночи пробивался сквозь открытую форточку. Темный синий отсвет врезался в уличные грани и плоскости. В этой темени царил заискивающая, трепещущая в своей нервозности тишина. Арсений молча сидел на стуле и покачивался из стороны в сторону. Напряжение было настолько сильным, что вены на лице его вздулись и черными кривыми линиями разрисовали все кожное полотно. Глаза, покрасневшие от натуги, то долго смотрели в одну точку, то, будто лишившиеся опоры, ерзали вокруг. Казалось, Арсений входит в неизвестное гипнотическое состояние. В этот момент ничто не могло его отвлечь. В этот момент он мыслил как никогда ясно и трезво. Бездонное, пугающее молчание вперемешку с тяжелым гнетущим дыханием и четкими ударами сердца будоражили его хладнокровный разум. В этой звуковой прохладе Арсений пробыл много часов подряд.

В конце августа жара стала невыносимой. Днем было невозможно находиться в раскаленной квартире. Арсений вышел в отпуск и тем самым избавил себя от жарких, рутинных мук работы. Дни напролет он просиживал на скамейке центральной площади, в тени пышного тополя. Как раз в один из таких вот душных деньков, сидя по обыкновению на своем законном месте в часы своего законного отдыха, Арсений приметил знакомую фигуру. Молодой человек с его лестничной площадки вышел из какого-то старого муниципального здания и быстрым шагом пошел по направлению к дому. Арсений поднялся с места и отправился вслед за соседом.

У арки он уже было практически догнал преследуемого, но потом вдруг пошел медленнее, чтобы случайно не показаться тому на глаза. Когда цель зашла в подъезд, Арсений простоял под покровом арочного холодка еще несколько минут, а затем и сам вошел в подъезд.

В его топленой конуре, казалось, не осталось и частички свежего воздуха, он весь будто бы выгорел, зажарился в ярком пламени далекой звезды. Арсений мигом распахнул все окна, проверил щели между рамами и москитной сеткой и вышел обратно в коридор. Не снимая одежды, он, по-детски согнувшись, прильнул к дверному глазку и, словно хищник в засаде, застыл в такой позе на долгое время.

Приблизительно через полчаса, на площадке показался сосед. Арсений отпрянул от двери и, размяв затекшую шею, вышел из квартиры вслед за ним. Тот уже курил, как обычно, у окна, стряхивая пепел в ржавую жестяную банку.

– Здравствуйте, Вадим! – приветливо воскликнул Арсений.

– Здравствуйте, Арсений Романович! Ну и духотища, не правда ли?

– Действительно, такого жаркого лета не было уже давно. Спасаясь на улице, в тени. Там, где дует ветерок находиться еще вполне возможно, но сегодня ни дуновения, так что и там довольно душно. Не угостите сигареткой?

– Конечно.

– А я видел вас, совсем недавно, вы были в центре.

– Да, совершенно точно. Машина сломалась, отдал в ремонт и теперь вот вынужден ходить пешком. А дел невпроворот. Еще эта жара, в общем, все как всегда, – сосед по привычке улыбнулся и продолжил: – Одна радость, вчера жена уехала к теще.

– Я знаю.

– Правда? Откуда?

– Видел, как она вчера укладывала большущие чемоданы в багажник чей-то машины.

– Это машина ее матери. А от вас, я смотрю, ни одна малейшая деталь не ускользает. Я вот живу себе, ничего не замечаю. Погряз в проблемах и заботах.

– Просто мы с вами очень разные, – Арсений затянулся в последний раз и швырнул окурок в окно. – Я не могу ни заметить, что вы изнеможены, может, зайдете ко мне, выпьем горячего чаю. Говорят, помогает охладиться.

– Даже не знаю, Арсений Романович, скоро опять нужно будет ехать по делам. Начал строить дом, деньги высасывают из меня тоннами, – молодой человек ухмыльнулся, ожидая того же от Арсения.

– Неужели вы не найдете полчаса. Давайте же.

– Ну ладно, уговорили, только если на полчаса.

Сосед покончил с сигаретой, и они зашли к Арсению в квартиру. Он тотчас же побежал на кухню и принялся за приготовление чая, достал неведомо откуда взявшееся у него печенье, пододвинул поудобнее стулья и жестом пригласил соседа присесть.

– Так вы говорите дел невпроворот? Неужели ничем кроме дел вы не занимаетесь, – заискивающе и как-то отвлеченно побормотал Арсений.

– Нет, отчего же. Если есть время, езжу на рыбалку, облюбовал тут один ресторан, постоянный гость. Но это выходные, а в будние дни полно работы. Вообще вынужден заметить, что мир вокруг нас сильно меняется. Даже я со своей врожденной коммерческой жилкой порой не успеваю угнаться за ним. Но сейчас, когда столько всего со мной случилось, я уяснил одну вещь. Для того чтобы жить, необходимо чтобы тебя уважали. Простая формула. Еще три-четыре года назад я мог только мечтать о такой жизни, какую имею сейчас. Конечно, времени маловато, но могу зато позволить себе все, что захочу. Именно уважение и власть, которые я приобрел, движут меня теперь вперед, вверх. И счастье уже виднеется на горизонте. Я уже вижу, дай мне Бог удачи, как добиваюсь своей заветной мечты, вижу, что все-таки смогу устроить свою жизнь максимально благоприятно. Конечно, приходится работать. Я бы даже сказал пахать, но чего не сделаешь ради денег и свободы, которые они дают. Ведь, чтобы там не говорили, деньги – это залог уважения и власти. Вторая простая формула. Забывая это, продажный изменчивый мир обязательно тебя съест. Нужно пользоваться своими талантами, работать в поте лица и знать себе цену. Ведь никому нельзя сейчас верить, только своим, которых и так остается с каждым днем все меньше и меньше.

Арсений расстегнул три верхних пуговицы на рубашке, разлил горячий чай по кружкам и с миловидным спокойствием на лице ответил:

– Здесь очень важно заметить, что наш мир не меняется, да и собственно никогда не менялся. Он всегда один и тот же, этот самый мир, а что до грязи, которая в немыслимых количествах расплзается по бездумным пустым головам, ее, конечно, стало несоизмеримо больше. Все люди заражены проказой значимости. От мала до велика. Нам впиливают это чувство с молоком матери. Оно овладевает сознанием, проникает в самые потаенные места человеческой мысли. Быть значимым, значить что-то, доказать себе, что что-то значишь, – это уже не только личная потребность. Это потребность общественная. Всемирная нужда. От этого все, словно с цепи сорвавшись, несутся куда-то вверх, изгаляясь в уродливом, обезьяньем танце, – Арсений повернулся к окну и высунул голову. – Вот, к примеру, совсем юная девушка. Красивая, стройная, одета со вкусом, загорелая. А что происходит в голове. Хаос! Ей

все вокруг кажется и мерещится. Кто-то посмотрел на нее с завистью или с восхищением, и она на седьмом небе. Чем больше людского интереса она притягивает, тем сильнее чувство ее значимости. И она уже не может быть свободной. Ее давит тяжесть этого бремени. Бремя, которое, скажете вы, она выбрала сама. Да, можно допустить, что она попросту такой человек. Не слишком уж умная и глубокая, совсем простая в любых смыслах этого слова. И в этом ничего зазорного нет. Ей нравится быть такой, какая она есть. Скажем даже, что она создана для того, чтобы радовать глаза мужчин. Но это же тоже неверно. Навязанное извне не может быть своим. Она потерялась и уже давно. В ее голове, как и в любой другой, пролетают тысячи мыслей, видений, желаний, влечений. Она, как и все, старается осознать себя и воспринять. Но выбирает она, точнее будет сказать, уже выбрала, быть рабыней своей значимости. И не потому что она так захотела, а потому что это притягательно легко, это удовлетворяет, как самый сладкий наркотик, призрачно расставляет все точки над *i*. И не нужно говорить, что никогда ее мозг не задумывался о смысле жизни. Конечно, это будет неправдой, думала она о многом, но каждый раз, когда это происходило, чувство его значимости, потребность в нем вершили свой суд, и уже в угоду решения этого суда она жила дальше, – Арсений все также стоял спиной к своему собеседнику и уже, казалось, разговаривал с самим собой. – А вон из машины вышел мужчина средних лет. Мускулистый, видно, что он очень силен. Перстни на пальцах, золотые цепи на шее и руках. В нем этой самой значимости еще больше. Она поглотила его. Он почему-то называет это силой воли. Он всем как бы показывает, что смог себя преодолеть, смог добиться поставленных целей. У него огромная машина, деньги, дом, семья. Он главный во всем. Его уважают и боятся. Он же людей не боится. Он боится лишь потерять все то, что имеет. Потеряв это, он потеряет свою значимость. И, быть может, он добрый и честный человек, но движет им совсем не сила воли. Им движет сила страха. Ведь тот мирок, в котором он что-то значит, очень хрупок. Он практически не реален, эфемерен. Необходимо же, чтобы у жизни был смысл. Необходимо же, чтобы наша жизнь что-то значила. Там на улице им всем кажется, что они что-то значат. Они все по-своему индивидуальны и неповторимы. Старая, неряшливая бабушка прожила всю жизнь до глубокой старости. Осталась жива. Ее надо уважать и этим самым подкармливать ее хоть какое-то чувство значимости. Учитель идет в школу учить детей. Он много знает, его предмет важен и, конечно же, очень значим. Но им всем невдомек, что их поглотило. Им неизвестно, куда на самом деле они идут. Они не хотят об этом думать, их не учили об этом думать. Поскорей бы спрятаться в свой игрушечный домик – вот чего они хотят. Найти скорейший способ поставить все на свои места, все объяснить и систематизировать. Этот плохой, тот хороший, я лучший. Моя правда действительно проста и истинна. Мои желания лучше и искренней желаний других. Только вместе с тем нельзя забывать, что чувство значимости не требуют ничего особенного и экстравагантного. Оно требует лишь утоления своей жажды, поэтому на поверку оказывается, что все их мысли и желания настолько убого похожи друг на друга, что все, что они вместе создают, – это мир претенциозности, пафоса, власти и страха. Но это, повторяю, не настоящий мир, в котором мы все живем. Это жалкая проекция их жалких мыслей и идей.

Арсений закончил. Он повернулся и, ослабившись, посмотрел на соседа, который уже во второй раз опешил от его речей. Он отхлебывал горячий чай и выглядел совершенно растерянно.

– Если хотите, можете закурить прямо здесь. И мне дайте тогда одну, пожалуйста, – Арсений поставил на стол пепельницу, подкурил сигарету, и в душевной кухоньке вскоре стало очень тяжело дышать.

– Вы хотите сказать, что добиваться своей цели, стараться жить лучше, это плохо и недопустимо? Что люди делают это только для того, чтобы удовлетворить свое эго? – начал осторожно сосед. – Неужели, по-вашему, растить детей в достатке, неужели ездить на хорошей машине выражение чего-то страшного?

– Вы, Вадим, не слышите меня. Я не говорил, что это зазорно, непозволительно или плохо, я утверждаю, что все это ложь. Ложь, которая поглотила очень многих, ложь, которая подпитывается ими же самими и которая приводит людей к тому, что они имеют сейчас. Пора уже наконец расправиться с этим поганым чувством собственной значимости, пора вырезать его из самих наших сердец, как ядовитую заразу. Неужели еще непонятно, что мы часть этого мира. Часть целого, часть Земли, точнее мы – это Земля. Единый развивающийся организм. Мы в ней, она в нас. Я совершенно осознанно считаю, что человек для вселенной значит не больше, чем любая канализационная крыса.

– Да что же вы такое говорите, – воскликнул молодой человек удивленно. – Перестаньте утрировать!

– Нет, я и в правду так считаю. Взять, к примеру, тех же платяных вшей, – сосед настороженно посмотрел на Арсения, будто понял что-то, но перебивать и вмешиваться не стал. – Они абсолютно не признают своей значимости по отдельности. Не признают они ее и в массе своей. Но при этом, с каким успехом и скоростью они развиваются и выполняют свой коварный замысел.

– Они же насекомые? Как же можно сравнивать?

– Да, безусловно, они насекомые. Паразиты. Но я же сказал вам, что я думаю по поводу человека и его места в этом мире. К тому же человек тоже паразит. Только при этом самый неумелый и, можно даже сказать, глупый. Единственный вид, который разрушает свой собственный дом и сам себя пожирает. Разве это не глупо?

Солнце расположило свой слепящий диск прямо в центре оконного проема. Табачный дым клубился в ярком свете, и нехотя, будто бы тоже изнывая от жары, распространялся вокруг. На кухонном столе, вблизи от Арсения лежал нож. Это был старый кухонный нож, самодельный, большой и очень острый. Лезвие из дешевой, но тонкой и прочной стали крепилось к толстой пластмассовой рукояти зеленого и сиреневого цветов, каждый из которых вливался хаотично в другой, образуя всевозможные линии и переходы. Сверху на стене свою грустную чечетку выбивали вечно запаздывающие часы.

– Я с вами не согласен, – собравшись с мыслями, промолвил сосед. – Вы лишаете человека всех удовольствий, обвиняете его во всем, что только можно представить, загоняете его в рамки. Нет ничего плохого в том, чтобы завоевывать и открывать для себя новые миры. Не каждый может добиться поставленной цели, именно поэтому те, кто достигают чего-то, преодолевая все трудности, достойны хотя бы толики уважения. Лучше тридцать лет прожить как орел, питаясь мясом и кровью, чем триста лет волочить жалкое существование ворона, поедая тухлую падаль. Нет ничего плохого в том, чтобы радоваться жизни и при этом стремиться к лучшей, зарабатывать много денег, любить родных, строить домашний очаг. Быть счастливым, по-моему, значит уметь утолить свои желания. Не у всех они такие похожие, как вы говорите. Считаю, что просто необходимо добиваться поставленных целей, стремиться осуществить самые сокровенные мечты. Зачем же иначе жить? Мне дана одна жизнь, по крайней мере, в ней я уверен, и я не хочу тратить ее впустую, хочу веселиться, делать то, что умею, то, что мне нравится. Хочу прожить ее успешно, в достатке, хочу добиться всего, что замыслил, и не думаю, что все это так ужасно, и вообще, – тут молодой человек посмотрел Арсению прямо в глаза, словно пытаясь проверить, как тот отнесется к сказанному, – я уже не в первый раз слышу философствования подобного рода. И я, конечно, не говорю сейчас о вас, но обычно их ведут люди, которые сами ничего толком не добились в своей жизни, которые жалеют об упущенном времени и критикуют всех, кто счастливее их, только из-за обиды или из зависти. Ведь получается, что у них просто не получилось удержаться на плаву. Не получилось сделать что-то, как это было нужно. Кто успел, тот и взял. Каждому свое! Выигрывает всегда тот, кто умнее и сильнее. Тот, у кого есть воля к победе, тот, кто энергичен и силен духом. Разве не так? Зачем унижать человеческую силу, человеческую красоту? Та девушка, о которой вы так нелестно отзывались, может стать замечательной матерью и принести пользу обществу, а тот мужчина, быть может, настоящий семьянин и просто умный и проворный человек, раз у него хорошая машина и спортивное телосложение. Что же в этом плохого?

– Каждому свое! – Арсений громко выкрикнул эти слова, вскинув свои худые щупальца вверх. Потом вдруг истерично рассмеялся и сквозь этот сумасшедший смех выцедил: – Замечательная фраза, Вадим! Замечательная! И не вы один такой, представляете? Эта же фраза красуется на воротах одного умопомрачительного заведения, но впрочем, человек, так ловко цитирующий Сократа должен знать... – Арсений остановился, откашлялся и продолжил уже совсем серьезно: – Все дело в том, что мыслим мы с вами разными категориями, – он приподнялся с места и снова подошел к окну. От их беседы вдруг стало веять холодом. Голоса у обоих были напряжены.

– И вот опять вы скрылись в свой хрупкий мирок, где каждый что-то обязательно значит и имеет вес. Кто успел, тот и взял, – с омерзением повторил Арсений сказанные молодым человеком слова, – одно из самых легких и замечательных ваших правил, это уж наверняка! Здесь дело не только в богатстве. Бывают и другие. У верующих, к примеру, их бог всегда представляется в некой форме надежды. В этой надежде они и теплятся. Но их надежды учат их хотя бы чему-то стоящему, только не тогда, конечно же, когда они заставляют их резать друг друга в угоду своим богам. А теми, кто просто придерживается какого-либо вероисповедания неосознанно, в виде привычки, или традиции, или скудости ума, управляет то же самое чувство значимости. Но и их мирок такой же злосчастный фантом, как и мир-мираж той самой пресловутой значимости. Причем, если трезво смотреть на вещи, второй иллюзорный мирок давно уже с потрохами сожрал первый, – Арсений повернулся к собеседнику, взял еще одну сигарету, и теперь уже он сам пронзил его своим острым взглядом полным отвращения. – У вас все просто, понимаете? Вы живете органами чувств. Вы не видите мира без глаз, не слышите его без ушей, если нету вас, вы считаете, что и мира нет. Все, что можно потрогать – ваше, все, о чем можно почесать языком, тоже ваше. Красивое хорошо, уродливое плохо. Кто успел, тот и взял, черт побери! Ваш мир настолько много значит для вас и для таких как вы, что если кто-то смеет его критиковать, вы тут же в страхе потерять этот мир начинаете протестовать и удивляться, что же в нем такого плохого, доказывая при этом, что в нем все настолько просто и справедливо, что и представить нельзя, а себя, в своей правоте, уверяете лишь тем, что не каждому дано в этом

мире выжить и быть счастливым, поэтому жаловаться могут лишь те, кому просто не повезло, кто слабее остальных. А что остается действительно слабым? Они еще больше, чем все остальные, погрязли в этом псевдомире. Для них он является целым культом, божеством, за которое они всеми силами держатся, которому поклоняются. Зачем, например, молодому мужчине, прочно стоящему на ногах, бить свою жену, изменять ей, а потом рассказывать об этом соседу с площадки? Что этим можно доказать? Ее несостоятельность, как женщины. Научить ее чему-то? Или все же для того чтобы доказать девушке свою значимость, доказать, что он сильнее ее?

– К чему вы это?!

– Вы можете лучше объяснить, к чему я это!

– На что это вы намекаете? Как вообще вы смее? Лезете не в свое дело? Откуда вам вообще знать, что на самом деле происходит в моей личной жизни?

– По-моему, здесь все очевидно!

– Очевидно?! Тогда мне тоже очень интересно спросить, где же запропастилась ваша, так называемая, возлюбленная? Неужто ее съели платяные вши? – сосед со злобой откинул пустую кружку, взбешенный и напуганный, наглостью Арсения, он не знал, как ему себя вести, что предпринять. Уходить тотчас же или все же попытаться поставить наглеца на место. Терзаясь в сомнениях, он смотрел на, как ему казалось, сумасшедшего собеседника, который после сказанных им слов как-то странно скрючился и застыл словно в ступоре. Потом, тяжело вздохнув, Арсений наклонил голову, а когда поднял ее обратно, на лице неожиданно распростерлась улыбка. Он выпрямился, расправил плечи, но тяжело дышать не перестал. Он прошелся по комнате, дошел до кухонного стола и сказал совсем мягким голосом:

– Мы переступили черту. Это совершенно непростительно с моей стороны вот так вот себя вести, – молодой человек успокоился на секунду, пытаясь вникнуть, к чему это ведет Арсений. Тот в свою очередь, прошелся по комнате еще раз и все так же наигранно спокойно продолжал: – Совершенно непростительно, что, когда я высказывал вам свои мысли, я обошел стороной одну важную материю. Позволю себе поделиться с вами. Я ведь тоже держусь за этот мир. Я долго размышлял и пришел к выводу, что есть только одно единственное явление, ради которого и стоит собственно жить. Это любовь. Любовь – это моя надежда, как бы банально это не звучало. Но, видите ли, я сам пока еще не знаю до конца, что это такое. В этом чувстве будто бы одновременно сокрыта и чудовищная вселенская боль и безмятежное счастье. Хаотическое, необъяснимое чувство, с одной стороны, и настолько простое, инстинктивное, понятное, с другой. Можно описывать его сколько угодно, но все равно ничего точного не получится. И самое чудное его свойство, это то, что им наделено сердце каждого человека. И сердце ужасного тирана, и сердце раба, если оно, это сердце, действительно любит, любит абсолютно одинаково. Наверное, я никогда не пойму всего этого окончательно. Но нельзя, конечно, путать это чувство с низменным желанием обладать. Желание это убивает любовь. Оно появляется как раз тогда, когда собственная индивидуальная значимость отъелась настолько, что заполонила все человеческое сознание, – Арсений снова подошел к кухонному столу, на секунду он прервался, а затем, будто шипя, скомкано выдавливая из себя каждый звук, продолжил: – Я вынужден... Придется доказать вам, что ваша жизнь, как я и утверждал, ничего не стоит. Доказать вам, что ваш хрупкий мирок, в который вы себя самостоятельно поместили, никогда не сможет защитить вас от реального неизменного мира. Вкусите глоток свободы, мой друг!

Арсений схватил кухонный нож и молниеносным ударом пронзил шею молодого человека. Все произошло настолько быстро и четко, что опешивший, обезумевший сосед стал сопротивляться, когда было уже совсем поздно. Его рот открылся, и раздался раскуроченный безумный хрип, а через несколько секунд, стеклянные, алые по краям глаза, вкусившие запретный плод свободы, когда время уже не властвует над человеком, закрылись. Из рта хлынула темная струя крови. Руки, крепко сжавшие руку Арсения, размякли и словно пустые резиновые шланги медленно скатились вниз к туловищу. Арсений вытянул нож из шеи убитого и уложил его голову на стол. В тот же самый миг он, подбежал к окну и задернул занавески. Потом облокотился на подоконник, закрыл глаза и несколько раз глубоко вздохнул. Все тело его взмокло, и пот увесистыми гроздьями проступил на морщинистом лбу. Шатаясь, словно хмельной, Арсений поковылял к ванной. Одним рывком он открыл дверь нараспашку и вернулся на кухню. Кровь лилась непрерывным потоком и уже образовала на полу темную лужицу, томно растекающуюся, подобную липкому, тягучему лаку.

Арсений бросил взгляд на кровь, снова выпрямился, растер кулаками глаза и затем заметно ускорился в движении. Он вытянул целую кипу черных полиэтиленовых пакетов и, кинув их на стол, стал искать что-то в верхнем отделе кухни. Вскоре, в руках его замелькала белая, клейкая лента, потом в ход пошел скотч и вот, когда Арсений собирался было хлопнуть дверцей кухонного ящика, раздался звонок в дверь. Арсений обомлел, обмяк и, словно статуя, оставался недвижим. Чуть позже он сменил позу, закрыл тихонько дверцу и на цыпочках

пробрался к стулу, на который уселся все также бесшумно. Он отвернулся от трупа и минут пятнадцать просидел, смотря при этом только на окно. Когда все вроде бы утихомирилось, он, собравшись с духом, снова вскочил с места и вновь засуетился. Открыв в ванной кран с водой, Арсений вернулся к месту убийства и ухватился за бездвижное тело. Взяв мертвеца под плечи, он стянул его со стула. Кровь брызнула во все стороны, будто нарочно, испачкала всю одежду и мебель вокруг. Арсений выругался, но таки уложил тело горизонтально, ногами вперед к коридору. Тут он уже собирался тянуть соседа за ноги в ванную комнату, как вдруг увидел лицо убитого. Арсений с испугу сделал шаг назад, уперся в стену, обхватив ее грязными руками. Испуганно-ошарашенное выражение лица, точно клоунская маска, застыла на лице мертвеца. Кончики губ клонились к низу, скулы подались вперед, на коже появились непонятно откуда взявшиеся складки. Один глаз был открыт и смотрел все также стеклянно и бездумно прямо на Арсения. Бледное, иссушенное лицо клонилось набок, выставляя напоказ смертельную рану с запекшейся на ней кровью. Веки Арсения судорожно задергались, на лице разверзлась убогая улыбка. Он подбежал к столу, схватил один из пакетов и резвыми, отрывистыми движениями принялся заматывать им ненавистную физиономию. Потом, заново собравшись с силами, он затянул труп в ванную, снял с него одежду и теперь уже открыл вентиль крана на полную. Глаза его загорелись, голова своенравно заболталась в стороны, а горячий пар, казалось, убаюкивал его в этом кошмарном параде.

Уже после всего этого в ход пошли ножовка и топор. Кровавая баня. Царство скрежета и хруста. Оттиск хладнокровного, но вместе с тем обезумевшего палача. Арсений будто пребывал во сне и только помнил потом натугу замотанные в черный полиэтилен уродливые куски безжизненного тела, смотанные, заклеенные накрепко скотчем и белой лентой. После этого сумасшедшая, педантичная уборка. Щетки, хлорка, жадное до чистоты, оскалившееся лицо. Пар заполонил собой всю квартиру, пропитал ее духом смерти.

Когда все было готово, когда Арсений закрыл кран и вода перестала течь, квартира его блестела и вся будто бы полазоревела. В углу, на кухне выстроилась черная куча, пирамида из кусков мяса и костей – мертвый человек. Чуть позже произошла сакральная процедура омовения и очищения. Со всеми гигиеническими излишками и премудростями Арсений вычищал свое тело в тот вечер, и, когда он, наконец, закончил, в тусклом вечернем солнечном свете показалось кристально чистое существо.

Арсений достал из затхлой кладовки большую картонную коробку и довольно увесистую, с мощными скрипучими колесами тележку. Аккуратными, склеенными намертво штабелями он уложил в коробку черные куски. После, тщательно все проверив, привязал этот полукороб-полугроб к тележке и выставил его в прихожей. Ближе к утру, Арсений стал одеваться. Можно было подумать, что он собирается на рыбалку или по грибы. Скрупулезно проверив всю свою одежду на предмет выявления вшей, он укутался и замотался в нее, как только это было возможно, а потом нацепил на ноги длиннющие резиновые сапоги. Поверх всего этого он накинул сверху дождевой плащ и таким образом не оставил ни одного открытого места, кроме носа и глаз.

Стараясь не шуметь в подъезде, он все-таки выкатил тележку из дома и размеренным, но тем не менее торопливым шагом отправился прочь со двора. Топот и скрип тележки создавали своеобразную мелодию, в такт которой бесновались нескончаемые мысли и видения Арсения. Он мигом пробрался сквозь каменные улицы, а потом и вовсе свернул, углубившись в старый, замызганный район хилых деревянных домишек. Там он много вилял, чертыхался, но вскоре что-то заприметив, радостно прикрикнул и без особых церемоний умело и резво потянул тележку за собой. Через пару минут он уже стоял на опушке леса, где прищурившись, пытался отыскать знакомую тропу. Когда тропка была найдена, кое-как перебравшись через кривой, ухабистый овраг, Арсений пустился вглубь леса. Шел он очень долго. Высматривал каждое деревце, заученно крутился и поворачивал и вот где-то часа через полтора очутился на искомом месте. Здесь, ждала его, расположившись между трех ветвистых берез, довольно глубокая яма, вырытая наспех и коряво. Рядом лежала куча сухой земли.

Арсений отвязал коробку от тележки, открыл ее, достал оттуда пластмассовую канистру с бензином, а затем, наклонив коробку вертикально, высыпал ее содержимое в яму. После он разорвал картонную коробку и скинул остатки туда же. Вылив весь бензин поверх этой неоднородной массы, он выкинул и саму канистру. В руках его загорелась спичка и, секундой позже, беспощадный огонь объел мертвые дрова. Арсений прикрыл нос рукавом и присел на пенек рядом. К удивлению его, огонь затих раньше, чем он предполагал. Дышать было практически невозможно, сквозь отвратительный дым он разглядел в яме шипящее, уродливое месиво и, искривившись в лице, побежал за ближайшую березу. Там, в траве он отыскал припрятанную ранее лопату и с усердием корабельного матроса принялся закапывать кипящее пожарище. Когда с ямой было покончено, Арсений гладко разровнял землю, накидал сверху мха и, хорошенько притоптав его ногами, поспешил в обратный путь. Дорогу на этот раз он выбрал совершенно другую и даже в лесу двинулся в противоположенную сторону.

Арсений вошел в город, когда утомительно пыльное утро было уже в самом разгаре. Выкинув лопату в первый попавшийся мусорный бак и стянув с себя плащ, он стремительным шагом кинулся домой. Сонные глаза его мерцали неопишуемой радостью, а с лица не сходила кичливая ухмылка.

Прекраснейшее настроение не покидало Арсения вплоть до поздней осени. Он бережливо откладывал деньги, исправно ходил на работу и снизил уровень общения с окружающим его миром до невообразимого минимума. Целую неделю он мог не проронить ни одного слова, и лишь изредка, вдавался в расспросы о животном мире, беседуя со сторожем с работы.

Но в конце октября, когда в землю вцепились первые холода и лужицы с утра начали покрываться тонкой коркой льда, с Арсением вдруг произошел весьма странный случай. Он ехал, по обыкновению, на работу и вот, стоя в переполненном качающемся автобусе, у Арсения заболела голова. Это был даже не приступ, он просто вдруг почувствовал, что его будто бы сильно ударили по затылку каким-то тяжелым, тупым предметом. Склонившись от этого мнимого удара, он, когда боль утихла, мотнул головой и сразу же оглянулся, чтобы найти обидчика. Но к удивлению его, сзади, плотно прижавшись друг к другу, стояли совсем еще маленькие дети, по-видимому, школьники, и какая-то неряшливая бабушка, от которой Арсений тотчас же отвернулся. Забыв о происшествии, Арсений вышел на нужной ему остановке и отправился в свой магазин. Первая половина дня прошла без эксцессов, и Арсений уже было расслабился, с удовольствием продавая свои любимые стиральные машины.

Так он и стоял рассеянный, как внезапно увидел, что в магазин, откуда не возьмись, заходит убитый им сосед, тот самый молодой человек с лестничной площадки. Арсений, не веря свои глазам, в неимоверном ужасе и оцепенении отпрыгнул за прилавок и, широко раскрыв глаза, застыл на месте. Ноги его подкашивались, начало тошнить. Трясущимися руками, ухватившись за угол стойки, он насилу вытянул свое тело из-за прилавка и вновь взглянул на пришельца. Соседа там не было и в помине, а автоматические двери, которые должны были оставаться открытыми, если кто-то и впрямь зашел внутрь, оказались закрыты. Арсений долго не сходил с места. Только когда начальник окликнул его, он смог двинуться и продолжить работу. На входные двери он теперь старался не смотреть и пугался каждого нового посетителя.

По пути домой Арсений был очень серьезен и мрачен. В автобусе опять была давка, так что он, крепко ухватившись за поручень, ехал с закрытыми глазами. Автобус неожиданно резко дернуло, все покатились в одну сторону и, чтобы перехватиться поудобнее, Арсений все же открыл глаза. Но тут же вскрикнул, или даже простонал, отпустил поручень и повалился назад. Впереди себя близ выхода он увидел уже знакомое лицо, с застывшей на нем посмертной гримасой, с тем же открытым безумно-стеклянным глазом и обезображенной мимикой.

– Мужчина, что вы тут устраиваете! – начала кричать на него, придавленная им женщина.

– А ну встаньте, как полагается! – гаркнул крупный мужчина в летах.

– Я, я, – Арсений отвернулся от жуткого видения, ухватился за поручень, а другой рукой стал тереть глаза, что было сил, будто стараясь стереть с них грязь.

– Больной, – сказал кто-то позади него.

– Извините, извините, – пролепетал Арсений и снова кинул пугливый взгляд к выходу. Там никого не было, а на месте видения стояла молодая женщина.

С выпученными от страха глазами Арсений выскочил из автобуса. Он боялся смотреть по сторонам и всю дорогу шел, склонив голову. Во дворе, прямо возле подъезда стояла, закутавшись в пуховую куртку, с беретом на голове, Зинаида Васильевна. Арсений не заметил ее, пока не подошел вплотную, поэтому, когда она приветствовала его, он от неожиданности снова вскрикнул.

– Ой, Господи, чего ж вы кричите то, Арсений Романович, – удивилась старуха.

– Ничего, просто не заметил вас.

– На вас лица нет. А я вот стою, жду внуку. Теперь уж темнеет быстро, так я за нее пуще прежнего боюсь. А то люди пропадают неведомо куда, сами знаете.

– Мне нужно идти, – Арсений был настолько растерян и разбит, что даже не мог заставить себя взглянуть на приставучую собеседницу.

– Вы же сам не свой! Арсений Романович. Взгляните вы хоть на меня, что с вами?

– Голова болит, мигрень, – Арсений сделал неимоверное усилие и все-таки поднял глаза.

– Таблеточку вам надо. Анальгин попробуйте, терпеть нельзя, вредно очень. К вам вчера милиции приходила? Ко мне вот второй раз сегодня пришла, все по новой спрашивали.

– Нет, я вчера допоздна был на работе, Зинаида Васильевна, – Арсений с любопытством взглянул на старуху. – Ничего нового?

– Да нет, все вокруг да около ходят, так ничего и не нашли. Так и где тут найдешь, пропал бесследно. Жена уехала, а жильцы, все, как один повторяют, что видели, как с утра вышел из дому, а потом что с ним было, никто не знает. Друзья говорят, по делам он ходил, больше ничем заниматься не мог. Жалко, хороший был парень. Молодой, перспективный. Как так, среди бела дня и нет человека.

– Да. Таков наш хрупкий и ненадежный мир, Зинаида Васильевна. Хаос, да и только.

– И не говорите, сплошной хаос.

– Мне нужно идти, до свидания, – Арсений открыл дверь и, не дожидаясь ответа, отправился к себе наверх.

Зайдя в свою квартиру, он в прихожей посмотрелся в зеркало и внезапно взорвался неудержимым громким смехом. Он смеялся до слез, держался за живот и изредка поглядывал на себя. Потом прильнул к зеркалу вплотную и пристально всмотрелся в свои маленькие блестящие глаза.

– Так что же это? Совесть или воображение? – думал он, не переставая смотреть. – Совесть у меня чиста. Стало быть воображение, большая игра его. Стало быть так. Может с ума сошел? – тут он отпрянул от зеркала. – Так вроде бы яснее и не мыслил никогда. И не думал же о нем все это время. Или думал?

В тот вечер Арсений смог себя успокоить. Но все же случилась в нем какая-то перемена. Своего рода душевный скачок. И теперь с каждым днем ему становилось все хуже и хуже. Постоянные головные боли не покидали его. Стал он нервозен, с людьми огрызался. Всюду ему что-то мерещилось, но страх все-таки пропал, и даже если случалось увидеть какое-нибудь ужасающее видение, так он его попросту не замечал и после о нем не думал.

Так прошел еще один месяц. В конце ноября Арсений сильно захворал. Клокочущий кашель разрывал его грудь. Он перестал есть и пил только воду. Лечиться будто бы и не думал. Работу не пропускал и приходил каждый день вовремя. Депрессия его только усилилась от болезни, он бродил по магазину как живой мертвец, заливался страшным кашлем, пугал окружающих. В один из таких вот дней к нему подошел начальник и отправил домой. Арсений идти отказывался, но потом, когда тот пригрозил ему, что уволит, если Арсений не отправится лечиться, он сдался. В явном бреду, не спавший уже двое суток он вернулся домой.

Дома он все ходил взад-вперед, шатался, бился об стены, но на кровать не ложился, потом попытался приняться за любимый свой процесс очищения, но в ванной упал, больно ударился и еле из нее выполз. Выбившись наконец из сил, добрался до кровати и пролежал в страшном бреду пять дней. Когда становилось лучше, у него хватало сил только чтобы в очередной раз справить нужду и попить воды.

На шестой день в полном изнеможении, он точно совершенно пьяный выполз из своей кровати весь вспотевший и побледневший. Мучился он от постоянных кошмаров, казалось ему, что бегают по нему тысячи ненавистных платяных вшей. От этого он расчесал себе все тело, весь был в кровавых ссадинах и царапинах. Тут к нему вдруг пришло мимолетное озарение, разум прояснился на секунду, и он, посмотрев на свое тело, обнаружил страшную вещь. На шее и на пояснице, сзади между лопаток нащупал Арсений кроме бесконечных расчесов странные ни на что непохожие высыпания. Ограниченными очагами они поразили его тело. Арсений подковылял к зеркалу, и бешеному зору его предстало нескончаемое множество синюшных пятен и уродливых белых рубцов. Тело его затряслось, словно в судороге, и он свалился на том же самом месте. Пролежав так пару минут, он на последнем издыхании все же привстал и стал искать глазами одежду. Кое-как справившись с управлением собственного тела, он нацепил на себя штаны и рубашку, обул ботинки на босую ногу и, качаясь, вышел из квартиры, не закрывая за собой двери. На улице, вздрагивая от холода, он ковылял, подтягивая одну ногу к другой, заваливался, но шел не смотря ни на что. Теряясь в улицах, он все же продвигался в нужном направлении и минут через тридцать пришел в больницу.

Люди косились на него, сторонились, кто-то жалобно вздыхал. Страшным гробовым голосом он узнал, где принимает врач, и, будто бы никого вокруг не существует, отправился в нужный кабинет. Возле кабинета собралась большая очередь. Старики, молодые, женщины с детьми стояли и ждали, в тишине, с грустными, постными лицами, как это обычно бывает в больнице. Арсений громко закашлялся, пытаясь что-то сказать, а потом будучи уже не в силах что-либо сказать сел на скамью. Окружающие окинули его холодным взглядом, кто-то с отвращением отвернулся, а один человек даже отсел подальше. Прошло немного времени, и Арсений почувствовал, что снова может говорить. Он занял очередь, закрыл глаза и, откинувшись назад, пребывал в бредовом состоянии, пока одна женщина своим злобным окриком не разбудила его, объяснив, что пришла его очередь. В кабинете было тихо и прохладно. Врач, маленький мужчина в возрасте, с седой бородкой, почему-то показался Арсению подозрительным. Хотя он мало уже что соображал, но все же заметил, что перед ним

довольно чистый и аккуратный человек, что немного его успокоило. Шаркающей походкой он добрал до стула и с грохотом на него завалился, а потом как-то бессмысленно уставился на врача. Врач удивленно посмотрел на Арсения и настороженно спросил:

- С вами все в порядке?
- Со мной? – Арсений захватил воздуха, потом поперхнулся и снова закашлял.
- Вам бы в приемный покой. Температура есть?
- Не знаю.
- На что жалуемся? Давно такой кашель? – он протянул Арсению градусник.
- Да, – Арсений с болью на лице сглотнул слюну. – Я пришел по другому поводу.
- По другому поводу? По какому же?
- У меня на теле сыпь, все чешется.
- Покажите. Нет, нет, дайте сюда градусник. Вот так, – врач забрал градусник, и Арсений снял рубашку.

Когда изуродованное тело показалось наружу, врач подпрыгнул на месте, встрепенулся и продолжил: – Боже мой, голубчик! Где ж вы были? У вас жить-то есть где?

- Есть. Я лежал. Я не помню. Что это такое?

Врач подкатился на стуле к Арсению, вставил ему подмышку градусник и начал пристально разглядывать его тело. Потом, он встал со стула, обошел стол и, взяв телефон, куда-то позвонил:

– Людмила Прокофьевна, нужна палата в диспансере. Тут человек с педикулезом. Срочно нужно лечь, сейчас же. Да. Хорошо. Все жду, – он положил трубку и посмотрел на Арсения. – Почему раньше не пришли? Вы посмотрите на себя, кашляете давно?

– Педикулез? – челюсть Арсения задрожала, тонкие губы затряслись. – Не может быть, не может быть педикулез, это же вши?

– Голову покажите. Так, нет, это не головная. Значит платяная. Градусник, – Арсений сидел бездвижно и смотрел куда-то в полнейшей прострации. Врач сам достал градусник, посмотрел на показатель, а потом, сказал: – Тридцать девять и девять голубчик. Сейчас за вами придут. Дайте послушать дыхание. Кашляете давно, я спрашиваю?

– Как же так может быть, что вошь? – Арсений дрожал и неуверенно подергивался из стороны в сторону, – я не понимаю. Я же, я же...

- Чего вы не понимаете? Вы на работу в общественном транспорте ездите?

– Да.

– Ну, так и чего удивляться. В трех школах эпидемия сейчас. Надо газеты читать. Тем более, я смотрю, болеете вы давно, кашляете. Наверное, и нервишки расшатаны. А это самое то, для вшей.

- Но я же! – закричал Арсений и снова взорвался в кошмарном, безостановочном кашле.

– Так, сейчас же успокойтесь, встаньте, я вас послушаю! Потом придет врач и вас заберет, вам лежать надо. Родные есть? Вещи принести смогут вам в больницу? Домой уже сегодня вам идти не придется.

Арсений ничего не ответил. Он уставился на врача со злобой и негодованием. Грудь сковывала боль, было видно, что он очень хочет что-то сказать, но не может. Потом он молча встал и пошел к выходу.

- Это куда это вы собрались? А ну сейчас же садьте! – врач тоже подскочил с места и кинулся за Арсением.

– Не трогайте меня, – Арсений показал свои кривые клыки. – Я сказал, идите прочь! – тут Арсений замахнулся, а врач, испугавшись, отбежал на безопасное расстояние.

– Вы что такое творите? Вам лежать надо, вам лечение срочное необходимо, – врач не понимал, что происходит.

– Я сказал, не трогайте меня, – Арсений доплелся до двери, медленно сквозь боль и усталость отворил ее и отправился вон из больницы.

Арсений не помнил в точности, как дошел до дома. Очередная вспышка сознания произошла, когда он уже был около своей квартиры. Будучи внутри он первым делом закрыл дверь и пошел на кухню. Там он с особой жадностью пил стакан за стаканом холодную воду. Когда жажда была утолена, Арсений с ненавистью скинул с себя всю одежду и, чувствуя, что силы оставляют его, медленно пошел к кровати. Ему хотелось кричать и рыдать одновременно, до того все внутри у него кипело, но зная, что за этим последует очередной приступ кашля, он терпел.

Лежа в кровати, он весь взмок, его бросало в жар, потом вдруг зазнобило. Он ворочался, как неугомонный, все его изуродованное тело зудело и горело от боли. В голове образ злосчастной вши не давал никакого покоя. Сам ее вид, то увеличивался, то уменьшался, то раздваивался, а затем умножался с огромной скоростью. Арсений

старался не дышать глубоко, чтобы вновь не закашляться. Температура достигла предела, Арсений уже даже не чувствовал холодно ему или жарко, а потом и вовсе не осталось сил, чтобы шевельнуться.

Пришла ночь. Рассудок вконец помешался. Арсений плакал, стонал, смеялся, водил по воздуху руками. Последним усилием воли он вырвал из своего сознания образ противного паразита, заставил исчезнуть его раз и навсегда. На его место пришел образ чистый, светлый, но вместе с тем печальный. Арсений только и мог теперь, что лежать и думать обо всем вперемешку:

– Все-таки когда не сам, то страшнее. И не хочется совсем... – он вдруг засмеялся, но кашель дал о себе знать, грудная клетка, чуть не взорвалась от боли, Арсений взвыл, но мыслить не переставал. – Поговорить бы сейчас с ней. Услышать бы ее голос.

Через неделю смрад дал о себе знать. Соседи долго стучались и бились в дверь, но все было без толку. Когда дверь была взломана, взору испуганных, опьяневших от скверной вони, людей предстало измученное тело Арсения со стиснутым в руке мобильным телефоном.

Полоцк, 2011 год.

*АЛЕКСАНДР ГУГНИН, заведующий кафедрой
мировой литературы и иностранных языков*

ИЮньСКИЕ ЗОРИ, ИЛИ НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ В ДЕРЕВНЕ

1

24 июня 195...года, в воскресенье, в доме лесничего Ильи Андреевича женщины с утра хлопотали – к обеду должны были приехать гости: Павел Васильевич с семьей. Волновались и Нина с Володей – дети Ильи Андреевича. Старшие сказали, что приедут два мальчика, и теперь они, сидя на старых козлах у забора, обсуждали предстоящее знакомство.

Володя – очень подвижный светловолосый мальчишка лет девяти – авторитетно заявил после некоторого раздумья:

– Все равно я быстрее бегаяю, чем они!

И в доказательство соскочил с козел и помчался за Дружком, который вертелся рядом, недовольный слишком серьезным ходом беседы. Дружок взвизгнул от неожиданности, и оба скрылись в низине у ручья.

Нина осталась одна. Она спрыгнула на землю, расправила свое белое в горошек платье и медленно пошла в сторону сарая, где за ольховыми кустами открывалась просторная лесная дорога. Слева от дороги далеко тянулась болотистая низина, и кусты голубики на кочках между невысокими соснами призывно поблескивали светло-зелеными гроздьями неспелых ягод. А справа, за огородами, сквозь редкие кусты олешиника искрились под солнцем поля, окруженные березовой порослью. Нина живо представила, как к их высоким резным воротам подъедет машина, остановится у лип, где два года назад поставили беседку, и папа, одетый по-домашнему, в широкой белой рубашке с узорами, выйдет, улыбаясь, навстречу гостям, расставит руки и долго будет всех обнимать, тормошить, и все будут шутить и улыбаться. Гости всегда улыбаются папе. Мама сказала утром, что мальчиков зовут Витя и Коля, и Нине вдруг стало жалко, что они походят степенно по двору в чистых рубашках и глаженных брюках, тихо покачаются на качелях (а она любила взлетать высоко, до самой перекладины) покушают, погуляют по лесу со взрослыми (и она должна будет ходить вместе и вести себя прилично), а вечером уедут, такие же чужие и незнакомые...

Размышляя таким образом, Нина шла по дороге и держала в руках сандалеты. Потом она спрятала их в кусты и побежала припрыгивая. Высоко и мягко мелькали в воздухе ее загорелые колени. Дорога была травяная, неезженная и бежать по ней было легко. На повороте Нина остановилась и стала смотреть на холм впереди, за которым начинался сухой лес. Редкие высокие сосны на покато́й вершине как-то неожиданно и светло открывали небо. А молодой плотный ельник и березняк внизу на склонах, казалось, кружился в медленном хороводе и звал в круг.

Нина забежала на холм и долго сидела на маленьком пяточке среди сосен, прижавшись спиной к стволу и обхватив руками колени. Было тихо, пахло сосновыми шишками и смолой. Запах был густой и теплый. Белые облака проплывали над верхушками сосен, их легкие тени скользили по земле и по стволам, окутывая их прозрачными покрывалами. Весь лес дышал счастливой игрой света и тени... Нина вспомнила, как они ходили сюда в мае с Леной – готовиться к экзаменам. Тогда тоже было тепло, но лес казался веселее и моложе. Безумолку куковали кукушки, и подруги кричали им, «Кукушки-кукушки, сколько лет нам еще жить на свете?» Кукушки, не скупясь, отсчитывали им по сто лет, и они откладывали учебники в сторону и, лёжа на спине с закрытыми глазами, мечтали, что они сделают за эти сто лет... Сейчас кукушки уже не кукуют, а они с Леной давно сдали экзамены и перешли в седьмой класс, и каникулы идут почти целый месяц, и уже немного скучно без школы...

Как красиво плывут облака! Если бы унести сейчас вместе с ними и увидеть все места, над которыми они пролетят. С такой высоты, наверно, и не увидишь холма, на котором она сидит, а дом будет казаться совсем маленьким, меньше, чем будка у Дружка. А интересно лететь ночью над большим городом и видеть только огни. Как они гаснут и загораются снова... Когда-нибудь и она будет в большом городе. И тогда не будет ни холма, ни этого леса, ни её дома, а всё будет совсем другое...

...Воспоминания и тихие лесные звуки убаюкивали Нину, и она может быть, ещё долго мечтала бы, прислонившись к сосне, если бы не комары, которые становились все нахальнее и даже не пытались улететь, когда она прихлопывала их ладонью.

2

Домой Нина возвращалась медленно, пока не услышала громкий голос мамы:

– Нина – а!

– Иду – у! – закричала в ответ Нина, пролезла между вырванными планками забора и вбежала во двор. У крыльца стояла машина и высокий полный мужчина в светло-сером костюме широко улыбался рядом с мамой и ещё с одной женщиной, и мама, уже переодетая, в своём зелёном платье, которое ей очень шло, и, как поняла Нина сразу, в хорошем настроении, замахала рукой и крикнула:

– Скорей! Мы тебя ждём, – и, обращаясь к гостям, – А вот и наша Нина!

– Ну, теперь все в сборе – пойдемте за стол! – сказала мама и, открывая дверь, посторонилась, чтобы дать дорогу гостям. Пока усаживались за широкий, в белой скатерти стол, пришел и Илья Андреевич с ребятами – он показывал им речку. Витя, в синем трико и яркой цветной рубашке, покрасневший от возбуждения, едва взглянул на Нину, сидевшую на своем месте у окна, и сказал, наклоняясь к Коле, который терся рядом, не отходя ни на шаг:

– Кинжал забыли! Говорил тебе вчера – положи на стол!

Коля виновато хмыкнул, и их усадили к окну вместе с Ниной.

– Я знаю, тебя зовут Нина, и ты перешла в седьмой класс, – сказал Витя серьезно.

– Да. А вас зовут Витя и Коля, – ответила Нина, и на этом разговор закончился, потому что Илья Андреевич стал разливать водку и настаивал, чтобы Вите тоже налить немного.

– Смотрите, какой мужчина растет! – говорил он, словно гордясь им. – А мужчина должен пить водку!

Витина мама протестовала. Но Павел Васильевич был сегодня в чудесном настроении. Было немного жарко, он расстегнул пиджак и с радостью смотрел на стол, уставленный сытными закусками. И желая хоть как-то отблагодарить хозяина за предстоящее удовольствие, сказал примирительно, взглянув на застывшее в ожидании лицо сына:

– Ну, ладно, мать, пускай выпьет немного!

Дело было улажено. Женщинам налили крепкой вишнёвой настойки, и все дружно выпили за здоровье присутствующих. Потом все так же дружно принялись закусывать. Павел Васильевич съел несколько солёных грибов, потом салат из редиски с луком и со сметаной, потом выпили по второй, и он съел порядочный кусок холодца с хреном, который ему очень понравился. После этого он рассказал несколько веселых сплетен из жизни министерства, успев при этом скушать два куса заливной рыбы.

С третьей рюмкой заговорили о молодости и, наконец, переключились на ребят, занятых своими разговорами. Витя, после глотка водки почувствовавший себя гораздо свободнее, увлеченно рассказывал о том, как они с Колей однажды убежали из дома и ночевали совсем одни в стогу сена, как Коля боялся и заплакал ночью, а днем их нашли большие ребята и привели домой.

Нина слушала рассказ, смотрела на оживленное Витино лицо, и ей было приятно, что он для нее так старается. Но потом стали приставать старшие, спрашивать о учебе, о книжках и, когда Надежда Алексеевна сказала:

– Какая она у вас красавица будет! – Нине захотелось поскорее уйти из-за стола.

Она тихо шепнула ребятам:

– Давайте уйдём! На качелях покатаемся...

3

Всем было весело и жарко. Ребята быстро привыкли к качелям и уже без боязни взлетали вровень с перекладиной. Прибежал Вовка с Дружком и просил остановить качели и взять его. Но останавливаться никому не хотелось, и тогда он в шутку стал бросаться камнями. Это только прибавило веселья, потому что камни были маленькие и ударяли не больно. Ярко светило солнце, ветер расплел Нинины косы, и волосы ее, то развевались сзади, то закрывали ей глаза. Хороший был день.

Потом бегали на пруд. Пылили по дороге. В пруду брызгались ребята. Они были совсем голые и, увидав Нину, залезли поглубже в аир и дразнились оттуда. Купаться не хотелось, но по воде на мелком берегу бегали долго и брызгались, пока не измокли совсем. Витя очень старался, и Нина не уступала ему, но когда платье её совершенно прилипло к ногам и спине, она предложила посмотреть на пассажирский поезд, который должен был проходить в это время. Бежали по тропе вдоль низкого кустарника. Забрались на крутую насыпь и поспорили, кто раньше заметит поезд. Но потом Вовка нашёл какой-то странный камень. Пока рассматривали его, загудел вдалеке паровоз, и дым от него был уже виден всем. Спустились с насыпи и смотрели, как, изгибаясь на повороте, приближается зелёная полоса вагонов. Потом замелькали окна, и разные люди сидели за ними и смотрели на четвёрку ребят внизу.

А ребята стояли, не отрывая глаз от окон; их воображение будоражили эти лица, увиденные вот так, заманчиво и недоступно, может быть в первый и последний раз. И секунды тянулись долго-долго...

Потом поезд ушёл. Они смотрели вслед, пока он не слился с очертаниями леса вдали; всем стало немного грустно, и даже Вовка сосредоточенно бросил несколько камней в насыпь, но, заметив выброшенную очевидно из окна бутылку, поставил ее на валун внизу и предложил разбить с десяти шагов. Бутылку разбили и добивали, пока ещё оставались большие осколки.

Домой шли по тропе вдоль насыпи. Она была жесткая и каменистая. У Коли с Витей с непривычки заболели пятки. Тропа уводила вниз, и насыпь слева становилась все выше. Прошли какое-то болотце с камышами, сорвали несколько, чтобы принести домой, но скоро затеяли драку и не успокоились, пока не сломали последний камыш, который Коля хотел отнести маме.

Свернули на дорогу, и она привела их в лес. Здесь попадалась земляника. На одной поляне её было так много, что все решили остановиться и собрать ягод домой. Но собирать было не во что и поэтому рвали прямо со стеблями, выбирая ягоды покрупнее. Когда снова вышли на дорогу – у каждого в руке был букет земляники.

Все заметно устали, подходя к дому. Старшие сидели в беседке и играли в домино. Они за это время погуляли в лесу и успели еще раз покушать. Сейчас лениво ставили костяшки и мирно разговаривали. Разговор шел о предстоящей ревизии из министерства. С приходом детей разговор прервался, и некоторое время все были заняты земляникой. Коля с Вовкой наперебой рассказывали о том, что они видели и где были. Было окончательно решено, что Надежда Алексеевна с детьми останутся до следующего воскресенья, а Павел Васильевич приедет за ними на машине.

Пошли домой, выпили по большой рюмке вишнёвой настойки; Павел Васильевич попрощался со всеми, поцеловал Нину и Вовку и, улыбаясь в окно машины, уехал. Нине было немного жаль, что этот спокойный дядя в широких брюках побыл у них так мало.

4

...А вечером, после ужина, сидели на скамейке у дуба. Шумно летали жуки, и едва заметно темнело. Из леса шел холод, но воздух был еще теплый.

Нина. – Я очень хочу путешествовать. Хочу в горы и обязательно – на море. Но мы живём всё время здесь.

Коля. – А мы были на море в прошлом году с мамой. Я нашёл утром три янтаря. Один – большой. Помнишь, как море набросало много белой пены?..

Витя. – И мы сгребали ее в кучу доской... А у вас здесь тоже очень хорошо. Мне нравится.

Вовка. – Папа сказал, что завтра на коне будем кататься. Ты ездил когда-нибудь?

Коля. – Ни разу. А Витя ездил. Два раза свалился.

Витя. – А помнишь, мама отпустила нас в ночное – сторожить табун? Тогда пастухи поймали большого сома и пили самогонку.

Коля. – А потом ты, пьяный, полез в воду. Сказал, что ещё одного сома поймаешь.

Нина. – У нас здесь тоже есть рыба. Мы можем попросить у папы маленькую сеть. В прошлое воскресенье он двух щук поймал и окуней много...

Стало совсем темно и прохладно. В деревне негромко и протяжно пели. Тихо ходил ветер, и дуб чуть-чуть шевелился. Ребята сели ближе друг к другу, и Нина подняла воротник у кофточки. Мама с Надеждой Алексеевной о чём-то разговаривали, сидя на крыльце.

Спать легли поздно; все очень устали и уснули быстро. Нина только подумала: хорошо, что Витя и Коля пробудут у них целую неделю...

5

Заря уже вовсю разгорелась, когда ребята вышли из дому. Колю будить не стали – он очень устал за вчерашний день.

Над полем таял туман и прятался в далёкие приречные кусты. Шли босиком по росе, засучив штаны, и ноги пощипывало от холода. На перекате шумела река, там ловились пескари, но решили сначала сходить к омуту и круто свернули направо, чтобы обойти овраг. Когда спустились к воде, солнце уже висело над полем. Вода густо темнела и казалась очень теплой. Синий пар вихрился над течением и растворялся в воздухе. За рекой чуть слышно топали спутанные кони.

Размотали холодные, покрытые капельками росы удочки, и Вовка первым забросил леску на проплыв. Нина редко ходила ловить рыбу. Но сегодня ей очень хотелось поймать кого-нибудь. И обязательно раньше Вити.

– Витя! – позвала она.

– Что?

– Давай, кто первый поймает?

Витя пробормотал что-то невнятное и ушёл на другое место. Вовка выкинул на берег первого пескаря.

Нина смотрела на свой поплавок, медленно переступая за ним по сырому песку. Леска дернулась, зацепилась за что-то, и поплавок скользнул вниз. Нина поддернула удилище, чтобы отцепить, и в воде как консервная банка сверкнула рыба. «Наверно сорвалась!» – подумала Нина и потянула удилище, но рыбка сидела крепко и была не такая уж маленькая. Она отцепила ее с крючка и опустила в банку.

Ребята входили в азарт. Они не оборачивались по сторонам, не замечали, как теплеет воздух. Витя сопел и нервно насаживал другого червяка. Он никак не мог подсечь, хотя клевало у него все время. Нина тоже увлеклась. Но она всё-таки смотрела на ребят, на их поплавки, на Витин чуб, который ей очень нравился, и на подвижную, чуть парящую поверхность воды.

Наконец Вите повезло. Он ушёл метров на двадцать вверх по течению, где торчали из воды несколько почерневших ольховых стволов, и забросил удочку рядом с ними. Едва разошлись круги, как поплавок уверенно нырнул под воду. Витя остолбенело дернул, маленький окунёк вылетел из воды и, сорвавшись с крючка, шлепнулся на землю. Витя поднял его и подошёл к Нине.

– Смотри, какой!

Окунёк был зеленоватый, с коричневыми полосками и красными плавниками.

– Это – моя первая рыба из вашей речки, и я дарю ее тебе! – сказал Витя и протянул окунька. Нина смутилась немного, а окунёк изогнулся на Витиной ладони, дернулся и соскользнул на землю. Оба сразу наклонились, чтобы поднять его; Витя успел раньше и тут же, сидя на корточках, передал его Нине. Она развеселилась, когда увидела серьёзное Витино лицо. Тихо сказала:

– А моя плотвица больше...

– Я тоже сейчас поймаю, – ответил он и, вздохнув с облегчением, отошёл к своей удочке.

Нина взяла окунька за хвост. Он дергался, болтался и никак не хотел мириться с судьбой. Она опустила его в воду. Окунёк так радостно шевельнулся, что Нине захотелось отпустить его. Она посмотрела на Витю, который стоял спиной к ней, расставив ноги и держа подмышкой удилище, и разжала пальцы. Окунь недоумённо вильнул освободившимся хвостом и медленно ушёл в глубину. Нина совсем развеселилась, и ей уже не хотелось больше ловить рыбу. А у ребят всё только начиналось. Вовка засучил штаны, залез по колено в воду и таскал крупных

пескарей. Он бросал их прямо на песок, а потом, когда портился червяк, собирал и опускал в банку. Витя полез в воду – отцеплять крючок от коряги.

– Пойдём на другое место! – сказал он недовольно.

– Пойдём! – откликнулась Нина, а Вовка отрицательно замотал головой.

Они пошли рядом по берегу. Витя был злой оттого, что ему не удалось поймать вторую рыбу, что он вымок, отцепляя крючок, и теперь подрагивал от холода. Нина несла на плече смотанную удочку, смотрела на взъерошенного Витю, и ей очень хотелось дразнить его.

– Ну и рыбак ты – одного окунишку поймал и все!

Но Вите было не до шуток. Он шёл молча и старался не смотреть на Нину.

– Витя, давай здесь ловить, – сказала она, показывая рукой на прозрачную песчаную быстрину. – Может быть ты сома поймашь?..

Он насупился и ускорил шаг.

– Витя, а какую самую большую рыбу ты поймал? – невинно продолжала Нина. – Вот такую, да? – она раздвинула большой и указательный пальцы. – Или немного поменьше?

– Всё равно больше, чем ты! – зло отрезал Витя. Он шёл, глядя себе под ноги, косился на реку и выбирал место.

– А почему ты злишься? Кончай, а то столкну в воду! – сказала Нина и боком толкнула Витю к воде.

Но и это не помогло. Он молча остановился и, поставив на землю банку, наклонился, выбирая червя получше. Нина бросила свою удочку в сторону и села на траву, глядя, как сосредоточенно копается в банке Витя. Ей хотелось, чтобы он перестал сердиться и развеселился. А он насадил червяка и громко шлепнул поплавков в воду. Леска запуталась, и ему было очень досадно, что сейчас придется вытаскивать удочку и распутывать, а Нина будет смотреть и смеяться. И он не вытаскивал удочку из воды, надеясь, что она не заметила.

– Витя, у тебя, наверно, леска запуталась?..

– Вижу сам, – сказал он, дернул и вытащил леску вместе с маленькой уклеей на крючке. Это немного подбодрило его и, отцепив уклеей, он стал медленно распутывать узел.

– Витя, отпусти её – она ещё маленькая.

– Чего она ко мне привязалась, – тоскливо подумал Витя и швырнул уклеей в кусты к другому берегу.

– Какой ты хороший, Витя, добрый... – Нина сама не понимала, почему ей так хочется дразнить Витю и видеть, как он злится.

Витя стал молча и сурово сматывать удочку. Потом поднял банку с червями с земли и внушительно сказал:

– Я пойду один! Не ходи со мной!

Он пошёл, не оглядываясь. Спина его и походка выражали обиду.

– Витька, дурак, – куда ты? Не обижайся...

6

Но он ушёл навсегда. Зачем ему эта девчонка? Когда-нибудь она поймёт, над кем она смеялась. И сама придёт к нему, и будет просить прощения. А он будет тогда сильным и красивым. Он посмотрит на неё и скажет: – Конечно, я прощаю вас – вы были тогда маленькой и глупой девчонкой. – (Потом он посмотрит на часы) – Но мне сейчас некогда – завтра мы уезжаем, а ещё столько дел...

Витя представил себе, как растерянно и робко будет стоять в дверях Нина, и ему стало жалко её.

А воздух вокруг уже нагревался под тяжёлым июньским солнцем. Витя сидел на камне, смотрел на воду и думал. Надо поймать рыбину. Большую рыбину. Такую, чтобы все удивились. Можно попробовать на кузнечика. За тем поворотом – там река, наверно, глубже.

Кузнечика он искал долго и старательно. Смотрел, как они выпрыгивают из травы, и все казались ему то слишком большими, то слишком маленькими. Некоторых он ловил, рассматривал пристально и отпускал. Наконец ему попался подходящий кузнечик, и, осторожно держа его в руке, он пошёл к повороту.

Место было красивое; стрекозы кружились над водой и над берегами, заросшими аиром. Здесь наверняка можно поймать голавля.

Когда разошлись круги от заброшенной удочки, от Витиной обиды и следа не осталось. Он вспомнил, какая красивая была Нина, когда они вместе наклонялись за окуньком на песке, и ему захотелось, чтобы она пришла и села рядом.

Но Нина не приходила, и голавль тоже не ловился. Какая-то мелкая рыба щипала кузнечика, и поплавок дергался. Витя насадил червяка и поймал двух окуньков, а потом еще пескарей. Становилось жарко, и было скучно одному. Он нанизал рыбок на тонкую лозину, бросил на берег удочку, и, засучив штаны, медленно побрёл по воде. Вода приятно холодила, совсем не так, как утром, когда он лазил отцеплять крючок.

Домой он шёл лугом. Высокие травы гнулись под ногами и сразу же выпрямлялись, почти не оставляя следа. Голубое небо начинало выгорать от солнца. Хотелось упасть в траву, зарыться в ней и долго-долго лежать под тихий шелест ветра и стрекотанье кузнечиков.

Витя шёл быстро, но путь показался ему длиннее, чем утром. Подходя к воротам дома, он услышал шум и весёлые крики. «Без меня!» – с обидой подумал он и осторожно вошёл во двор.

На качелях, крепко держась за перекладины, сидели две мамы. А с другой стороны стоял Илья Андреевич. Он смеялся и все сильнее раскачивал качели, а внизу были Вовка, Коля и Нина, и ещё какая-то девчонка в синем платье. Дружок носился вокруг и нетерпеливо лаял.

– Покажи рыбу? – закричал Коля и побежал к Вите. Вовка – за ним.

Витя молча подошёл к крыльцу, прислонил к стене удочку и отдал лозину с рыбой подбежавшему брату. Сейчас же откуда-то появились два кота и, встав на задние лапы, замяукали и стали просить рыбу.

– Всю нашу рыбу съели и еще просят! – замахнулся на них Вовка и сказал Вите:

– Давай дадим им по одной, а остальных – потом?

– Давай, – равнодушно согласился Витя.

Коты урча схватили рыбу и убежали под крыльцо. Ребята пошли к качелям. Нина и другая девочка (это была Лена), издали наблюдавшие за ними, отвернулись.

Качели медленно останавливались. Илья Андреевич затормозил их и слез. Женщины, разгорячённые и порозовевшие, не торопились уходить. Они с радостью смотрели на своих детей и по-матерински радовались, что они растут такие здоровые и хорошие.

– Витя, ты, наверно, голодный, – забеспокоилась Нина Ивановна. – А мы уже поели. Пойдём, я тебя покормлю!

Витя хотел сказать, что он вовсе не голодный (он в это время поглядывал на Нину и ее подругу и думал, как ему лучше подойти), но Нина Ивановна взяла его за руку и ласково повела домой.

– Мальчику надо поправляться! Надо кушать кашу! – громко сказала Лена и потом – ещё громче:

– А мы будем у дуба!

Вите было стыдно, что его ведут за руку, но не вырываться же. «Ну и играйте себе одни...» – с горьким чувством подумал он и решил не ходить к дубу. Аппетит пропал, и Витя вяло мямл ложкой кашу, и даже свежее земляничное варенье не радовало его.

Когда он снова вышел на крыльцо и посмотрел в сторону дуба – там никого не было. И голоса не доносились. Витя медленно и чутко обошёл двор. Раскачал одной рукой качели. Они заскрипели жалобно и протяжно. Чувство одиночества и незаслуженной обиды прочно засело в груди. Он подошёл к дубу и сел на скамейку. Она была низкая и гладкая, и было приятно водить по ней рукой. Витя прислонился спиной к стволу. Задумался. Вот так всегда. Никто его не понимает. Даже Колька и тот с ними.

Мимо уха со свистом что-то пролетело, и Витя вздрогнул. На землю упала небольшая картофелина и покатилась подпрыгивая, Витя оглянулся, но никого не увидел. И сейчас же другая больно ударила в спину. Он съёжился и спрятался за дуб. За забором в траве мелькнуло синее платье. Подняв картофелину с земли, Витя с силой бросил её туда, где шевелилась трава. И сейчас же с разных сторон посыпались на него гнилая картошка и почерневшая прошлогодняя морковка. Из-за угла сарая выскочил Коля, а откуда-то из кустов – Вовка, и оба побежали к нему. Они повисли на нём и кричали: «Попался рыбак! Бей его!» А за забором встали во весь рост и улыбались Лена и Нина.

– Привет рыбакам! – крикнула Лена.

– Могучийловец окуней! – добавила Нина.

«Издаются, – думал Витя, стаскивая с себя брата и Вовку. – Что с ними сделаешь – девчонки. Если бы ребята, то хоть подраться можно было».

– Витя, пойдём на ручей – ловить карасей! – снова крикнула Лена.

– Пошли вы... – огрызнулся Витя и, волоча на себе брата, как-то боком направился опять во двор.

Коля отцепился.

– Пойдём к Нине! Она хорошая...

– Ну и иди, раз хорошая. Я же тебя не держу.

Коля виновато взглянул на брата и подался назад. Витя подошёл к дому и стал смотреть, как бабушка стругает лучины от большого берёзового полена.

– Зачем это? – спросил он.

– А на растопку, внучок. – Бабушка была ласковая, в морщинах, и с такими же большими глазами, как у Нины. – А ты что же не играешь со всеми?

– Неохота, – протянул Витя.

– А ты не обижайся на них, сынок, – говорила бабушка, собирая лучины. – Девчонки смешливые, а хорошие. Нина наша, как цветок весенний, – красивая будет девка... И душевная...

«Душевная», – думал Витя, поглядывая в сторону дуба. Там опять никого не было. Он с размаху пнул ногой камень у крыльца. Камень перевернулся несколько раз и остановился, а ноге стало очень больно. «Душевная!..» – сказал он вслух сквозь сжатые от боли зубы.

– Что ты говоришь, внучок? – уже на крыльце обернулась бабушка.

– А Лена тоже душевная? – спросил Витя.

– Хорошая девка тоже, да все не то супроть нашей Нины. Да ты не думай об этом. Пойдём, я тебя молочком попою...

7

Витя пил молоко из большой фарфоровой чашки, смотрел, как бабушка закладывает дрова в плиту, и вспоминал свой дом в городе с паровым отоплением и газом. Он подумал, что его бабушка сидит сейчас, наверно, одна и смотрит в окно на прохожих. Во дворе никого нет, разве тётя Наташа с грудным ребёнком дремлет где-нибудь в тени, да и то, наверно, увезла его в парк на коляске. Васька в пионерском лагере, а он должен жить здесь с какими-то девчонками, которые ему и не нужны вовсе. Интересно, что они снова задумали? И Колька с ними. Ну и пускай...

Он пошёл в комнату, достал из чемодана томик Жюль Верна и сел к окну. В комнате было прохладно и немного темновато. Вите вдруг очень захотелось увидеть за окном лица девчонок и брата. Чтобы они снова улыбались и звали его с собой. Сейчас бы он пошёл с ними.

Но за окном никто не появлялся. Не шевелились кусты сирени в палисаднике, и в комнате было непривычно тихо, и только из кухни доносились мягкие звуки бабушкиного голоса. Это она разговаривала с котом.

Скучно здесь всё-таки. В футбол поиграть и то не с кем. Витя достал из чемодана спущенный футбольный мяч, повертел в руках, потом не удержался и надул. Мяч был ещё прочный, только в последний раз ему крепко досталось, когда они играли на бугре под дождём против Нижней улицы. В тот день у Васьки страшно болел зуб, и Витя играл вместо него центра. Две банки хороших он тогда забил. Теперь Васька в лагере каждый день будет в футбол гонять, а тут с девчонками и бить разучишься. Так думал Витя, а сам зашнуровывал мяч. Потом вышел на крыльцо, выбирая место, где бы можно было постучать.

Он устроился за сараем, на той самой лесной дороге, по которой вчера утром бегала Нина. Размялся немного, побив мяч коленом и головой. Потом стал бросать с ноги на голову, пытаясь закинуть мяч так, чтобы он потом скатился с головы на шею и удержался там. Это был трудный приём, и Витя долго пытался, осваивая его. А нужно ещё научиться, как Васька, скатить во время бега мяч с шеи по спине и, перебив пяткой через себя, ударить его ногой, не останавливаясь. Витя попробовал несколько раз, но мяч с пятки каждый раз летел куда-нибудь в сторону. Это скоро надоело ему, и он стал несильно стучать о брёвна сарая, стараясь попасть в задуманное место.

Потом он вдруг понял, что очень проголодался, и ударил мяч в последний раз изо всей силы. Мяч описал красивую дугу и застрял на кочке среди кустов голубики. Витя босиком пошёл за ним. Мох был очень холодный, и даже немного боязно было ставить ногу в пушистую губчатую зелень. Он достал мяч из куста, потом увидел белые ягоды и попробовал, но они были ещё почти безвкусные.

Он снова вышел на дорогу, посмотрел на неё, с одной стороны уходящую в лес, а с другой – прямо в деревню. Дорога в деревню сначала круто шла вниз, и там был ручей с мостиком, а потом она неторопливо поднималась к домам, огибая в одном месте большой овраг. Вите показалось, что он уже долго-долго живет в этих местах и по мостику через ручей ходил уже много раз, только давно...

8

Когда Витя вернулся домой, все сидели за столом и кушали, кроме Ильи Андреевича. Он уехал по делам в лесхоз. Витя очень решительно подошёл к свободной табуретке, громко сказал «Приятного аппетита!» и сел, ни на кого не глядя. Лена и Нина посмотрели друг на друга и хитро улыбнулись.

– Где ты пропадал? – спросила мама.

– Тренировался, – коротко бросил Витя. Он видел краем глаза, что девчонки улыбаются, и, насупившись, уткнулся взглядом в стол, ожидая, пока Нина Ивановна нальёт ему борщ.

Коля сидел у окна около Нины и ел котлету. Стол был немного высок для него и поэтому он положил на край клеёнки обе руки и наклонился так, что рот его почти касался тарелки. Он вообще любил так сидеть за столом.

– Коля! – позвала Нина тихо.

– Что?

– Скажи Вите, чтобы он улыбнулся.

Коля приподнялся.

– Витька!

– Что?

– Мы хотим, чтобы ты улыбнулся.

– А я не хочу, – ответил Витя, не поднимая головы и стараясь казаться безразличным, хотя он и так всё-таки хорошо всех видел.

– Ну и улыбайся, раз мы хотим, – сказал Коля, снова принимаясь за котлету.

– Правда, Витенька, ты что-то сегодня невесёлый, – заботливо осведомилась Нина Ивановна, разливая всем компот в большие белые чашки. – Обидел кто-нибудь?

«Что все ко мне привязываются? – мучительно подумал Витя. – Едите, ну и ешьте себе на здоровье – что вам от меня нужно?!»

А вслух сказал:

– Все нормально. Только я устал немного...

Мать ласково потрепала его за щёку:

– Хороший ты мой!.. Поспи немного после обеда.

– «Детям надо спать», – шепнула Лена тихо, но так, чтобы Витя слышал. Коля с Вовкой засмеялись.

– Цыц, бездельники! – ласково прикрикнула на них бабушка. – Сейчас как посажу ягоды перебирать...

– А мы их съедим, – хихикнул Вовка, толкая Колю ногой под столом.

Витя молча допил свой компот и, уходя, позвал Колю:

– Пойдём со мной!

– Куда?

– Потом скажу.

– Я хочу с Ниной. Нина, давай с Витей, а?

– Мы в школу пойдём, – сказала Нина. – Сегодня наш класс с «8-А» в футбол играет.

Она посмотрела на Витю:

– Ты играешь в футбол?

– Играю.

– Пойдём с нами.

Он подумал немного и медленно ответил:

– Пожалуй, можно сходить.

9

Витя почти не разговаривал дорогой. Он шёл, по-прежнему насупившись, а Лена и Нина, казалось, тоже забыли о нём. Они разговаривали о своих ребятах, о том, что их класс обязательно должен победить. Коля крепко держался за руку Нины и все время поглядывал на неё. Вовка независимо шёл по обочине.

– А Гриша у них будет играть сегодня? – спросила Нина.

– Мне говорил, что будет. Да он длинный – только бегает, а водиться совсем не умеет.

Лена засмеялась.

– Хвастун он страшный. Говорил, что машину водить умеет, а когда дядя Петя дал ему попробовать – так он с ручного тормоза забыл отпустить. Подергался на месте, и мотор заглох.

Витя слышал разговор и думал, что он ни за что не забыл бы снять с тормоза. На легковой машине он уже давно может ездить, и на грузовой Егор Иванович брал его несколько раз с десятиклассниками. А Егор Иванович их сосед и преподаёт в школе автодело...

Подошёл Вовка.

– Ты в футбол хорошо играешь?

– Этим летом был центральным нападающим в сборной шестых классов, – внушительно сказал Витя. Он почти не соврал – ведь он в самом деле два раза играл вместо Васьки.

Вовка посмотрел на него с уважением и снова отошёл к обочине, занятый какими-то своими мыслями.

Вдалеке зашумела машина. Все оглянулись. Это пылил старый колхозный грузовичок с высокими деревянными бортами. Несколько ребят стояли наверху и, узнав Лену и Нину, закричали и замахали руками. Краснощёкий парень в соломенной шляпе вылез на подножку и, улыбаясь, сказал, показывая на кузов:

– Мерси, мадам! Могу посадить, – и с готовностью прыгнул на землю.

Из кабины выглянула красивая Галя – звеньевая колхозной свинофермы. Она была загорелая, в сиреновом платье, а поверх головы – легкий цветной платок.

– Скоро женятся, – доверительно шепнул Вовка Вите на ухо, а Лена подмигнула:

– Сами как-нибудь, без тебя. Смотри – невеста ревновать будет! – и засмеялась.

Парень чуть смущённо оглянулся назад.

– Какая ты бойкая однако... А ну залезайте скорее! – повернулся он к ребятам.

Все забрались, и машина снова запылила по дороге. В кузове были мальчишки из «8-А».

– Сегодня мы вас обыграем, как пить дать, – сказал, повернувшись к Лене, высокий темноволосый парень в чёрном трико и искося, но внимательно, посмотрел на Витю. Потом спросил:

– А ты откуда?

Вовка, стоявший молча, вдруг подался вперёд:

– Это Витя. Он с этого года с Ниной и Леной в одном классе учиться будет...

Парень (это был Гриша) ещё раз недоверчиво смерил Витю взглядом.

– А играть сегодня тоже будешь?

– Посмотрим... – уклончиво сказал Витя, не понимая, зачем Вовка соврал. А Вовка щипал его сзади за спину, показывая всем видом, что так нужно было. Лена с Ниной тоже переглянулись, но виду не подали. А потом, когда Лена заметила, что Гриша никак не может смириться с Витиным присутствием, она развеселилась и даже обрадовалась Вовкиной выдумке. Потом она спросила Витю тихо:

– А ты хорошо играешь?

– Посмотрим... – опять протянул Витя.

Машина сильно подпрыгнула, и Лена, чтобы удержаться, схватила Витю за руку. Гриша смотрел вдаль безразличным взглядом, но все видел. Он толкнул стоящего рядом с ним плечистого паренька:

– Откуда этот малый?

– А что? – невинно спросил тот.

– Так... Ничего, – процедил Гриша. – Что-то он мне не нравится.

А Коля сидел на ящике у борта, держась за Нину, и смотрел назад, где за пылью уходила вдаль дорога, и давно уже шли незнакомые места: справа – узкая полоса поля и молодой березняк с ольхой, а слева – огромные массивы пшеницы, которые далеко-далеко спускались вниз к кустам у реки. Самой реки не было видно, только в одном месте, где был брод, вода ярко блестела на солнце. Коля вспомнил, что его не взяли утром ловить рыбу, и опять немного обиделся на брата, но тут же забыл об этом, увидев, как гонят вдоль поля табун лошадей. Двое ребят на конях что-то кричали мальчишкам в кузове, и махали руками, а маленький коричневый пес звонко лаял на отставшую кобылу, подбегая совсем близко к задним ногам и тут же отскакивая в сторону. Коле захотелось прокатиться на коне, и он сказал Нине:

– Я хочу научиться ездить верхом.

Нина обняла его за плечи и ласково прижала к себе.

– Я тебя обязательно научу. У нас есть Зорька. Смирная кобыла и маленьких любит.

Коля доверчиво сидел около Нины, слушал ее голос, смотрел на спокойно уплывающие поля, и ему было хорошо-хорошо и хотелось ещё долго ехать по этой дороге, закрывать глаза, слыша только дребезжанье машины

и голоса ребят, и снова открывать их, жмурясь от солнца, и, не дождавшись, снова развалиться на скамье. И чтобы Нина сидела рядом и не убирала свою теплую руку...

Машина тем временем въехала в большое село. Несколько улиц с разных сторон сходились к площади, на середине которой стоял памятник Ленину. На одном краю площади виднелось красное кирпичное здание, а на другом – небольшой базарчик. У его ворот стоял «Москвич» кофейного цвета и две подводы. На самой широкой улице, которая начиналась с площади, желтела двухэтажная школа. За ней виднелся стадион, где уже собирались игроки и зрители.

У красного здания машина остановилась, ребята спрыгнули и, не расходясь, заторопились к стадиону. Гриша шёл небрежной походкой и несколько раз, как будто нечаянно, задевал Витю. Витя отошёл в сторону и спросил у Нины:

– Ваша команда в полном составе?

– Кажется, двое уехали, но у нас есть запасные. А ты хочешь играть.

– Да, сейчас хочу...

Вовка шёл впереди. Оглянувшись на ребят и, словно вспомнив что-то, припустился бегом.

10

На стадионе кто-то скучно играл на гармошке. У ворот водились с мячом пацаны. По боковой дорожке, беспрерывно звоня, мчались трое велосипедистов. Народу было немного, и все собирались группками у разных скамеек. За воротами играли в волейбол.

– Лена! Нина! Сюда! – слышались крики. Лена и Нина, увидев своих, побежали и Коля за ними.

– «А меня как будто и нет», – подумал Витя и один побрёл вокруг стадиона, искоса поглядывая по сторонам. Гриша со своими ребятами тоже отошёл к одной из скамеек.

Витя двигался с независимым и равнодушным видом, скрестив руки на груди, но чувствовал себя неудобно и одиноко. Кругом смеялись, шутили, девчонки с наигранной яростью гонялись за ребятами; все были знакомы между собой, а он был совсем чужой.

«Глупо как-то все», – подумал Витя и сел на край скамейки. Стадион немного зашевелился, ребяташек прогнали с поля, и команды вышли разминаться. Он посмотрел на скамью, к которой ушли Нина и Лена, но никого не заметил и стал приглядываться к футболистам. В одном из них узнал Гришку. Тот был в жёлтой майке, высокий и худощавый. «Бегают неплохо, – прикидывал Витя, – левша».

Потом он пересчитал игроков в красных майках. Один раз насчитал 9, другой 10. «Все равно не хватает», – подумал он, и ему ещё больше захотелось сыграть. Только красной майки нет.

В центр поля вышел высокий мужчина и двое ребят с флажками. Судья засвистел, и команды стали сбегаться к центру.

Разыграли мяч, и зрители (в основном ребята) сразу же азартно закричали, подбадривая игроков. Но Вите показалось, что начали слишком вяло, пасовали неточно, и мяч все время переходил от одних к другим, не залетая в штрафные площадки.

«Рывок надо делать и идти по самому краю. Чего он ждёт?» – злился Витя, глядя, как один из красных неуклюже пытается сделать пас, хотя жёлтый не догнал его еще метров на пять. Витя вскочил со скамейки и подпрыгнул от возбуждения, представляя себе, как бы он сейчас провёл этот мяч.

– Эй, кончай прыгать! – крикнули на него с задней скамейки, и он покорно сел, вспомнив, что играть ему не придётся, и никому из этих ребят нет до него дела. И то, что он хорошо играет в футбол, им тоже безразлично.

Витя заметил, что у красных здорово играет левый крайний; очень точно пасует и быстро ведёт мяч. Но центральный не может отпаснуть вовремя, и все атаки кончаются тем, что он или запутывается с мячом или жёлтые перехватывают его пас. «Ваську бы сюда!» – подумал Витя.

«Посмотрю, как забьют первый гол, и уйду», – решил Витя и сразу почувствовал облегчение. Ведь не обязан же он, в конце концов, разыскивать Нину, стоять молча и глядеть, как она смеётся с ребятами, потом ждать, пока они соберутся домой, и, наконец, плестись где-нибудь в стороне, не вступая в общий разговор.

Ему даже захотелось, чтобы скорее кто-нибудь забил гол, и он мог с чистой совестью уйти.

Игра шла по-прежнему вяло, хотя двое красных уже заметно прихрамывали. Витя заметил, что одного из них очень ловко, перегоняя впритирку, подковал Гришка. Гришка играл в полузащите и носился по полю, забегая даже на чужой край.

Гол забили красным. Забили очень глупо, потому что вратарь схватил мяч руками на середине штрафной площадки, потом бросил его на землю и стал разгоняться, чтобы снова отбить в поле. А в это время откуда-то сбоку выскочил Гришка; они ударили почти одновременно; мяч подлетел высоко вверх и опустился еще ближе к воротам, куда сбежались уже обе команды, потом отскочил от чьей-то головы, и тут его закатил в ворота один из желтых.

Все засвистели и закричали. А Витя встал и почему-то не без злорадства подумал о красных: «Так вам и надо!» – и пошёл по проходу между скамейками.

На стадионе всё так же шумели, когда Витя остановился на улице у здания школы. Он стал смотреть на большие окна, некоторые из них были открыты. Ему понравилось самое крайнее окно на втором этаже. Рядом с окном рос тополь, на нём было два скворечника, маленький воробей сидел на ветке и чирикал что-то очень весёлое. Видно было, что он вполне доволен жизнью. «Может быть Нина учится в этом классе...» – пришло Вите в голову, и эта мысль взволновала его. Ему показалось, что Нина видит его, и, если захочет, может выглянуть в окно. Он сразу посерьёзнел, посмотрел по сторонам, как будто его уличили в чём-то недозволенном, и торопливо пошёл к площади.

На краю села к Вите пристали две собаки; одна – худая и облезлая, с подранным ухом и рыжими клочьями шерсти на боках, а другая – маленькая и тоже рыжая, но коротконогая и, судя по всему, очень злая. Витя сам был злой сейчас, и поэтому, схватив с земли камень, он с отчаянной решимостью бросился на собак, чего они, по-видимому, никак не ожидали от его медлительной походки и вялой фигуры. Этот психологический просчёт привёл собак в недоумение, но, быстро сообразив, они умчались за первый же забор.

Витя меланхолично бросил камень, как будто с самого начала знал, что всё кончится так просто, и снова пошёл по дороге.

«Почему так все получилось? – думал он. – Конечно, у Нины много друзей и какое ей дело до меня. Я приехал, поживу и уеду. А их она знает уже много лет и учится с ними вместе. Интересно, кто ей нравится?... А оставаться там тоже было глупо. Вот если бы они попросили меня сыграть...»

Витя представил себе, как всё могло получиться, если бы он забил хоть один хороший гол этим жёлтым восьмиклассникам. А сейчас...

Он посмотрел на дорогу, которая вдалеке круто заворачивала направо, и подумал, что напрямик, через лес, он, пожалуй, скорее доберётся домой. Свернул на картофельное поле и пошёл по ботве. Земля сильно высохла и крошилась под ногами. За полем был небольшой выгон – бросались в глаза коровьи кучи и вмятины от копыт.

Лес сразу начался низкий, болотистый. Чёрная почва с тлеющими не первый год листьями, густой олешиник без зелёных веток внизу, и кое-где неярко блестящие зеленью кочки. «Так и в болото забрести можно», – остановился Витя, но тут же засмеялся над своими опасениями и решительно захрустел, раздвигая тонкие густые стволы. И в самом деле, вода не попадалась, кустарник становился всё реже, и скоро он вышел в высокий сосновый лес. Здесь было очень много черничника, и на нём висели коричневые сосновые иглы. Самой черники попадалось мало, но Витя всё-таки съел горсти две, прежде чем двинулся дальше.

Некоторое время он испытывал чувство восторга, идя среди поскрипывающих огромных стволов в незнакомом лесу. Сам себе он казался очень маленьким и незащищённым, таким, как куст черники под ногами, и постепенно это чувство сменилось почтительной робостью, и он даже некоторое время старался идти бесшумно, обходя сучки, словно не желая приковывать к себе ничьего внимания. А сосны хмуро пошатывались, неодобрительно покачивали вершинами, словно осуждая одинокого маленького человечка внизу.

Болото всё-таки подстерегало его. За небольшим холмиком открылся покатый склон, а внизу – ручей и широкая сырая низина, поросшая осокой и неизменным олешиником. Витя решил обойти низину и пошёл по склону, приглядываясь, не кончится ли болото. А оно, наоборот, увеличивалось и выглядело всё мрачнее. Витя оглянулся на солнце, багрово блестящее на стволах, и подумал, что так до самой темноты можно застрять в лесу, потом прибавил шаг.

Склон круто выгнулся направо, но Витя шёл всё так же быстро и теперь уже ни о чём не думая. Было тихо, и краски начинали темнеть. Сосны кончились, и, продравшись сквозь ельник, Витя неожиданно увидел дорогу. Широкую, с канавами с обеих сторон. Он обрадовался, вылез на неё и осмотрелся. Справа ещё довольно высоко висело солнце, а совсем рядом приветливо выглядывали из-за берёз несколько домиков какой-то деревушки. «Мне-то налево», – подумал Витя, но решил на всякий случай сходить в деревню.

Две девушки, смеясь, шли навстречу. Обе были босые, загорелые и смотрели на Витю так, словно это он рассмешил их. Витя, нахмурившись, прошёл мимо и ничего не спросил. Потом оглянулся, а они, прищурясь,

смотрели ему вслед и тут же снова приснули от смеха. Он ещё сильнее нахмурился и пошёл через дорогу к ближайшему дому.

У крыльца возились малыши, и старуха с редкими большими зубами неторопливо грызла тыквенные семечки.

– Бабушка, к дому лесничего туда идти? – спросил Витя, махая рукой в сторону девушек.

Старуха выплюнула на подол шелуху, потом, стряхивая ее рукой, удивлённо сказала:

– А и впрямь туда, милый! Только как лес к концу пойдёт – возьми влево. Заблудился что ли? – полюбопытствовала она, пытаясь очистить ногтями очередное семечко.

– На болото попал...

– В наших местах это недолго... – добродушно говорила старуха, отправляя семечко в рот. – Прошлым летом заблудились двое – еле нашли... А то подожди, мой старший на мотоцикле в город поедет – так он тебя мигом доведёт...

Витя подумал-подумал и сел рядом на скамейку, смотреть, как падает на землю шелуха, отвечать на неторопливые вопросы и ждать, когда же, наконец, появится «старший»...

11

Игра была в самом разгаре, когда Коля вдруг спросил:

– А где Витя?

Нина посмотрела вокруг, не сомневаясь, что он где-то рядом. Но его не было, и она отчетливо вспомнила, как они пришли на стадион и сразу убежали к своим ребятам, а Витя остался один. Потом она вспомнила, как дразнила его утром, на рыбалке, и как он обиделся и ушёл. «Наверно, думает сейчас, какая я плохая!» Теперь Нина уже не могла спокойно наблюдать за игрой, потому что всё время думала о Вите.

Первый тайм закончился со счётом 1:1.

На перерыве к девчонкам подбежал Вовка.

– Где Витя? Захарку подковали – бегать не может...

Но что ему могла ответить Нина? Она сама тщетно переводила взгляд с одной группы ребят на другую и нигде не могла обнаружить Витю.

– Не знаю, – сказала она.

– Мальчик обиделся! – прокомментировала Лена и отвернулась, делая вид, что не замечает проходящего мимо Гришку.

Гришка прогуливался по стадиону. Отдыхал. Около девчонок остановился:

– Разделаем мы ваших во втором тайме!

– Посмотрим ещё! – сказал Вовка. – А если не перестанешь коваться – мы тебя проучим когда-нибудь!

– Цыц, малявка! – Гришка замахнулся. Опустил руку.

– Кого ты там заметила? – обратился он к Лене, пристально смотревшей вдаль.

– Хвастун ты! – сказала Лена, поворачиваясь к нему.

– Гришка свистнул.

– И ты в образцово-показательные записалась! Попробуй – может что и получится...

И пошёл дальше. Засвистел на весь стадион. Толкнул кого-то.

Перерыв окончился, команды построились, и начался второй тайм.

12

После ужина обе мамы, Нина и Коля вышли на крыльцо, а Вити все еще не было. Стояла тёплая тишина, чуть-чуть темнело, но цвета изменялись мягко; казалось, что не сумерки приближаются, а просто все: и дом, и лес, и небо – устали за день и теперь успокаиваются, чтобы с последним лучом солнца уснуть до новой зари.

Сели на скамье у крыльца, тихо разговаривали и чутко прислушивались – не идёт ли Витя?

Илья Андреевич вышел из комнаты и хотел уже пройти по лесу и покричать, но вдруг все услышали треск мотоцикла, и скоро у самого крыльца остановился старенький «Иж», и Нинин учитель математики, в чёрной лёгкой кожанке поверх рубашки и такого же цвета перчатках, приветствовал Илью Андреевича, Нину и всех остальных. А с заднего сиденья прыгнул Витя, боком подошёл к Коле и тихо спросил:

– Кто выиграл?

– Они...

– Привёз к вам героя, – говорил учитель, кивая на Витю. – Подъезжаю к дому, а он с моей мамашей семечки грызёт под окном. А мою мамашу – хоть не корми – только семечки подавай...

Поговорили о жизни, о том, что всем хорошо лето, только дождя ещё не мешало бы.

– А как наша отличница поживает? – спросил учитель, обращаясь к Нине.

– Хорошо, Иван Николаевич! – отвечала Нина и радовалась, что Витя вернулся. Она боялась, что он заблудится в лесу, и считала себя виноватой во всем.

– Ну, ну, отдыхай, набирайся сил. Ещё два месяца бегать, – ласково говорил Иван Николаевич. – А то прибегайте ко мне с Витей – семечки грызть. Лодку дам – покатаетесь...

Потом он попрощался, сказал, что торопится в город, – встречать брата, с которым уже лет восемь не виделся, и уехал.

Старшие немного пожурили Витю за то, что он ушёл один, но вечер был такой хороший, – тёплый и умиротворённый, и неожиданное Витино появление, казалось, сняло тень тревоги с окружающих предметов, и все были рады, что можно не волноваться и полностью отдать себя этому воздуху, чуть пахнущему липой и цветами из сада.

Бабушка вышла и села на крыльцо.

– А-а... И футболист наш явился... Румяный, красивый... Наверно, все девки заглядывались? А может и загулял с кем?

– Не-ет... Через лес пошёл и в болото попал, – отвечал Витя, смущаясь. Ему нравилась бабушка, её неторопливая речь, добродушные шутки и особенно то, что он замечал в ней много общего с Ниной.

Когда достаточно посидели, и сумерки окончательно усыпили лес и небо и сбрызнули всё обильной росой – пошли спать. Нина тронула Витю за локоть и сказала тихо:

– Подожди немного.

Она медленно уходила в сторону качелей. Витя догнал её и пошёл рядом.

– Ты не обижаешься, Витя?

– На что?

– Так, вообще?..

– Обидно немного, да это всё равно... У тебя друзья, и, конечно, – тебе с ними интереснее...

– Не обижайся, Витя. Утром я тоже не хотела тебя обидеть, – но ты такой смешной был... Почему ты такой серьёзный всё время?..

– И вовсе я не серьёзный, – задумчиво сказал Витя. – Только ты ничего не понимаешь...

Остановились и молчали, потупившись, хотя и так уже было темно. Было немного неловко оттого, что нужно было говорить, а в голове как назло проносились самые нелепые мысли, и хотелось сказать что-то хорошее и в ответ услышать ласковые слова, но, казалось, что любое слово прозвучит не так, как хочется сказать его, и было очень непривычно произносить знакомые слова, потому что они начинали приобретать вдруг совсем новое значение...

– Нина! Витя! – скорее домой. Мы ложимся спать! – закричала с крыльца Надежда Алексеевна. – Молоко выпьете на кухне!

И оба сразу повернули домой, но шли неторопливо, – не хотелось так быстро прогонять новое чувство. И с ним осторожно вошли в дом, но всё-таки обрадовались, когда застали на кухне Надежду Алексеевну, потому что молчание уже начинало тяготить обоих, а говорить так, как они всегда говорили со всеми остальными – не хотелось.

И только когда пошли по своим комнатам, Нина тихо сказала:

– Спокойной ночи!

И Витя так же тихо ответил:

– Спокойной ночи!

– Ку-ка-ре-ку-уа-куа! – радостно протрубил петух и громко захлопал крыльями.

Витя зажмурил глаза и снова открыл их. В комнате было очень светло, хотя солнце освещало только край стола и небольшую часть стены. Зелёные обои, несколько мирно сидящих на потолочной балке мух и кусок паутины в самом углу – всё это он отчётливо видел, хотя думал совсем о другом. Жизнь играла в нём, и каждый

мускул готов был послушно сжаться и легко взлететь навстречу новому дню, свету, петушину крику и чему-то ещё, что Витя никак не мог вспомнить, и поэтому лежал, сдерживая желание сбросить одеяло и подбежать к окну.

Коля тихо посапывал рядом. Рот у него был чуть приоткрыт, а одна рука низко свисала с кровати.

– Ку-ка-ре-ку-у-а! – снова пропел петух.

– «Спокойной ночи!» – вспомнил Витя, и все мускулы так радостно попросились взлететь, что он приподнялся с подушки и подтянул к себе колени. Так сидел, крепко обняв колени, как будто стоило ему отпустить их – и все исчезнет, как спугнутый сон. Потом снова лёг, откинув одеяло и положив под голову руки. Смотрел в потолок, и отчётливо видел кусок паутины в углу, и безотчётно, в самый первый раз в жизни, отдавался новому чувству.

По стене над кроватью прополз солнечный зайчик, на мгновение задержался на потолке, потом спрыгнул на другую стену и завертелся, замелькал, не давая сосредоточить взгляд и вырывая Витю из состояния блаженной задумчивости.

– Откуда это? – подумал Витя и вскочил с кровати.

Маленький кусочек солнца задорно метался по стене, то вдруг замирал неожиданно где-нибудь на потолке, то снова срывался с места и, беспорядочно прокружившись по комнате, останавливался совсем рядом; сверкал, и звал улететь за ним далеко-далеко в высокие травы, опьянеть от тысячи запахов, зарыться в зелени, и чтобы неведомая сила снова подхватила тебя, одурманенного счастьем, и кружила, носила, и ты не знал, куда тебя несёт и зачем, и рад был полностью отдать себя этой силе.

Витя подбежал к окну.

У качелей, прислонившись к столбу, стояла Нина и держала в руках зеркало. Заметив Витю, она засмеялась, и отвела солнце в сторону, а потом снова сверкнула ему в глаза, и так уже слепые от радости.

– Э-гей! – крикнул Витя и взмахнул рукой.

– Эй, вы, сони, вставайте! А то проспите все на свете! Я сейчас в школу ухожу!

– Не проспим! – закричал Витя и отошёл к кровати, где сидел, жмуря глаза, Коля. Он сбросил с брата одеяло, поднял его на руки и понёс к окну. Коля отбивался и даже уцепился за волосы, но увидев на улице друзей, утих и тоже закричал:

– Э-гей!

14

Андрей сплюнул.

– А может лучше в школу ходим? Там сегодня семиклассницы... И Ленка там будет.

Гриша посмотрел на небо, потом неторопливо затянулся и пустил дым кольцами:

– Мне батя велел травы за огородом накопить...

– После обеда успеешь – а то уйдут девчонки. Пошухарим немного...

Андрей был в брюках и в синей клетчатой рубашке. Видно было, что он с самого начала замышлял идти в школу.

– А ну её Ленку – задаваться стала, – отговаривался Гриша. – Помнишь, вчера, на стадионе? Надо подождать немного, чтобы соскучилась...

Он замолчал; потом, видимо вспомнив подробности, зло плюнул в берёзовую колоду, стоявшую у сарая. (Они сидели на дровах.)

– И этот тоже хорош – младенец! Нашёлся учитель! Поймаю где-нибудь – наломаю шею...

Но Андрей не терял надежды.

– Пойдём! И Нинку тоже позлим. Может и этот там будет – «чистенький».

Последнее, видимо, окончательно отбило у Гришки желание косить траву.

– Ладно... Сейчас рубашку надену.

Через несколько минут он вышел из дому как был: в черном трико, в старых полукедах, но в яркой венгерке.

Друзья направились сначала огородами, потом по краю льняного поля, а там, за опушкой, и село было рядом.

Поле было на другом конце села, и по дороге, от нечего делать, Андрей подлаивал собакам, отчего они входили в бешенство и долго не успокаивались.

– Хулиганы! – крикнула на них с крыльца полная женщина с миской в руках, когда Андрей, захлёбываясь на высоких нотах, выманил из подворотни её ленивую дворняжку. – Управы на вас нету!

– А вы его ремнём, мамаша! – мрачно посоветовал Гриша и засвистел на всю улицу.

– Сейчас Семёна позову – тогда заплещете! – пригрозила женщина, выливая миску к забору.

Но она уже больше не интересовала Гришу. Его внимание привлекла начинающая краснеть вишня через несколько домов. Она свисала над забором и, подпрыгнув, можно было кое-чем поживиться. Он кивнул Андрею:

– Видишь?

– Ага...

И оба неторопливо подошли и в несколько мгновений ободрали ветку, насыпав в карманы полузрелых ягод.

– Через неделю совсем хорошие будут, – говорил Андрей, обкусывая красные бока вишен. – А у нас дома ещё совсем зелёные.

Когда вышли на околицу – сразу увидели поля и сидящих по бороздам ребят. Было жарко, и мальчишки сверкали загорелыми спинами. Лена и Нина работали вместе, на одной борозде и ушли далеко вперёд. Друзья направились прямо к ним.

– Веселее пошевеливайтесь, а то в комсомол не возьму! – кричал Гришка, улыбаясь по сторонам.

– Помог бы лучше! – отозвался кто-то из девчонок.

– А мы в передовые не лезем – нам и так хорошо! Давай-давай! Председатель благодарность подкинет – грамотки дадут...

Так подошли к подругам и сели на край соседней борозды.

– Привет передовикам!

– Что, мешать пришли? – спросила Лена, довольная приходом ребят, потому что ей уже надоело работать без передышки.

– Зачем мешать – помогать! – спокойно ответил Гриша и извлёк из земли жиденькую свеклину. – Вот, одна уже есть!

– Как тебе не стыдно, Гриша! – сказала Нина. – Ведь она бы большая выросла!

– А теперь не вырастет! – улыбнулся он. – Ну, как твой жених поживает?

– Какой жених? – Нина покраснела немного, вспомнив Витю.

– Ну, этот, футболист, – как будто сама не знаешь!

– Они к нам просто в гости приехали – на неделю...

– Знаем мы таких гостей! – Гриша с добродушным презрением сплюнул в борозду. – Наверно уже поцеловались у дуба, да?

– Как тебе не стыдно, Гриша! – Нина явно была сейчас беззащитна. Ведь она и вправду думала о Вите, пока работала.

– Стыдно знаешь кому?.. – продолжал он. – Смотри – Андрей ревнует.

Андрей сидел и ковырял носком ботинка землю. Ведь всё равно, пока Гришка не наговорится, придётся молчать. После Гришкиных слов он придал лицу страдальческое выражение:

– Да, Нина, – я всё молчал, думал, ты сама заметишь... Что мне теперь делать?.. – и он улыбнулся, но тут же наклонил голову и замолчал, изображая грусть.

Нина видела, что над ней подшучивают, но ничего не могла сделать. Ей было даже приятно немного, что говорят о ней с Витей.

Гриша продолжал:

– Не знаешь, что делать. Нина, скажи футболисту, чтобы скорей уезжал, а то побить можем.

– Может быть, хватит, а? – попробовала Нина.

– Ничего себе – хватит! – Гриша сделал рассерженное лицо. – Тут самых красивых девчонок отбивают, можно сказать, – нож в сердце – а она – хватит!

– Вы нам мешаете работать! – сказала Лена, чтобы хоть как-то обратить на себя внимание.

– Работа – не волк, а мы уйти можем! – резонно заметил Андрей, а Гриша добавил:

– А уйдём – скучать будете, правда, Лена?

Лена посмотрела на него и, хотя весь вид её, казалось, говорил: «Эх, Гриша, Гриша!», ответила:

– А может и не будем – у нас свои ребята есть.

– Кто, например?

Лена вспомнила, как они вчера ехали на футбол.

– Вот Витя – хороший парень – не то, что ты...

– Это какой Витя? – Гриша насторожённо прищурился.

– Он с нами вчера на машине был, помнишь?

– А-а, – жених!.. – Гриша с деланным презрением рассмеялся. – Так он же с Ниной – при чём здесь ты?

Лену обижал Гришин тон, его слова, и в то же время он нравился ей. И даже то, что он так открыто и просто говорил обо всём и ничего не боялся, ей тоже нравилось. Но если бы он был чуть-чуть не такой, а какой – она не могла ещё понять...

– Перестань, а то я обижусь! – сказала она обиженным голосом. Теперь Гриша, кажется, понял, что хватит.

– Ладно, Лена, – я шучу. Выходи вечером на большак – хорошо? – он внимательно глядел на неё.

– Если время будет...

Он разозлился:

– Зачем ломаться – просто надо! Да или нет, а то посмотрим, увидим...

И снова спокойно:

– Так на старом месте, да? – и подмигнул ей.

Встал. За ним Андрей, отряхивая свои глаженные брюки. Уходя, сказал Нине:

– А с твоим Витей мне страсть как хочется познакомиться. Мы с ним как-нибудь побеседуем на досуге... – и засмеялся.

Они ушли и ходили по полю, шутя и задирая девчонок, пока пришедшая учительница не попросила их уйти и не мешать.

Лена и Нина первыми закончили свою борозду, но настроение у Нины пропало; ей было как-то не по себе, как будто то красивое, что было у них с Витей вчера вечером и сегодня утром, ушло куда-то. Она подумала: «А если он сильнее Вити и будет так же смеяться над ним, когда встретит нас вместе?..».

15

Нина шла домой. Не торопясь ступала босыми ногами по разогретому песку дороги, смотрела по сторонам на знакомые, с детства привычные глазам пейзажи, такие уже родные, что, кажется, сруби какой-нибудь кустик или пересади на другое место – и сразу сердце почувствует неладное, и начнут глаза бегать с деревца на деревце, с куста на куст, пока не поймут, что случилось. Четырнадцатый год жила Нина в этих местах, и, конечно, многое изменилось за это время. Она смутно помнила, как корчевали кусты олешиника, выросшего за войну на заброшенных полях. Теперь от него и следа не осталось, только на местах кое-где, да у реки, да возле леса. Помнила она, как срубили две берёзы на повороте, когда расширяли дорогу. Берёзы были очень высокие, развесистые, и смотрели в разные стороны. На них каждый год было много серёжек, и когда Нина, маленькая, проходила мимо, ей всегда казалось, что они звенят ей. Она часто думала о берёзах, если хотела представить себе что-нибудь красивое. А сейчас от них остались только два больших пня, и Нина сидела на них иногда, возвращаясь из школы. Когда она была маленькая и её обижал кто-нибудь, она тоже прибегала сюда и вспоминала, какие были берёзы и что от них осталось. И это всегда помогало ей забывать о своих обидах. С годами берёзы становились в воображении Нины всё выше и красивее. И хотя теперь она уже догадывалась, что, возможно, они были, если и лучше, то не намного, чем другие, виденные ей деревья, она всё равно каждый раз с болью думала, что они могли бы и сейчас расти у дороги – ведь оба пня даже канаву не затрагивают.

Так шла Нина по разогретому песку и, когда ногам становилось жарко, переходила на самую обочину, где росла редкая травка. Она думала, что впереди ещё большое лето, а осенью она пойдёт в седьмой класс и снова на школьном дворе будет шумно, и все изменится за каникулы и в первые дни будут казаться немного смешными... Надо купить учебники, как только начнут продавать в школе... Учиться она, конечно, и в этом году будет отлично. Ещё долго учиться – целых четыре года... А потом? Она знала только, что потом всё должно быть очень интересно и ещё лучше, чем сейчас...

Нина вдруг вспомнила, что два года назад, когда они ездили летом к бабушке, у них пропала рыжая кошка – Мурка. У бабушки было очень интересно, и Нина забыла о Мурке. А сейчас ясно увидела, как Мурка идёт по самому карнизу; остановится и потягивается, жмурясь на солнце и, рыжая, пушистая, так и отливает золотом...

А как вчера Иван Николаевич сказал: «Приходите ко мне – на лодке покатайтесь!» Вот бы здорово – искупаться, а потом плыть на лодке по озеру в камышах! Чтобы лодка двигалась медленно-медленно, по самым зарослям, а она сидела и смотрела в воду и чтобы иногда попадались кувшинки... А Витя? А Витя пускай гребёт, только осторожно, чтобы не пугать стрекоз и птиц... А если он будет всё время смотреть на неё? И подарит ей из воды белую лилию... Как того окунька. Смешной он, Витька...

– Как мы сегодня в футбол гоняли! – рассказывал за обедом Витя. – На горе, за деревней, – знаешь? Там поле ровное, только мяч все время с откоса падает... Здорово было! А потом на ручей бегали. Вода холодная – ужасно! Мы целый час брызгались...

– В лес бы лучше сходили, – вмешалась бабушка, – черники пособирали... Мяч-то бить успеете. А я вечером варенье сделаю – глядишь, с молочком-то, свеженького, – и вкусно будет!

– Верно, – откликнулась Надежда Алексеевна. – Давайте все вместе!

– Идите, с богом! – напутствовала бабушка. – Тут близко – Нина знает. Часа три пособираете – и ладно...

В лес, так в лес. Ребятам всё равно – лишь бы весело было.

– А ты, Колюша, кружечку возьми, – снаряжала в дорогу бабушка. – Насбираешь – и к мамке! Глядишь, всё, вместе, полведра и принесёте, а то и больше...

Вышли на дорогу. Дружок повизгивал от радости – любил он такие походы. Шуму много, все разбредаются, и бегай из конца в конец – что ещё надо!

– Куда ты нас поведёшь, Нина? – спросил Витя.

– Увидишь!

Она хотела отвести их сначала на свой любимый холм, но ничего не говорить, – чтобы они сами заметили, как это красиво.

Вот прошли поле, чуть видное за берёзами, и высокие сосны по обеим сторонам затенили дорогу. Но даже такие огромные сосны, как эти, не могли забрать всё солнце, и оно, добродушно и ласково даря им своё тепло, не забывало и кусты, и мох, и даже маленькую зелёную клюкву внизу, и ревнивые сосны ничего не могли поделывать, только распрямляли пошире свои колючие ветви, чтобы захватить больше солнца.

«Смотрите! – казалось, говорили глаза Нины. – Где вы ещё найдёте такое высокое небо! Разве вам не хочется раздвинуть деревья и, оттолкнувшись от вершин, взлететь, чтобы увидеть всю землю!.. А теперь опустите глаза. Смотрите прямо под ноги – видите, вон ползут через дорогу муравьи, везут на себе сосновые иглы, кусочки шишек, травинки и ещё много-много всего... А вон там, у ёлок, – их дом, – высокий, круглый, – уже не первый год трудятся они...

– Ты Жюль Верна любишь? – спросил Витя, чтобы не молчать. Тихое шествие по дороге уже начинало тяготить его.

Нина ответила не сразу. Этот простой вопрос как будто отнял у неё что-то, словно краски вокруг поблекли.

– Жюль Верна? – переспросила она. – Да, люблю. Особенно, «Таинственный остров». Мне нравится, когда люди сами что-нибудь делают: строят, сажают деревья... Мне «Робинзон Крузо» очень нравится.

– А я люблю приключения. Я, наверно, на подводной лодке плавать буду. У папы двоюродный брат – заместитель командира на подводной лодке. Он приезжал к нам в прошлом году. Знаешь, как интересно!..

– Я тоже хочу много ездить. Но только чтобы обязательно сюда вернуться...

Нина задумалась, представляя себе, где бы она хотела побывать. Потом ей вдруг пришло в голову, что она уедет из дома далеко и никогда не сможет приехать назад, и ей стало немного страшно и очень-очень жаль чего-то...

– У-у... Разве на одном месте интересно? – сказал Витя. – Ведь скучно становится. Я до пяти лет в деревне жил, потом в Новгороде, а сейчас здесь. И везде разное... А в деревне что? Разве можно всё время в деревне?

– Витя, давай, кто быстрее, – вон до того поворота! – сказала Нина и, не дожидаясь ответа, побежала. Вовка и Коля, как кузнечики, прыгнули за ней, а потом и Витя сообразил и затопал сапогами. Нина добежала первая и остановилась, как всегда поражённая открывшимся видом.

Сегодня небо было особенно высоким, может быть потому, что маленькие облака наверху очень легко скользили, гоняясь друг за другом. Белые берёзы на зелёном склоне холма мягко застыли в своём хороводе, сцепившись ветвями с пушистыми елями, и казалось, войди в их круг, стань среди загорелых сосен, – и увидишь что-то такое, чего ещё никогда в жизни не видел.

Вовка с Колей подбежали и стали рядом. Коля прижался к Нине, взял её за руку и молча смотрел туда же, куда и она.

– Как здорово! – сказал подросевший Витя. – На этом холме и в прятки играть можно. Побежали!

И затопал дальше, небрежно прорвался сквозь кольцо берёз и закричал уже изнутри:

– Сюда! – лисички нашёл!

Вовка скрылся за ним, а Коля посмотрел на Нину: «Пойдём!

– Надо маму подождать, – ответила она, оглядываясь. Надежда Алексеевна и Нина Ивановна неторопливо шли рядом и о чём-то беседовали. Нина крикнула им: – Идите дальше! – а сама с Колей за руку побежала на холм, где Витя с Вовкой осторожно вытаскивали из земли крохотные жёлтые грибы.

– Как они выросли?! – удивлялся Вовка. – Дождей-то совсем нет... Дружок внимательно смотрел, как ребята ковыряются в земле, хотя ничего интересного там не было, потом чутким ухом поймал голоса женщин на дороге и вприпрыжку помчался к ним.

17

– Хорошо у вас! – говорит Надежда Алексеевна. – Воздух чистый. Лес – загляденье одно. Только на отшибе, одним – не страшно?

– Сейчас что! – Вот в сорок четвёртом, когда приехали!.. – Нина Ивановна задумалась, погружаясь в воспоминания, улыбнулась чему-то. – Молодые были, отчаянные... Илью после контузии демобилизовали, говорят, – поезжай на юг, подлечись... Он перед войной техникум лесной закончил. Я тоже там училась. Только поженились, на место приехать не успели – война... А этот лес он ещё до войны приметил, на практике, эти места для него родные... И так захотелось поскорей оседлую жизнь начать, что и на море не поехали... Нине тогда третий год шёл, слабая была – всё болела... Отговаривали нас, говорят, куда едете – там бандитов полно... И, правда, как вспомню сейчас, – ни за что бы, кажется, не поехала... – Глаза у Нины Ивановны потемнели. – А ведь всё пережили... Грабили нас два раза... Дом подожгли... Потом выловили всех – и Илья тоже помогал. Боялась я за него тогда.

Вдалеке засмеялись ребята, и Дружок беззлобно залаял на кого-то, и Нина Ивановна улыбнулась.

– Сейчас хорошо... Все есть, и дети здоровые растут. Илье предлагают в лесхозе работать, а он всё отказывается пока – привыкли мы здесь...

– А у нас одни переезды, – говорит Надежда Алексеевна. – То переводят, то самим надоедает... И здесь, в министерстве, тоже, наверно, ненадолго...

– Подождём – Нина школу закончит, – может быть, и мы в район переберёмся. Не хочет она отсюда... Да, по-моему, детям частые переезды вредят, – добавила она.

– Что вы, Нина Ивановна! – кругозор расширяется. Наш Витя по развитию обгоняет своих сверстников.

– Кругозор-то это верно. А характер, по-моему, на одном месте расти должен.

– Был бы ум, а характер будет! – сказала Надежда Алексеевна, и обе опять замолчали.

В лесу было тихо, мирно; спокойную радость, казалось, излучал тёплый воздух – всё это не располагало к спору.

Скоро с весёлыми криками их догнали ребята. Показали грибы, рассказали о своих приключениях – Коля провалился в яму, которую вначале лета вырыл и прикрыл еловыми ветками Вовка, и очень испугался...

– Вон туда сейчас пойдём... Там ягода крупная.

Две высоких осины зашумели им навстречу. И расступились, пропуская в свои владенья.

18

– Витя?

– Да...

– Смотри, какое зелёное небо! Вон там – видишь? Скоро станет светло... Давай поплывём через всё озеро к тому берегу, а?

– Далеко...

– Всё равно, Витя. Пока взойдёт солнце – мы успеем.

– Зорьку прозеваем. А на зорьке – самый клёв.

– Ну, Витя...

Нина сидела на корме, завернувшись в старую фуфайку и накинув на голову тёплый платок. Ей было тепло и чуть-чуть ещё хотелось спать... Контуров берегов расплывались в тумане. Далёкая заря светилась всё ярче; лёгкий ветер погнал волну. Лодка Ивана Николаевича давно затерялась где-то у левого берега...

– Какой белый туман сегодня. Как снег... Только тёплый.

– Холодно. Скорее бы солнце вставало...

Витя не разогрелся ещё, хотя сидел на веслах. Грёб он неловко, брызгал, и видно было, что не часто приходилось ему иметь дело с лодкой.

– Витя, ты вёсла так высоко не поднимай. Если хочешь – давай я буду грести.

– Ничего, я сам...

Нина наклонилась к воде и опустила в неё обе руки. Незаметно наблюдала за Витей. Он сидел, сжав губы, и старался грести бесшумно. Вид у него был хмурый и недовольный. И опять он показался ей совсем маленьким, и захотелось подойти к нему и погладить рукой по голове, чтобы он успокоился.

– Витька?

– Что...

– Улыбнись, а то обрызгаю!

Лодка плыла прямо на рассвет, и ночной гость-туман всё шире расступался перед нею, уплывая в начинающее синеть небо.

В ответ на брызги Витя ударил по воде веслом, и широкая струя окатила Нину. Он бросил вёсла, шагнул к ней, и, присев на корточки, гладил по обрызганным местам руками и говорил:

– Честное слово не хотел! Я думал чуть-чуть.

Лодка зачерпнула бортом, когда Нина снова наклонилась к воде. Она вылила целую пригоршню на Витину голову.

– Вот тебе за это!

Оба посмотрели друг на друга и засмеялись.

Витя снова сел за вёсла, и грести сразу стало как будто легче.

19

– Ключёт! Нина, скорее! – взволнованно зашептал Витя.

Нина подсекла. Туго заходила в стороны большая рыба. Натянутая леска резала воду и вдруг, замерев на мгновение, рванулась под лодку. Нина вытянула удилице вперёд, можжевелевый конец изогнулся почти под прямым углом.

– Подожди! – крикнул Витя.

Он подошёл, поймал руками леску и потянул. Рыба сделала несколько упругих кругов и задержалась под лодкой.

– Осторожнее! – шептала Нина, привстав на цыпочки.

Витя подтянул леску ещё немного и потом рывком вытащил рыбину в лодку.

– Краснопёрка! – и сразу же стал ловить её, прыгающую по дну лодки. Поймал и, крепко держа обеими руками, поднял вверх.

– Грамм шестьсот будет!

Руки у Вити мелко подрагивали, когда он вытаскивал глубоко застрявший крючок. Но это оказалось не так-то просто и, боясь оборвать леску, он сказал:

– Там перочинный ножик, в пиджаке.

А сам всё ещё не мог успокоиться и прижал зачем-то краснопёрку к груди, оставив на рубашке слизистое пятно.

Нина стала искать.

– Внутри! – шепнул он.

Она достала ножик, положила пиджак снова на скамейку. Потом подошла к Вите и тоже присела на колени. Лезвие было тугое, и она чуть не сломала ноготь, пока открыла его.

Рыба ещё сильно билась, и Нине было очень жалко, когда Витя, прижав её к ногам, разрезал рот.

– Ей больно!..

– Всё равно скоро умрёт, – ответил Витя. Он вытащил наконец крючок и поднял краснопёрку над лодкой:

– Смотри, какая!

Тёмно-желтая, с красноватой каймой на чешуе и яркими красными плавниками, она ярко блестела на солнце.

Витя наклонился к воде, чтобы обмыть её, но сразу же передумал:

– Лучше потом, а то вырвется ещё.

И положил под аир в корзину, где уже лежали плотвицы, несколько окуньков и маленькие краснопёрки.

– Здорово, да, Нина! Как я сразу её выкинул!

Лодка стояла на якоре в кувшинках. Утренний ветер успокоился и только время от времени слегка теребил блестящую поверхность озера. Берег был метрах в пяти; зелёный, чуть вымытый у основания волнами, он покато поднимался к лесу, перерастая в холм, одетый низкими соснами...

20

– Как улов, рыбаки! – издали закричал Иван Николаевич.

Витя привстал, поднёс ладонь к губам и, нервно вибрируя ей, сделал страшные глаза, что, очевидно, должно было означать: «С ума сошли! Ключёт!»

Иван Николаевич понял жест именно так и, ни о чём не спрашивая больше, тихо проплыл и заякорился метрах в пятнадцати. Потом вытащил из корзины большого леща и помахал им в воздухе: смотрите, мол, какие у нас!

Но Витя и Нина не обратили на него внимания. И через несколько минут Иван Николаевич, всё ещё медливший закидывать удочку, увидел, как Витя тащит из воды довольно крупную серебристую рыбку.

– Придётся попробовать, – сказал он брату, который неподвижно сидел на корме, пристально вглядываясь в какое-то место на берегу.

– Ваня?..

– Что.

– Видишь вон ту иву, а? Она говорит тебе что-нибудь?

Иван Николаевич отложил удочку.

– Постой, постой!.. Ива, – а вон и ещё одна... А-а, – вспомнил! Перед войной, года за три, я здесь как-то с Верой гулял. Она за Егором сейчас... Целое лето мы здесь ходили... Но ты-то об этом не знал, – Иван Николаевич подозрительно посмотрел на брата.

– А я приходил с вечера и сидел под иву. Лет десять мне было. Я всё думал – о чём можно говорить целую ночь?

– Ну и как?

– Так вы же по всему берегу ходили... А я сидел здесь и боялся, что ты заметишь. А то, что слышал, я и забыл уже, а тогда, помню, волновался очень, даже плакал один раз, – вы тогда вон там стояли... Ты говорил ей, что вам нужно расстаться, что это, мол, не любовь ещё...

– Эх, и отлупил бы я тебя, если бы заметил! – сказал, улыбаясь, Иван Николаевич. – Однако, давай закинем удочки, – видишь, Нина снова кого-то вытащила.

21

– До свиданья, Иван Николаевич! – ещё раз издали закричали Нина и Витя.

Иван Николаевич стоял на дороге, размахивая соломенной шляпой. «Приходите!» – донеслось к ним.

День был жаркий, такой же, как и все прошлые дни. Ребята шли босиком; Нина в сетке несла обувь, а Витя тащил корзину с рыбой. Оба немного устали.

Откуда-то из лесу отчетливо донеслись удары топора.

– А завтра я уеду! – вдруг громко сказал Витя.

Топор стучал сухо и часто. Потом смолк. Послышался шум упавшего дерева, и сразу стало тихо.

Витя показал рукой далеко вперед:

– Ёлки видишь?.. Оттуда я вылез на дорогу, когда заблудился...

– Хочешь, снова пойдём через это болото? – предложила Нина. – Я знаю тропинку.

– Пойдём! – сказал Витя.

22

– Какое бревно! – изумился Витя. – А я его не заметил. Все заросло!

– Только не поскользнься! Оно мокрое. Бревно лежало над ручьём совсем низко, так, что вода, пробегая, касалась его и взбивала пену.

Витя поскользнулся, не сделав и двух шагов. Шлепнулся по колено в воду и едва не уронил корзину.

– И, правда, скользкое. Босиком здесь не пройти! – убежденно заявил он.

– Смотри! – и мелко переступая ногами, Нина боком пробежала по бревну.

– Попробуй ещё раз! – сказала она с другого берега. – Только корзину оставь – я потом перенесу.

– Нет уж, – падать так вместе, – возразил Витя, выбираясь на сушу и вытирая о траву покрытые илом ноги. И пошёл так же боком, как Нина, балансируя корзиной. На середине остановился и постоял немного, пошатываясь. Потом соскользнул с бревна и ударился о него бедром. Но корзину из рук не выпустил.

Нина засмеялась.

– Говорила тебе!

Витя поднялся весь мокрый. Вода из корзины стекала, как из лейки.

– Жалко, рыбу промочил! – сказал он. – Там какой-то острый сучок – я хотел переставить ногу и свалился.

– Вылезай скорее! Какой ты красивый сейчас!

Витя и впрямь представлял великолепное зрелище. Он стоял по самую грудь в ярко-зелёной осоке. За его спиной, на склоне холма, желтели сосны. Вода в ручье была тёмная, но местами, там, где прорывалось сквозь ветви солнце, она сверкала всевозможными красками.

Нина размахивала сеткой на кончике бревна:

– Давай руку!

Когда Витя вылез и выкрутил свою одежду, Нина предложила:

– Побегали – тебе согреться надо!

Болотная тропинка в особенно сырых местах была выложена стволами и ветками олешиника. Ветки больно кололись, и Витя совсем измучился, пока дождался сухого места. Штаны прилипали к ногам, и намокшая корзина тянула руку, но впереди бежала Нина, и ему во что бы то ни стало хотелось догнать её. Но попробуй, догони! Если бы без корзинки... Иногда Вите казалось, что Нина устала и он вот-вот догонит её, но едва он собирался коснуться её рукой, как она отпрыгивала в сторону, и он снова видел мелькающее в соснах платье. Он вспотел, как на футбольном поле, а Нина всё так же легко бежала впереди; оборачивалась время от времени, улыбаясь, и тогда Витя тоже старался улыбнуться и начинал бежать ещё быстрее.

Наконец он схитрил.

Когда она снова была близко, он бросил на землю корзину и в несколько прыжков догнал её, не успевшую от неожиданности увернуться в сторону.

– Ну вот и поймал, – смущённо проговорил он и отпустил её плечи.

– А где ты корзину потерял?

– Там, – кивнул он назад и повернулся.

Корзина лежала на тропинке, аир вывалился, и три подлещика поблескивали на земле.

– Жарко! – сказал Витя, вытирая пот мокрым рукавом.

– И мне тоже, – ответила Нина.

Они медленно сделали несколько шагов, а потом, словно сговорившись, рванулись бегом и едва смогли остановиться – ведь корзина была совсем близко.

Наклонившись, подбирая рыбу и аир, Витя сказал:

– Нина?

– Да...

– Я напишу тебе письмо – хорошо?

– И я, – ответила она.

Витя встал.

– А на следующий год я приеду! Даже если мама не захочет!

Он замолчал, словно сомневаясь, продолжать или нет. Потом быстро заговорил:

– Ты ничего не знаешь! Я струсил позавчера... Мы на горе в футбол играли. Пришёл Гришка и ещё двое с ним. Он начал задирается, а я испугался... Он меня ударил. И я тоже... Но я боялся, что он сильнее меня и что с ним ещё ребята... Потом за меня заступились Егор, Сашка и ещё ребята... А он совсем не сильный. И не в этом дело...

Нина, всё время внимательно смотревшая на него, тоже встала, потом провела ладонью по его волосам и засмеялась:

– Витька! Какой ты мокрый! Пойдём скорее на дорогу – там солнце!

Витя, после признания вспотевший ещё сильнее, сначала опешил немного, а потом сказал:

– Давай снова бегом!

Тропинки хватало, чтобы бежать рядом, если бы корзина и сетка не мешали. Как сейчас хотелось обоим быть лёгкими и бежать вокруг сосен, догоняя друг друга, а потом снова идти вместе и толкаться иногда, но только совсем тихо, и улыбаться одними глазами, потому что теперь оба знали, что глаза тоже могут говорить.

– Витя! – Нина остановилась.

– Что? – он пробежал по инерции несколько шагов и повернулся к ней.

– Белка! – показала она рукой.

Он посмотрел и тоже увидел на большой сосне белку. Она наблюдала за ними и как будто совсем не боялась. Они подошли ближе, а она все не убегала, только опустила передние лапки на ветку.

– Смелая белка!.. – сказал Витя и сразу умолк, точно споткнувшись.

Нина подняла с земли палку и кинула. Белка умчалась на верхушку дерева, а с ветки, на которой она сидела, полетела вниз сосновая шишка.

Ребята пошли дальше. Нина стала рассказывать о своей школе, и Витя вспомнил про воробья и про окно, которое ему понравилось.

– Нина, – спросил он, – а на каком этаже ваш класс?

– На втором. Около учительской. Всегда видно, что во дворе делают.

– А я думал, что у вас окна на улицу, – огорчился Витя. – Я когда со стадиона шёл, смотрел, и мне показалось, что ты видишь меня из окна. Из того, где скворечник.

– Там десятый класс учится. А скворечник этот давно висит – я ещё в школу не ходила... Мне уже учиться хочется, а тебе?

– Ну, нет! – сказал Витя, подумав. – Рано ещё. Я в футбол буду играть и гантелями заниматься. Надо быть сильным...

Ребята вышли на дорогу.

– Теперь совсем близко! – сказала Нина. – Вон уже поле видно...

23

Когда они подошли к дому, то у крыльца опять, как и неделю назад, стояла машина, и Павел Васильевич был в таком же светло-сером костюме, только разговаривали сейчас не на крыльце, а около качелей. Все смотрели на Нину и Витю, а им было неловко идти и как будто стыдно чего-то.

– Как они загорели! – сказала Надежда Алексеевна. И опять Нине, как тогда, захотелось уйти, но сейчас нельзя было – нужно было показывать рыбу и рассказывать, как ловили и что делали.

Потом пошли кушать, а после еды Павел Васильевич предложил всем вместе прогуляться по лесу.

– Пойдёмте! Пойдёмте! Все! Веселее будет! – говорил он.

Нина сначала хотела сказать, что устала, но потом тоже пошла. И тихо ходили, и вежливо разговаривали, потому что в этот раз Павел Васильевич заинтересовался ей и долго расспрашивал, как она учится, какие у них учителя, и какие предметы ей нравятся. Она шла и рассказывала, хотя ей не хотелось делать ни того, ни другого.

Прогулка затянулась, и уже темнело, когда вернулись домой. Снова покушали и разошлись спать. И Витя ушёл.

24

Нина вышла во двор. Тихо было, хотя в деревне, как всегда, кто-то играл на гармошке. Но сегодня не пели.

Подбежал Дружок и стал ласкаться. Она погладила его, почесала около ушей. Он вилял хвостом, и хвост бил её по ноге. Иди, Дружок, гуляй! – сказала она и пошла по двору. Земля была тёплая и влажная от росы. Ноги знали уже каждую выбоинку в ней, словно видели в темноте. Тёмный частокол забора. Столбы качелей. Сарай. Ночью он кажется ещё больше. Нина слышала, как тихонько шумит ветвями дуб. Неужели всё это кончится когда-то?..

Бабушка вышла на крыльцо.

– Нина, где ты там ходишь? Посиди со мной.

Она подошла к бабушке и прижалась к ней.

– Скоро дождь будет, – сказала бабушка. – По костям чувствую – заволновались мои косточки...

– Устала, поди, на озере-то? – спросила она.

– Нет, я не устала. Только грустно немного почему-то...

Утром Нина проснулась с острым больным чувством – что-то уходило, ещё не придя. И ничего нельзя было изменить.

Она встала, медленно оделась и убрала кровать. На кухне шумно разговаривали мама и Надежда Алексеевна, а Павел Васильевич шутил и сам смеялся.

Нина вышла в комнату к завтраку, молча взяла Витин подарок – «Таинственный остров» Жюль Верна, а Вовка очень обрадовался футбольному мячу.

Когда поели и вышли во двор, Нина вдруг ясно почувствовала, что нельзя, чтобы Витя просто так уехал и всё.

Она подошла к нему (он стоял у качелей и ковырял что-то ногтями) и взяла его за руку:

– Витя!

Он чуть вздрогнул, словно очнулся, и молча пошёл за ней. Ноги уже отвыкли от ботинок, и он чувствовал себя неловко в глаженных брюках и белой шёлковой рубашке.

Нина подошла к лестнице, которая вела на чердак сарая, и полезла наверх. Витя – за ней. Он видел её белое, в горошек платье, загорелые ноги, и на секунду пришло желание обнять их, но сразу стало стыдно, и он постарался прогнать это желание.

На самом верху он оступился и повис, содрав колено. Нина оглянулась и подала ему руку. Она была до боли красивая, когда подавала ему руку, и бессознательно эта красота жила в нём и его влекло к ней, но он ничего не мог понять и чувствовал себя немного растерянно.

Когда он залез, она захлопнула дверцу. Глаза быстро привыкли, и в Витиной памяти на всю жизнь остался полутёмный чердак с разбросанными на балках остатками прошлогоднего сена и наполненные слезами, огромные глаза Нины, когда она остановила его, обняла за плечи и смотрела, как будто боялась, что он исчезнет, как только она отвернётся и отпустит его.

– Ты не забудешь меня, Витя? Ты не должен забыть! Я тебя никогда не забуду! Приезжай к нам! Когда хочешь!

Она прижалась к нему и быстро поцеловала его в губы.

Витя чувствовал себя неловко и виновато, как будто он пообещал много и ничего не исполнил. Он знал, что должен сказать что-то важное, но нужных слов не было, и он говорил, но совсем не то, а молчать было нельзя.

– Я постараюсь приехать... И ты к нам приезжай тоже... Мы всё равно встретимся...

А во дворе уже громко кричали:

– Нина! Витя! Где вы?

– Пойдём! – сказала Нина.

Они спустились во двор и пошли вместе, но уже как будто чужие друг другу.

Дверца за Витей захлопнулась; все шумели, и было очень весело, и машина уехала...

Январь – август 1964 года

ПЕРЕВОДЫ

ПЕТЕР АЛЬТЕНБЕРГ (Peter Altenberg, 1859–1919) – псевдоним Рихарда Энглендера (Richard Engländer), крупнейшего представителя австрийского импрессионизма. В литературном наследии П. Альтенберга можно выделить сборники «Как я это вижу» (Wie ich es sehe, 1896), «Ашанти» (Ashantee, 1897), «Что приносит мне день» (Was der Tag mir zuträgt, 1900), «Сказки жизни» (Märchen des Lebens, 1908), «Vita ipsa» (1918), «Сумерки жизни» (Mein Lebensabend, 1919).

При создании произведений большое значение для писателя имеют точное отражение полученного впечатления и внимание к тончайшим нюансам. В своем стремлении изобразить универсум личности П. Альтенберг выработал особую манеру письма, которую сам именовал «телеграфный стиль души». Чередование мелких наблюдений с лирическими размышлениями определило и жанровое своеобразие творчества писателя, где новеллы-миниатюры и прозаические зарисовки соседствуют с лирически окрашенными афоризмами или стихотворениями в прозе.

В письме к А. Шницлеру П. Альтенберг описал процесс возникновения своих произведений следующим образом: «Как я пишу?! Абсолютно свободно, совершенно не раздумывая. Я никогда не знаю заранее тему, никогда не размышляю. Я беру бумагу и пишу. Даже заглавие я просто надписываю и надеюсь, что далее возникнет текст, который будет с этим заголовком связан. Нужно полагаться на себя, не учинять над собой насилие, следует проявить себя во всей полноте, лететь. Получившийся результат и есть, по всей вероятности, то, что по-настоящему меня волновало. Если же ничего не вышло, значит не было у меня никаких действительно глубоких чувств и мыслей». Предлагаемая ниже лирическая зарисовка, пожалуй, наиболее ярко отражает своеобразие художественного метода П. Альтенберга.

SCHNEE

Ich habe zu meinen zahlreichen unglücklichen Lieben noch eine neue hinzubekommen – den Schnee! Er erfüllt mich mit Enthusiasmus, mit Melancholie. Ich will ihn zu nichts Praktischem benützen, wie Schneegleiten, Rodeln, Bobfahren; ich will ihn betrachten, betrachten, betrachten, ihn mit meinen Augen stundenlang in meine Seele hineintrinken, mich durch ihn und vermittelst seiner aus der dummen, realen Welt hinwegflüchten in das so genannte „weiße und enttäuschungslose Zauberreich“! Jeder Baum, jeder Strauch wird durch ihn zu einer selbstständigen Persönlichkeit, während im Sommer ein allgemeines Grün entsteht, das die Persönlichkeit der Bäume und Sträucher verwischt. Ich liebe den Schnee auf den Spitzen der hölzernen Gartenzäune, auf den eisernen Straßengeländern, auf den Rauchfangen, kurz überall da am meisten, wo er für die Menschen unbrauchbar und gleichgültig ist. Ich liebe ihn, wenn die Bäume ihn abschütteln wie eine unerträglich gewordene Last, ich liebe ihn, wenn der graue Sturm ihn nur ins Gesicht nadelt und staubt und spritzt. Ich liebe ihn, wenn er in sonnigen Waldlachen zerrinnt, ich liebe ihn, wenn er pulverig wird vor Kälte wie Streuzucker. Er befriedigt mich nicht, ich will ihn nicht benützen zu Zwecken der süßen Ermüdung und Erlösung, ich will nicht kreischen und jauchzen durch ihn, ich will ihn anstarren in ewiger Liebe, in Melancholie und Begeisterung.

Peter Altenberg

СНЕГ

К моим бесчисленным злополучным любовям прибавилась еще одна – снег! Он наполняет меня энтузиазмом, меланхолией. Я не хочу употреблять его ни для каких практических целей, скользя, например, по снегу, катаясь на салазках, спускаясь на санях с горы; мне хочется на него смотреть, смотреть, смотреть, часами впитывать глазами в душу, благодаря ему и посредством его бежать из нелепой, реальной действительности в так называемое «белое волшебное царство, где нет места разочарованиям»! Благодаря ему каждое дерево, каждый кустик обретает самостоятельное лицо, в то время как летом повсюду появляется зелень, стирающая индивидуальность деревьев и кустов. Я люблю снег на кончиках деревянных садовых изгородей, на железных уличных парапетах, на дымовых трубах, короче, в первую очередь там, где он непригоден для человеческих нужд и безучастен к ним. Я люблю снег, когда деревья стряхивают его, как тяжкую ношу, я люблю его, когда седая буря сыплет, пылит и брызжет его в лицо. Я люблю его, когда он тает под солнцем на лесных прогалинах, я люблю его, когда от холода он, подобно сахарному песку, рассыпается на кристаллы. Он не приносит мне удовлетворение, я не хочу использовать его для сладкой истомы и освобождения, не хочу с его помощью пронзительно кричать и ликовать от радости, я хочу пристально смотреть на него в вечной любви, меланхолии и восхищении.

Перевод Т. Гордейнок

НАШИ ГОСТИ

ОЛЬГА ЛАБОВКИНА,
МИНСК

Всем вам,
так щедро сэкономившим мне любви,
по всем законам земных несовершенств...
Всем вам,
так по-щенячьи радостным с далёких берегов,
так искренне желающим мне счастья чужими руками и нутром,
так изящно гарцующим мимо моих настезь распахнутых рук
к высоким позам других принцесс...
Вам,
с избытком одарившим меня тишиной,
в которой лопаются сухожилия и сыпятся суставы...
Вам,
Прораставшим и умиравшим в меня
со всей жаждой сбыться и страхом чувствовать...
Вам,
чьи глаза я хочу целовать и сегодня,
чьими руками люблюсь и не смею дотронуться.
О, прекрасные!
.....
Мне нечего вам сказать.

Когда будут выпущены все стрелы.
И все мишени будут потеряны...
Когда размоются все контуры
В том числе и любимых портретов...
Когда тело будет говорить со мной
Совсем на другом языке
И вовсе не шепотом...
Тогда

Я хочу сидеть на песке
нагим сморщенным зародышем,
вернувшимся к бесконечной воде,
С огромным джоинтом
С родной душой где-то около...
легко говорить о неважном,
Молчать о безмерном
И привирать о былом...

Я хочу быть там нежностью,
беззубой сердечной улыбкой
прозрачной солью
сутью
святостью...
с ясным взором
и серебряными пружинками волос,
в которых свет играет в прятки...

Ты чувствуешь собою солнце,
так нечаянно тонущее и счастливое...
и рассыпаешься жемчугом смеха в
песок
и рассыпаешься жемчугом смеха
и рассыпаешься...
и...

ЕВГЕНИЙ ГОРОН,
МИНСК

Тебя показывают мне со спины, а потом уводят. Таковы обстоятельства. Никто не виноват – здесь и вправду «бывает». Все равно бы писал невозможное, пусть и по старой памяти, а так – лишний раз напомнить себе, как никогда не увидеть лица. Это тоже опыт.

Рабочий цейтнот лишает последнего удовольствия – молчаливой, бумажной искренности. Поля ежедневника букируют деловые встречи и сроки дедлайнов, а меня – незнакомые люди и тариф «Конференц-связь». Ощущаю неловкость, когда теряю самоконтроль, и ты прорываешься в этот скучный эфир – путаю имена, языки и законы жанра.

Наверстываю, во всех смыслах, упущенное ближе к утру. Четким кадром проявляю на коленях в такси, множу на барных салфетках, выношу на руках, если прочей поверхности нет. Творю себе мир с целью одной и единственной – выдохнуть там тобой: «по образу и подобию», на шестой день. Ближе к бессонным шести.

Только здесь, в одном из многочисленных вариантов этого Никогда, позволяю рассмотреть тебя, как следует: бесстыдно, вдоволь, никуда не спеша. Игнорируя категоричность времени, пас-расклады, жизненные условия – условности как таковые. Солнцу не позволю сорваться, пока будешь восстанавливать всю хронологию, сдавать свой архив: места, события и люди. Это, пожалуй, моя единственная слабость всюду – невозможность наслушаться, впитать информацию, напитаться твоим прошлым и сущим. Шаткость проекции всегда будет в том, что хотелось бы знать наверняка, но могу лишь догадываться. Пробовать интуитивно потакать предпочтениям, желаниям несбыточным – щелкать пальцами. Даже в том, чего тебе никогда не успеть, а хотелось.

Прошу, доверься мне здесь, в кривом отражении зеркала: тебе нечего бояться и проигрывать, а я действительно приобрету. Позволь одевать тебя летом в Lanvin, забрасывать ближе к французскому Югу. Снабжать легким парфюмом, наркотиками и очками на пол-лица. Меньшее, знаю, позволяешь себе самостоятельно, а большее окажется глупым вещизмом, пошлой безвкусицей, где бы то ни было. Разрешить обрамлять тебя оконными рамами комнат с многовековой историей, прятать в карман пальто ритуал, который станешь бережно пеленать в тонкую папиросную бумагу, склеивать слюной, поджигать и втягивать, задержав дыхание. Поскольку кто угодно ошалел бы от такой вседозволенности, детского понимания свободы. И захотелось бы летать еще выше, чтобы хоть как-то оправдать безжалостную красоту вечернего пейзажа. А ночью ходить моими глазами по мистическим маршрутам клошаров: только у них есть ключи от истинной Красоты всех городов на земле, а проспекты, открытки и путеводители туроператоров – это не отсюда. Оставь, не бери.

Прощальный подарок, он же – финальный штрих: мое явное отсутствие во всей этой вымышленной данности, куда я тебя окунаю. Даже в том, что придумано на раз и поддается огню запросто, я не сумею приблизиться, обнять, объять по-настоящему. Ты и здесь будешь счастливо жить с другими, в отрыве от меня, в параллельной недосыгаемости. Мне все также останется удаляющаяся спина и сопутствующие переживания, которые действительно можно пережить. Но как быть, пока они еще живы, а бумага уже не терпит, скажи...

С КРАСНОЙ СТРОКИ

*«Представь, что война окончилась, что воцарился мир»
Иосиф Бродский, «Новая жизнь»*

А со временем изменяется лишь формат этих встреч...

Так очевидцы и потерпевшие, как конструктор, собирают фоторобот преступника.

Художники, что часами проводят в нескончаемых залах Лувра, в Эрмитаже, в музее Гуггенхайма,

Пытаются если не переплюнуть, то хоть подражать плевку...

И вот, пока первые продолжают ошибаться: в шрамах, родимых пятнах, – этих особых приметах...

Пока вторые продают за гроши: ловкачам, дельцам, праздным туристам...

Я тоже пытаюсь приспособиться как-то... Быть частью этого общества.

И вру.
Когда рассказываю,
Себе же,
На этом листе,
Который тоже вовсе не чист,
Не бел,
Поскольку раньше
Живым был, цветущим деревом
(тополь или каштан).
А теперь вот надо лежать и молчать.
И впитывать.

Рассказываю о том, что стал забывать, как ты возила меня к воде, разрешала не пристегиваться, но вела уверенно; как я искал твой браслет – Хамса, привезенный из отпуска в Турции, смущал посетителей и официантов своей не чищенной обувью.

Забывать о том, как ты парковалась, говорила мне: «отвернись, не смотри», пока раздевала гитару и пела мне все, что умела играть, сидя на заднем: «Аукцион», «Зимовье зверей», Арефьеву...

Как однажды мы ходили туда-то: смотреть и слушать. Ты боялась толпы, а я... А я был двухметровым, толстым афроамериканцем по имени Мори, который охранял тебя: искал безлюдные острова в людском потоке фойе, задевал внушительными плечами зрителей, крича: «Не снимать! Не снимать!»

И вот теперь, когда я вышел из этого, наконец, как из душного поезда, я могу закурить и замерзнуть, а потом пойти в зал ожидания, греться и пить отраву, которая «кофе» в меню.

И увидеть,
Там,
На доске объявлений,
Неприметной и старой,
В целлофане и под стеклом
Все эти списки
Изуродованных
И найденных,
Натерпевшихся жизни
Мужчин и женщин.
Прочитать:
Обстоятельства смерти,
Содержимое сумок
(у женщин всегда – запасные колготки, иконки хранителей, фото на паспорт: дети в 16 лет),
Время кончины – на глаз.

И конечно же знаю, что как только нога моя ступит на землю чужого мне города (будь то Париж, Петербург, Нью-Йорк), первым делом примусь скупать фальшивых Моне, Тицианов, иконы Рублева, а после – вешать в своей халупе, в районе Марэ; В квартире на Васильевском острове; В Бруклинском клоповнике над китайской забегаловкой...

Сидеть потом на единственном стуле, лицом к ним, картинам-плевкам, тихо пить и бояться сумерек;
Вспоминать досконально: овал лица и живописную технику неминуемого предательства. В финальной красоте всего и этого дня.

И думать, что измененный формат – это то, каким было это лицо с твоей стороны: оглушающие письма, фламандский узел у меня над кроватью, платья, которые не только мне, но для меня лишь.

Измененный формат – это то, каким было это лицо с моей стороны: навсегда отведенный взгляд, прерванное объятие, спрятанные в карманы руки.

Думать, что измененный формат – в конце концов, ясный вывод из того, что никто тут не чист и не бел. Абсолютно никто. И у каждого есть очень много причин прятать камень за пазухой, позволять себе влажный взгляд сожаления, холодное «мне пора» в отношении тех, кто этого нисколько не заслужил. И все же...

Снова тереть виски, пытаясь отчетливо вспомнить... Вернуться к этим полотнам завтра, натянуть новый холст... Встретить человека, отформатировать себя заново... Отступить и начать...
С красной строки...

ПОСТФАКТУМ

*Все мы крадем друг у друга сюжеты, ходы, развязки. Ландшафты, состояния, одиночества.
Я бы тоже слезоточил, обернись эта поздняя прогулка любым началом, неизведанным и обещающим.*
Екатерина Кузнецова

Так бывает. Выходил из подъезда, неловко ступил, оскользнулся, плохо упал. Встать самому уже не случилось – перелом шейки бедра, полгода недвижим. Другого видишь в движении, усталого, но улыбающегося – завтра коллеги скажут, что «люди мрут, как мухи» и «сейчас свет такой». Шансов временно выпасть, если не разбиться вдребезги, многим больше, чем думалось когда-то, стоя в жизненном тупике.

Верно, никогда бы не подумал, что жизнерадостность видеть тебя, мельком, на пять минут, обернется внезапно стенокардией, тремором рук и опущенной головой. Общие фразы, чтобы как-то вправить вывих беседы. Пересохшее русло во рту и сигаретный дым, прятаться за которым теперь – то же, что рассказывать о вялотекущей жизни – бесполезно и поздно. Впрочем, правила (хотя бы) приличия никто не отменял.

Сижу в углу стола, стучу по джинсовому колену пальцами, пока рассказываешь общим друзьям о моде на ведический йогурт с шафраном и внеплановый переезд поближе. стакан с алко опустел еще на подтверждающем звонке, что «буду, да», расслабиться не вышло и сейчас.

Пишу. О том, как впервые перестал тебя узнавать, когда принялась подкрашивать губы, используя айфон как зеркало, жирной, пастельного цвета помадой. Как после эти же губы, вначале спокойно сомкнутые, раскрылись мгновенным выдохом воздуха нового имени. Как разговоры о ком-то прозрачном, еще вчера писаном вилами по воде, обрели человеческое тепло и фразу «ты идешь в туалет, а у меня свет выключается».

Но так, видит Он, и должно быть. Никаких больше слез, ночного тарифа, вмешательства в личную жизнь – только модный флаер на закрытую вечеринку, куда я вряд ли смогу прийти. Извини.

Никто из нас так и не научился ценить то, чем обладал, но и тогда это не было чистым, без примесей, счастьем. Теперь все равно бесполезное свойство памяти – фильтровать дурное, пустое и порожнее. Собрать по крупицам интимные моменты, слова и запахи вошло в привычку, отказ от которой подобен личному предательству.

Вот и здесь, сидя друг напротив друга в этом кафе, я проделываю знакомый и грязный трюк. Стена за спиной ломается, рушится карточным домиком декорация, превращается в стоящий нас пейзаж.

Мы ходили смотреть на мертвые корабли. Почившие и ржавые, они ютили на своей палубе чаек и ворон – единственных теперь пассажиров. Головами мы задевали их вспоротые временем животы, трогали шершавую кожу, молча читали названия. Порт умирал, но что-то все еще гудело там, вдали, пенилось. Устраивались на ржавой балке встречать закат, обживая пространство снятой обувью, едой и собственными впечатлениями. Читали Бротигана, Транстремера и хорошо смеялись. Вы с Фло отпрашивались смотреть на воду. Исследовали пришвартованную к берегу баржу, дурачились и были страшно красивы в усталом свете на цветущем ковре из люпинов. Отсечь на монтажном столе рука не поднялась. Увы.

Расстаемся также, как и встретились – скомканно, сдержанно, с обещанием найти время и желание друг для друга. Дорогой думаю, что Чайковская спела правильно: в какой-то момент мосты из прошлого действительно стали дороже нас, ныне живущих. Клэр оказалась кругом права, а я все никак не могу последовать мудрому совету «смириться, забыть и жить дальше». Потому, что как бы там ни было, мы все-таки выжили. Сумели подняться, кое-как отряхнуться и пойти дальше.

СОДЕРЖАНИЕ

ЭССЕИСТИКА

Мозго А. Огненная лилия.....	3
-------------------------------------	---

ПОЭЗИЯ

Косенко Т.	
Отражаются ивы в реке	4
За печкой тихо дремлет гном	4
Мишечкина А. И снова я стою на берегу.....	4
Мозго А.	
Звездной пылью судьбой одаренная.....	5
Колыбельная	5
Филиппова Ю. Я не жду от тебя ничего	5
Чулова Е.	
Вроде зелено, но все же	6
Мяу – ура	6
Балтрукова Е.	
Vixi.....	6
Я б хотела убить	6
Лабовкин Д. Поэма об одном чувстве	7
Гочаков С.	
Она лежала полугола	8
На сердце руку положив.....	8
Багарадава Т.	
На белым снежным жупане	9
Холодная кропля маеі датыкнеца далоні	9
Кажуць, вельмі складана праз вернасць прайсці	9
А на вокнах – шыбы ў карунках леду	9
Власенко А.	
Sickly	10
So Little Money, Such Big Ambitions	10
Motherly Love	10
Jendreizik L.	
Klug-Scheißerei.....	11
Panzer-Hund	11
Brillen-Weisheiten	11

ПРОЗА

Косенко Т. Золотые оттенки печали	12
Мозго А. Рождество под шелест сентября	12
Колощиц В. Очаровательные пропасти	13
Заболотнева К.	
Музолог.....	14
Женщины	16
Лабовкин Д. Шрамы	19
Балтрукова Е.	
Писатель.....	23
Витражи.....	25
Гочаков С. Платяная вошь	27
Гугнин А. Июньские зори, или Несколько дней в деревне	44

ПЕРЕВОДЫ

Altenberg P. «Schnee».....	67
Альтенберг П. «Снег» (Перевод Т. Гордеенок).....	67

НАШИ ГОСТИ

Лабовкина О.	
Всем вам	68
Когда будут выпущены все стрелы	68
Горон Е.	
Тебя показывают мне со спины	69
С красной строки	69
Постфактум.....	71

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЪЕКТИФФ

Литературный альманах

Основан в 2014 году

Выпуск 3

Ответственная за выпуск *А.И. Мозго*
Компьютерная верстка *Д.А. Лабовкин, С.В. Гочаков, А.И. Мозго*
Дизайн обложки *В.В. Гочаков*

Подписано в печать 23.01.2015. Формат 60х84 $\frac{1}{8}$. Бумага офсетная. Ризография.
Усл. печ. л. 8,37. Уч.-изд. л. 6,31. Тираж 99 экз. Заказ 94.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования «Полоцкий государственный университет».

Свидетельство о государственной регистрации
издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/305 от 22.04.2014.

ЛП № 02330/278 от 08.05.2014.

Ул. Блохина, 29, 211440, г. Новополоцк.